ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
Адольф Эрман
Я тот, кто создал живой огонь…
Я Хафра утром, и Ра в полдень,
И Атум в вечернюю пору.
ЖИЗНЬ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Адольф Эрман

Жизнь в Древнем Египте

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607765
Жизнь в Древнем Египте: Центрполиграф; Москва; 2008
ISBN 978-5-9524-3431-8

Аннотация

Книга известного немецкого ученого посвящена бытовой и культурной жизни древнего египтянина. Основываясь на достоверных источниках информации (папирусы из древних архивов и библиотек, надписи и рисунки из храмов и гробниц, бесчисленные свидетельства материальной культуры), автор подробно и увлекательно описывает эволюцию одежды египтян, устройство и убранство их домов, формы проведения досуга и способы зарабатывания на жизнь, систему образования, семейные и религиозные отношения. Эрману удалось объективно оценить величие египетского искусства и отдать ему дань уважения, необыкновенно интересно рассказать о магии и эзотерической мифологии умных, практичных и очень энергичных египтян.

Содержание

Таблица сокращений 4
Введение 6
Глава I 11
Глава II 26
Глава III 66
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Адольф Эрман
Жизнь в Древнем Египте

Таблица сокращений

Abb. – Папирус Эббота, опубликован в: Select Papyri in the Hieratic Character from the collections of the British Museum (Избранные папирусы, написанные иератическими символами, из собрания Британского музея). London, 1844–1860.

An. – папирусы Анастази в Select Papyri.

A. Z. – Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde.

Bol. – папирус из Болоньи, опубликованный Линке, Korrespondenzen aus der Zeit der Ramessiden (Письма эпохи Рамессидов). Leipzig, 1878.

Br. Wb. – *Brugsch.* Hieroglyphisch-Demotisches Wörterbuch (*Бругш.* Иероглифическо-демотический словарь). Leipzig, 1867–1880.

Br. Gr. W. – *Brugsch.* Die ägyptische Gräberwelt (*Бругш.* Мир египетских могил). Leipzig, 1868.

Champ. mon. – *Champollion.* Monuments de l'Egypte et de la Nubie (*Шампольон.* Памятники Египта и Нубии). Paris, 1835, bis 1845.

Düm. Flotte – *D* ü *michen.* Die Flotte einer ägyptischen Königin (*Дюмихен.* Флот египетской царицы). Leipzig, 1868.

Düm. Res. – *D* ü *michen.* Resultate der… 1868 nach Aegypten entsendeten… Expedition (*Дюмихен.* Результаты египетской экспедиции 1868 г.). Berlin, 1869.

Ebers – Папирус Эберса. Das hermetische Buch über die Arzneimittel. Herausgegeben von G. Ebers (Герметическая книга о медицинских средствах, издана Г. Эберсом). Leipzig, 1875.

Harris (I.) – Facsimile of an Egyptian Hieratic Papyrus of the reign of Rameses III. (*Харрис.* Факсимиле египетского иератического папируса времен правления Рамсеса III). London, 1876.

Harris 500 – Папирус, опубликованный у Масперо в: Études égyptiennes. Vol. I. Paris, 1886.

Insc. In the hier. char. – Надписи иератическими символами из собрания Британского музея, Лондон, 1868.

L. A. – из коллекции Abklat Лепсиуса, которая находится в Берлинском музее.

L. D. – *Лепсиус.* Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien (Памятники Египта и Эфиопии). 1849–1858.

Lee – папирус Ли, см. далее P. j. T.

Leps. Ausw. – Lepsius, Auswahl.

Leyden – Папирус, опубликованный в: *Leemans.* Aegyptische Monumenten van het Nederlandsche Museum van Oudheden te Leiden. Leyden, 1839–1882.

Lieblein – *Lieblein.* Dictionnaire de noms hieroglyphiques (*Либлейн.* Словарь иероглифических имен). Leipzig, 1871.

Mar. Cat. d'Ab. – *Mariette.* Catalogue géné ral des monuments d'Abydos (*Мариет.* Общий каталог памятников Абидоса). Paris, 1880.

Mar. Karn. – *Mariette.* Karnak. Leipzig, 1875.

Mar. Mast. – *Mariette.* Les Mastabas de l'ancien empire. (*Мариет.* Мастабы Древнего царства). Paris, 1881–1887.

Mar. mon. div. – *Mariette.* Monuments divers recueillis en Egypte (*Мариет.* Различные памятники старины, собранные в Египте). Paris, 1872, bis 1877.

M. E. – Среднее царство.

N. E. – Новое царство.

O. E. – Древнее царство.

d'Orb. – Папирус д'Орбиньи, опубликованный в Select Papyri.

Pap. – папирус

Pap. De Boul. – *Mariette.* Les papyrus egyptiens de Boulaq. (*Мариет.* Египетские папирусы Булака). Paris, 1872–1877.

Perrot – *Perrot et Chipiez.* Histoire de l'art dans l'antiquité. Tome I. l'Egypte (*ПерроиШипье.* История искусства древности. Том I, Египет). Paris, 1882.

P. j. T. – *Deveria.* Le papyrus judiciaire de Turin et les papyrus Lee et Rollin (*Девериа.* Судебный папирус из Турина и папирусы Ли и Роллена). Париж, 1868 (из Journal asiatique).

Prisse – *Prisse.* Facsimile d'un papyrus égyptien en caractéres hiératiques (*Присс.* Факсимиле египетского папируса, написанного иератическими символами). Paris, 1847.

Prisse mon. – *Prisse.* Monuments égyptiens (*Присс.* Египетские памятники). Paris, 1847.

R. J. H. – *Rouge´*. Inscriptions hiéroglyphiques (*Роже.* Иероглифические надписи). Paris, 1877–1879.

Rollin – папирус Роллена, см. выше, P. j. T.

Pos. M. C. – *Rosellini.* Monumenti dell' Egitto e della Nubia (*Розеллини.* Памятники Египта и Нубии). Пиза, 1842–1844. Часть, озаглавленная «Гражданские памятники».

Ros. M. stor. – Там же, часть «Исторические памятники».

Sall. – Папирусы Салье, опубликованные в Select Papyri.

Tur. – *Pleyte et Rossi.* Les papyrus de Turin Leyde, 1869–1876.

W. – *Wilkinson.* The manners and customs of the ancient Egyptians. New Edition by S. Birch (*Уилкинсон.* Нравы и обычаи древних египтян. Новое издание С. Бёрча). London, 1878.

Введение

Греки, которые начиная с VII века до н. э. часто бывали в долине Нила, приходили в изумление, обнаруживая там цивилизацию, которая, будучи явно древнее, была по меньшей мере равна их собственной. Их поражало то, что они видели, – могущественные многолюдные города, странные гигантские храмы и народ, который ни в чем не был похож на жителей Ионии или греческих островов. Этот народ почитал как богов быков и крокодилов, которым служили безволосые жрецы в льняной одежде; и египтяне отличались от других народов не только в религиозных обрядах, но и в повседневной жизни – они, казалось, делали все наоборот по сравнению с тем, что было принято в других странах.

Мудрый Геродот написал: «О Египте мои замечания будут очень длинными, потому что ни одна страна не владеет таким количеством чудес и ни одна не имеет так много произведений, которые трудно описать. Не только климат ее иной, чем в остальном мире, и реки не похожи на остальные реки, но также и народ в большей части своих нравов и обычаев полностью противоположен тому, как обычно поступают люди. Женщины ходят на рынки и торгуют, а мужчины сидят дома за ткацким станком, и в остальном мире уток ведут по основе снизу вверх, а египтяне ведут его сверху вниз. Кроме того, женщины носят грузы на плече, а мужчины на голове. Женщина не может занимать должность священнослужителя ни при боге, ни при богине, а жрецами и тех и других являются мужчины. Сыновья не обязаны обеспечивать своих родителей, если не желают этого сами, а дочери должны это делать, хотят они этого или нет. В других странах жрецы имеют длинные волосы, в Египте же их головы обриты; во всех других местах принят обычай, что на время траура родные умершего коротко обрезают волосы, а египтяне, которые в любое другое время ходят совсем без волос, при потере родственника отращивают длинную бороду и длинные волосы на голове. Все другие люди живут отдельно от животных, египтяне же всегда держат животных рядом с собой. Другие едят ячмень и пшеницу, в Египте делать это позор, а зерно, которым они питаются, – полба, которую некоторые называют «зеа». Тесто египтяне месят ногами, а грязь перемешивают руками. Их мужчины носят две одежды сразу, а женщины только одну. Египтяне прикрепляют кольца и закрепляют канаты на парусах с внутренней стороны, другие же народы прикрепляют их снаружи. Когда египтяне пишут или считают, то двигают рукой не слева направо, как греки, а справа налево; и тем не менее они настаивают на том, что это они делают это направо, а греки налево».

Каким бы односторонним и преувеличенным ни было это описание, оно показывает нам, насколько странными и непонятными египтяне казались даже образованным грекам, действительно старавшимся понять этот древний народ. А греческий простой народ смотрел на египтян с тем же удивлением, с которым наши народы глядят на китайцев и японцев с их косичками. У таких греков египтяне были предметом для дешевых острот, и они шутили над тем, что эти люди поклоняются быкам вместо того, чтобы приносить их в жертву, почитают угрей вместо того, чтобы их есть, и оплакивают умерших кошек вместо того, чтобы снимать с них шкуру. И все же, несмотря на насмешки, греки испытывали уважение к этим людям, которые с высоты своей древней цивилизации смотрели на греков как на детей. Возможно, был какой-то глубокий скрытый смысл в этих странных божествах и храмах, и может быть, эти безволосые жрецы владели тайной мудростью, непонятной обычным людям. Многие греческие ученые совершали паломничество в долину Нила, надеясь, что эти жрецы помогут им решить великие головоломки мироздания. Стеснение и недоверчивость, с которыми принимали греков, не отпугивали их, и они жадно старались понять смысл старинной религии, который был так заботливо скрыт завесой тайн. Мы теперь понимаем, что эти тайны не имели глубинного смысла и что греческий философ стоял на более высокой сту-

пени умственного развития, чем египетский жрец. Но греки так никогда по-настоящему и не поняли этого, и чем молчаливее и сдержаннее вели себя жрецы, тем больше греки верили, что те владеют чудесными секретами. А когда они со временем узнавали эти тайны и понимали то, что было написано в священных текстах об Осирисе, Исиде и Горе, вера в мудрость египтян уже имела в их душах такие глубокие корни, что они не могли взглянуть без предубеждения на эти совершенно лишенные духовности мифы. Вместо того чтобы почувствовать их внутреннюю пустоту, греки толковали их согласно своим собственным философским идеям.

Почтение к египетской старине становилось все сильнее с каждым проходившим веком, и в конце концов Исида и даже Анубис с его шакальей головой были приняты в круг олимпийских богов, а при римлянах мистерии этих богов торжественно праздновались повсюду под шум систра (трещотка, род кастаньет. – *Ред.)* и с тайными обрядами.

Простодушная вера греко-римского мира в неизвестную мудрость египтян продержалась семнадцать столетий: еще недавно пирамиды и обелиски вызывали у нас удивление и страх, на саркофаги и простецкие изображения демонов на них мы смотрели с настоящим трепетом, а масоны использовали египетские иероглифы и символы в качестве талисманов.

Теперь, когда мы научились понимать значение монументов, читать надписи и изучили литературу Древнего Египта, былой блеск угас, вместо прежнего «тусклого света религии» взошло безжалостное солнце науки, и мы видим древних египтян такими, какими они были на самом деле, – не лучше и не хуже других великих народов. Старинная «мудрость» египтян в каких-то отношениях выглядит менее чудесной, а кое в чем стала даже казаться отвратительной, а их обычаи не более странные, чем обычаи любого другого народа, и не заслуживают ни нашего осмеяния, ни нашего почтения. В одном только отношении (в том, о чем сами древние думали мало) мы, люди современного мира, испытываем величайшее восхищение перед египтянами – из-за их искусства, которое достигло таких величия и самобытности, которые есть еще лишь у немногих народов.

Романтический интерес к старым временам теперь уступил место более серьезным исследованиям, которые вызваны прогрессом египтологической науки. История Египта, вероятно, берет начало в более давнюю эпоху, чем история любой другой страны, за исключением Месопотамии (Шумера. – *Ред.).* Мы знаем внешний облик страны, ее язык, литературу, религию и искусство с очень ранней даты – с 3000 года до н. э., а о европейских странах почти ничего не известно до гораздо более поздних времен: в те дни, когда герои Гомера сражались под Троей, Древний Египет уже прошел пору своего расцвета и достиг времени упадка. Цивилизация многих других стран, возможно, и была такой же древней, но не оставила после себя никаких следов, а в Египте до нас дошло столько памятников, что их, кажется, невозможно сосчитать.

За это счастливое обстоятельство мы должны благодарить египетский климат: в течение многих веков сухой воздух и песок сохраняли для нас даже такие легко разрушающиеся вещи, как одежду и свитки папируса. Более того, египтяне под влиянием своих странных религиозных представлений очень заботились о долгом существовании и богатом украшении своих гробниц. Большинству народов, стоявших на том же уровне развития цивилизации, было достаточно разрушаемых временем могил, а египтяне готовили для своих мумий просторные долговечные гробницы, богатые украшения которых во всей полноте представляют нам жизнь этих людей. Таким образом, в Египте мы имеем сведения о тех веках далекого прошлого, которые в других странах скрыты плотной завесой неизвестности.

Эта возможность заглянуть в Древний мир учит нас многому и развеивает ложное представление, что люди двух последних столетий отличаются от людей более давнего прошлого. Египтяне в 3000 году до н. э. были бы похожи на современных людей, если бы находились на той же стадии развития цивилизации и жили в той же среде. Их язык, религия

и система управления развивались по тому же пути, что и у более поздних народов. Мир в эти древние времена был таким же, как сейчас: те вечные законы, которые управляли им, действуют и теперь. Прогресс цивилизации, изобретения, сделанные человечеством, внесли лишь небольшие изменения. Древние царства были основаны в результате войн, похожих на те, в результате которых были основаны современные государства; древнее искусство расцветало или увядало под действием тех же обстоятельств, которые влияют на сегодняшнее искусство.

Египет является для нас поучительным уроком еще в одном отношении: ни в одной другой стране нет такого малого числа пробелов в последовательности исторических событий. От дней царя Снофру (IV династия) до завоевания Египта Александром Великим и от времени греков до арабского вторжения мы видим почти нигде не разорванную во времени цепь памятников и сочинений. Только в этой стране мы можем наблюдать за одним и тем же народом в течение пяти тысяч лет; язык сменился один раз, религия два раза (а у коптов – один), национальное происхождение правящего класса много раз, но природные условия жизни оставались почти неизменными. То, в какой степени этот народ, несмотря на все эти перемены, сохранял свои старые представления и обычаи, вызывает у науки величайший интерес. При нынешнем запасе наших знаний мы не в состоянии удовлетворить его, но существует другой вопрос, более простой и едва ли менее интересный, на который ответ может появиться очень скоро. Нет сомнения, что в поздние времена (1500 лет до н. э.) египтяне много общались со своими северными соседями. Поэтому возникло предположение, что эти менее развитые народы многому научились у египтян, и что греки, в частности, заимствовали у них начала своего искусства. Теперь мы знаем, что народы классической древности получили мало знаний напрямую из Египта, но что был период времени, когда финикийцы полностью находились под египетским влиянием, и что этот деятельный торговый народ распространил достижения египетской цивилизации по всей территории Греции и Италии.

Нам доступны источники информации, из которых мы можем узнать об особенностях цивилизации Древнего Египта. Это, во-первых, памятники в самом Египте – храмы и гробницы с их бесконечными рядами надписей и рисунков, свитки папируса из древних библиотек и архивов и многочисленные предметы, похороненные с мумиями. Во-вторых, это древнееврейские книги, в которых рассказано о жизни Иосифа и Моисея: в них много говорится о египетской жизни. В-третьих, это рассказы греческих путешественников.

Разумеется, в цепи исторических событий, которую мы складываем из того, что подсказывают памятники, есть много пробелов, но, если мы сами не будем делать по собственной вине ошибок в оценке этих сведений и позаботимся о том, чтобы не смешивать памятники разных периодов, мы получим очень правдивое и достаточно близкое к истине представление о развитии египетской цивилизации.

Трудно сказать, много ли мы можем узнать из Ветхого Завета («Книг Моисеевых»): в них в более поздние времена могли внести много редакционных изменений, а потому, если искать описание египетской жизни раннего периода, надо относиться к этому источнику с осторожностью.

Что касается греческих писателей, то главный из них – Геродот. То, что Геродот узнал со слов египетских жрецов о ранней истории Египта, по большей части представляет собой легенды и недостоверно. Но его собственные наблюдения – это самый правдивый рассказ, какой можно получить от туриста, несколько месяцев ездившего по чужой для него стране и не знающего ее язык. Геродот описал Египет более чем через пятьсот лет после той эпохи, о которой мы сейчас говорим (и более чем через две тысячи лет после постройки пирамид), и то, что было верно для его времени, не всегда верно для эпохи Рамсесов и еще менее верно для эпохи пирамид.

Поэтому для решения нашей проблемы мы обращаемся только к памятникам, и на первый взгляд кажется, что им просто нет числа. Уже опубликованные переводы надписей и папирусов могут заполнить не один большой том, множество египетских текстов ждет расшифровки и в Египте, и в наших музеях, и никто не может сказать, сколько их еще скрыто в египетской земле, ведь до сих пор лишь в немногих древних городах и кладбищах были тщательно проведены раскопки. К этому мы должны также прибавить огромное количество рисунков, покрывающих стены и колонны гигантских храмов и гробниц. Однако, когда мы начинаем сортировать этот материал, многое придется признать бесполезным и отсеять. Большие города и дворцы царей были построены из дерева и необожженного кирпича, и в оставшихся на их месте кучах обломков мы мало можем найти такого, что рассказало бы нам о жизни их обитателей.

Храмы со своими надписями и настенными рисунками стоят и сегодня, но эти надписи и рисунки почти все относятся только к культу богов или же могут содержать сведения о том, что такой-то царь построил это святилище для своего отца-бога, который в награду за это благочестивое деяние дал ему жизнь длиной в миллионы лет. Если же мы (в виде исключения) обнаруживаем надпись, в которой идет речь о военных подвигах правителя, о них рассказано таким официальным стилем и в таких стереотипных выражениях, что мы на самом деле о египетской жизни узнаем мало нового.

Гробницы подходят нам гораздо больше, хотя даже в них, к нашему несчастью, религиозная тема в надписях и рисунках преобладает над всеми остальными. Однако в большинстве гробниц самого раннего периода все же изображены сцены из домашней жизни умершего или рассказано о его делах и о почестях, которых он добился. Кроме того, в гробницах находятся всевозможные предметы, которыми покойный пользовался в своей домашней жизни или на службе и которые теперь должны были служить ему и в подземном мире, – оружие, украшения, доска для игры в шашки, иногда письма от его родных или важный юридический документ. Однако эти гробницы со своим содержимым, как ни важна их роль, развертывают перед нами картину египетской жизни с некоторыми искажениями и не полностью. Видно, что умерший был готов рассказать о ярких моментах своего жизненного пути – о повышениях в должности, о наградах, полученных от царя, и т. д., но как его растили и воспитывали, как он жил дома – об этом (и вообще обо всех частных обстоятельствах своей жизни) он умалчивал, считая это неинтересным для потомства. Мы также не должны слепо верить всему, что находим в гробницах, поскольку ради того, чтобы создать у нас высокое мнение о богатстве и добродетелях умершего, надписи и рисунки могли не только преувеличивать и приукрашивать действительность, но во многих случаях были просто скопированы с других гробниц и потому не соответствуют действительности. Предметы, найденные в этих гробницах, часто изготавливались заранее и хранились в ожидании неизбежного, а потому могут не быть точным подобием тех вещей, которыми покойный пользовался при жизни.

Что касается папирусов, то большинство из них также не годятся для нашей цели, поскольку их содержание чисто магическое или религиозное. Папирусы светского содержания – это в основном школьные учебники и предназначены для того, чтобы пробудить в юных учениках стремление к знаниям и добродетельной жизни. В этих папирусах счастье быть ученым так откровенно восхваляется за счет принижения других занятий, что в их утверждения невозможно слепо верить. Любовные и приключенческие повести тоже ненадежны: они описывают не Египет, а волшебную страну.

Иероглифическая часть Розеттского камня

Однако существует много частных деловых писем, инвентарных списков, записных книжек и юридических документов, которые имеют важнейшее значение для изучения египетского народа. В них мы видим египтян такими, какими они были на самом деле, – со всеми их слабостями и без тех пышности и церемоний, которыми окружена жизнь, изображенная для нас на памятниках. К несчастью, их особенно трудно читать – из-за непонятных намеков на события повседневной частной жизни и странных выражений сомнительно, чтобы их когда-нибудь смогли полностью расшифровать.

Таким образом, наши источники информации при первом взгляде кажутся очень богатыми, но постепенно их число уменьшается, а те, которые у нас остаются, – очень односторонние и часто изображают или описывают одно и то же снова и снова – например, кормление скота и уход за ним представлены в сто раз чаще, чем ткачество или изготовление гончарных изделий. А многие занятия и обычаи, вероятно, считались слишком незначительными, чтобы их изображать. Мы не должны также отрицать, что египтяне могли пользоваться какими-то предметами (вещами), лишь по той причине, что не можем обнаружить изображения таких предметов (вещей) на памятниках.

Нужно добавить к этому еще одну особенность, которая обычно затрудняет нашу задачу, то есть описание цивилизации Древнего Египта. Гробницы, где есть изображения сельскохозяйственных работ, иного крестьянского труда и различных ремесел, в большинстве случаев относятся к периоду Древнего царства, а почти все папирусы, по которым мы изучаем обычаи общественной и политической жизни, относятся к более поздней эпохе – Новому царству. Поэтому мы, например, точно знаем, как строились суда, но были ли труженики свободными землепашцами или зависимыми людьми – этого мы не знаем. С другой стороны, папирусы XIII и XII веков до н. э. много рассказывают нам о положении ремесленников и иных тружеников в обществе, но как эти люди выполняли различные работы, мы редко можем подробно и точно описать. Чтобы нарисовать картину жизни в Египте какой-то определенной эпохи, мы должны с помощью воображения заполнять подробностями ту или иную часть этой картины, поскольку она никогда не бывает полной.

Нет никаких указаний на то, что это положение может когда-либо измениться. Поэтому на последующих страницах мы создаем лишь набросок картины нравов и обычаев Древнего Египта: больше чем набросок сделать сейчас невозможно, и вряд ли мы можем надеяться, что даже в будущем впишем в картину все подробности.

Глава I
СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Уже часто говорили о том, что основная разница между восточной и западной цивилизациями – это различие в положении женщины. На Западе женщина – товарищ мужчины, на Востоке – его служанка и игрушка. На Западе было время, когда уважение к женщине переросло в ее культ, а на Востоке всерьез обсуждался вопрос, принадлежит ли женщина к человеческому роду.

Однако такая точка зрения неверна и в отношении Востока, и в отношении Запада, поскольку учение Мухаммеда в отношении женщин было такой же преувеличенной крайностью в одном отношении, как и сентиментальный культ женщины на Западе в Средние века – в другом, противоположном. Положение женщин очень похоже у всех народов, достигших определенного уровня культуры, если на это положение не влияют особенности религиозных взглядов, таких как мусульманство или христианство. Как правило, одна женщина бывает законной женой и хозяйкой дома, но при этом мужчина может, если его состояние достаточно велико, держать при себе и других женщин, и, как правило, считается, что рабыни, которые служат в доме, принадлежат своему господину. Такое положение вещей, которое нам кажется в высшей степени аморальным, не казалось таким первобытным людям; наоборот, рабыня считала себя опозоренной, если не «находила милость» у своего господина. Такая точка зрения на брак существовала и в Древнем Египте. Только одна женщина была законной женой своего мужа, «его дорогой женой», «госпожой его дома»; но когда нам удается бросить взгляд внутрь хозяйства, где был достаток, то мы, кроме нее, обнаруживаем в «доме женщин» «прекрасных певиц» и иных прислужниц. Насколько мы можем судить, отношения между мужем и женой во все эпохи были основаны на верности и привязанности. Когда супругов изображают вместе, мы часто видим, что жена нежно обвивает своей рукой шею мужа, дети стоят возле своих родителей, а самая младшая дочь сидит, согнувшись, под стулом своей матери. Жена помогает мужу управлять домашним хозяйством, она и дети любуются, как он ловит птиц сетью, или жена сопровождает мужа в охотничьих поездках на лодке по болотам. В надписях эпохи Древнего царства воздается хвала жене, «почитаемой ее мужем», а в старинной книге мудрых изречений наместника Птаххотепа утверждается, что мудр тот, «кто основывает для себя дом и любит свою жену». Какой глубокой могла быть супружеская любовь, может свидетельствовать трогательная исповедь вдовца, которая сохранилась для нас в позднем Лейденском папирусе. После смерти своей жены, которую звали Анхере, этот человек заболел, и, видимо, маг сказал ему, что это жена наслала на него такое несчастье. Тогда он написал полное скорби письмо «мудрой душе» Анхере и положил это послание на ее могилу в надежде умилостивить жену. Он жалуется: «Какое зло причинил я тебе, что должен был оказаться в этом отвратительном положении? Что я сделал тебе такого, чтобы ты наложила на меня свою руку, когда тебе не было сделано никакого зла? С того времени, как я стал твоим мужем, и до сих пор разве я сделал что-нибудь, что должен скрывать от тебя? Ты стала моей женой, когда я был молод, и я был с тобой. Меня назначали на всевозможные должности, и я был с тобой; я не покидал тебя, я не причинял твоему сердцу никакого горя… Когда я командовал пешими воинами фараона и его колесничными воинами, я устроил так, чтобы ты приехала, и они падали в поклоне перед тобой, и они приносили тебе всевозможные хорошие вещи в подарок… Когда ты была больна поразившей тебя болезнью, я пошел к главному врачу, и он приготовил для тебя лекарство, он делал все, что он, по твоим словам, должен был делать. Когда я должен был сопровождать фараона в его поездке на юг, мои мысли были с тобой, и я провел эти восемь

месяцев, не заботясь о том, чтобы есть или пить. Когда я вернулся в Мемфис, я упросил фараона и взял тебя к себе, и я сильно оплакивал тебя со своими людьми перед моим домом»[1].

Многоженство было исключением, и мы редко обнаруживаем, чтобы в доме правили две жены одновременно.

Однако в различные эпохи было несколько таких примеров. Амони, «великий человек юга», умерший, вероятно, в начале царствования Аменемхета II, имел двух жен. Одна из них, которую звали Небет-сохет-энт-Ра (а обычно называли Небет), возможно, была его племянницей. Она родила ему двух сыновей и двух дочерей. От другой жены, Хнут, у него, несомненно, были три дочери и один сын. Одно любопытное обстоятельство показывает нам, что две жены были подругами: госпожа Небет-сохет-энт-Ра назвала свою вторую дочь именем Хнут, а госпожа Хнут простерла свою учтивость так далеко, что назвала всех трех своих дочерей именем Небет-сохет-энт-Ра. Этот же обычай мы обнаруживаем на столетие позже – правда, он, видимо, существовал в низших слоях общества. Один из воров, грабивших царские гробницы, имел одновременно двух жен – «госпожу Таруру и госпожу Тасуэи, его другую, вторую жену».

Цари часто имели двух жен сразу; например, Рамсес II имел двух великих «супруг царя», Нефрет-ере-мер-ен-мут и Эсет-нофрет; а заключив свой договор с царем хеттов, он привез домой в Египет дочь хеттского монарха тоже как жену. Несомненно, этот третий брак был вызван политическими причинами: союз с хеттской принцессой Ра-ма-уэр-нофру скреплял дружбу Рамсеса II с ее отцом, и фараон не мог дать дочери своего могущественного соседа звание ниже чем имя законной жены. Подобные же причины, вероятно, приводили к браку с двумя женщинами и у частных лиц. Как мы уже видели ранее, в Египте многие дочери богатых людей имели ценные права как наследницы отцовского имущества. История одной семьи номархов из Бени-Хасана дает нам такой пример. Хнемхотеп, сын Нехере, правителя города Хат-Ра-шетпеб (и, возможно, члена семьи номарха соседнего нома Зайца), владел номом Газели благодаря удачному браку своего отца с наследницей князя из правившей там семьи. Чтобы обеспечить такую же удачу своим детям, Хнемхотеп женился на Хети, наследнице нома Шакала, и действительно, благодаря этому браку его сын Нахт позже унаследовал эту провинцию. Но хотя Хети пользовалась всем уважением, положенным ей по высокому рангу его «любимой жены» и «госпожи его дома», и хотя только ее три сына именовались «великими законными сыновьями князя», похоже, что свою любовь Хнемхотеп еще раньше отдал одной госпоже, служившей в его доме, – «начальнице казны» по имени Татет. В нарушение упомянутого ранее обычая Хнемхотеп велел изобразить эту госпожу и двух ее сыновей – Нехере и Хнемхотепа, «сыновей князя», – непосредственно сзади своей официальной семьи. Татет сопровождала Хнемхотепа в его спортивных экспедициях, где она сидит за Хети и одета не хуже законной жены. На торжестве в честь похорон того же Хнемхотепа мы обнаруживаем Хети и Татет в крытой ладье вместе с «детьми князя и женщинами», под охраной двух престарелых слуг княжеского двора[2].

Нет сомнения, что эти *женщины* были из гарема этого князя, из «дома затворниц», как они желали именоваться. В гробницах редко встречаются упоминания о гареме, но он, несомненно, существовал во все эпохи как одно из роскошных удовольствий богатого человека. Мы уже упоминали о царском доме женщин, который находился под строгой охраной. Обязанностью его обитательниц было, в частности, развлекать фараона песнями, и дамы из гаремов частных лиц тоже должны были быть умелыми в подобных занятиях. В гробнице

[1] Leyden, 371; лучше издано Масперо в Etud. egypt., с. 145 и след. с. Приведенный выше отрывок процитирован по второму из этих изданий – в той степени, в которой этот трудный для понимания текст может быть переведен с допустимой степенью уверенности.

[2] Mar. Cat. d'Ab., 627. Похожий случай в ту же эпоху, там же, 586. Но из трех женщин там же, 1161, две названы «бывшими», то есть это бывшие жены.

придворного по имени Ти, жившего при IX династии, мы видим изображения дам из гарема, которые танцуют и поют перед своим господином. У нас есть также рисунок, на котором показан гарем эпохи Нового царства. В одной из гробниц Эль-Амарны (Ахетатона), которые относятся к концу правления XVIII династии, жрец высокого ранга по имени Эйе приказал изобразить свой дом. Пройдя через службы, кладовые, огромный обеденный зал, спальню и кухню в самом дальнем конце двора, посетитель подходил к двум зданиям, которые были обращены одно к другому задними стенами и разделены маленьким садом. Это были женские покои – гарем Эйе, где жили женщины и дети. Мы можем бросить взгляд внутрь домов и увидеть, чем – как предполагалось – занимались их обитательницы. На изображении они едят, танцуют, играют на музыкальных инструментах или расчесывают одна другой волосы; кладовые, изображенные сзади, очевидно, были наполнены арфами, лютнями, зеркалами и сундуками для одежды. Обладание таким гаремом было, конечно, доступно только для людей из верхов общества по той же причине, что на современном Востоке, – из-за размера расходов.

Один из двух домов для женщин, которые принадлежали Эйе (по L. D., iii. 106 a)

Мы не знаем, какие формальности были необходимы в Египте, чтобы вступить в законный брак, или, как говорили египтяне, «основать для себя дом»; вероятно, как в греческие и христианские времена, существовали формальные брачные договоры. Возможно, существовал также обычай, как и в более поздние времена, брать жену на «год кормления» – испытательный срок длиной в год, по прошествии которого брак можно было расторгнуть, уплатив определенную сумму денег. Существовал также еще один обычай, чуждый нам, – брак с сестрой; он стал обычным делом в Египте и позже – при Птолемеях и римлянах.

Большинство Птолемеев были женаты на своих сестрах, а при правлении римского императора Коммода (р. 161, правил в 180–192 гг.) две трети граждан Арси сделали то же самое. Брак с сестрой шокирует нас, но египтянам он казался совершенно естественным, так же как в современном Египте брак с двоюродной сестрой считается в высшей степени разумным и правильным. Боги подали людям подобный пример: братья Осирис и Сет взяли в жены своих сестер Исиду и Нефтиду.

В семействе царей XVIII династии мы обнаруживаем, что Яхмос-Нефертере вышла за своего брата Яхмоса, госпожа по имени Яхмос была супругой своего брата Тутмоса I, госпожа Арат – супругой своего брата Тутмоса IV и т. д.[3] В надписях любого периода мы часто встречаем слова «его любимая сестра» там, где можно ожидать появления слов «его любимая жена». Невозможно, чтобы все эти места в текстах относились к незамужним особам, которые вели хозяйство своих холостых братьев. «Твоя сестра, которая у тебя в сердце, которая сидит возле тебя» на пиру, или «твоя любимая сестра, с которой ты любишь говорить» – эти дамы должны быть ближе мужчине. Никак иначе нельзя объяснить и тот факт, что два каменщика, руководившие работами в каменоломнях Хаммамата, имели с собой каждый «свою сестру». Старые девы, разумеется, не могли быть так сильно привязаны к своим братьям, чтобы последовать за ними в эту ужасную жаркую пустыню.

Однако возможно, что не все эти *сестры* действительно были женами своих братьев, и – как очень верно заявляет Юст у Лессинга – «существует много видов сестер». В египетских лирических стихах влюбленные всегда называют друг друга «мой брат» и «моя сестра», и во многих случаях нет сомнения, что его *сестра* означает его *возлюбленная,* его *любовница.* Например, надпись на одной стеле из Берлинского музея сообщает, что некий Аменемхеб служил молебны в храме Осириса в сопровождении своей матери и семи своих сестер, причем «сестрами», вероятно, были семь дам из его гарема. Мы знаем, что в конце римской эпохи на смену строгим неразрывным узам супружества пришли более свободные формы брачного союза, но, вероятно, и в более ранние времена многие египтяне предпочитали вступить в непрочный союз с «сестрой», а не заключить формальный брак с женой[4]. Похоже, что такое положение дел было очень распространено в низших слоях общества. В наших руках оказались две жалобы, поданные пятью женщинами-работницами; о четырех из них сказано, что они «живут» с таким-то рабочим, и лишь об одной – что она *жена* своего мужа[5].

Видимо, уровень нравственности в «артели рабочих» – египетских пролетариев – был очень низким; похоже, что среди рабочих было обычным преступлением «нападать на женщин, если они не местные». Мы не можем закрыть глаза на то, что в этом отношении египетское общество допускало такую же свободу, как и античное общество классической эпохи. Ни одного разумного человека не может оскорбить та наивность, с которой они говорили и изображали на письме в качестве часто употреблявшихся знаков то, что по нашим современным понятиям следует тщательно скрывать. С другой стороны, когда мы видим целый ряд непристойных рисунков, которые выполнил и снабдил подписями некий карикатурист, живший при XII династии, и знаем, что эта книга была обнаружена в гробнице, это нас шокирует: какова же должна быть нравственность у народа, который мог давать умершим в вечный путь такую литературу. И наконец, что могли бы мы сказать о древней священной книге, которая, описывая блаженную жизнь, ожидающую фараона после его смерти, уверяет

[3] На основании титулов дочерей Рамсеса II было сделано предположение, что этот царь был женат на собственных дочерях. Но это ошибка: каждая принцесса при рождении получала звание «супруга царя», см.:*Maspero.* Guide, с. 342.

[4] Видеманн (Hierat. Texts, с. 16) также предполагает, что термин *сестра* обозначает один из видов брака. Он думает, что это выражение обозначает пробный брак. С этим я не могу согласиться.

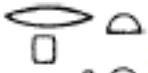
[5] Tur., 47, 8; Sall., 2, 2–3. Слово *хбсуи* (буквально «та, кто одевает своего мужа») может означать *любовница.* Мужчины названы их*мужьями.*

его, добавляя несколько слов, которые мы не вполне можем понять, что на небесах он будет, если пожелает, «уводить жен от их мужей».

Конечно, существовало множество особ женского пола, которые не были «хорошими женщинами» (то есть не принадлежали к приличному обществу). Как и в других древних странах, часто это были женщины, покинутые своими мужьями и путешествовавшие по стране. Поэтому приезжая женщина всегда вызывала подозрения, и мудрец говорил; «опасайся женщины из чужих мест, о которой неизвестно, из какого она города. Когда она приходит, не смотри на нее и не знай ее. Она как водоворот в глубоких водах, глубина которых неизвестна. Женщина, муж которой далеко, пишет тебе каждый день. Если рядом с ней нет свидетелей, она встает и раскидывает свою сеть. О, страшное преступление слушать ее!» Поэтому тот, кто мудр, избегает ее и берет себе жену в юности; во-первых, потому что собственный дом мужчины – «лучшая из вещей», во-вторых, потому что «она одарит тебя сыном, подобным тебе». Иметь детей считалось величайшим счастьем, и отношения между родителями и детьми, как они предстают перед нами, – восхитительная картина египетской семейной жизни.

«Ты никогда не должен забывать, что твоя мать сделала для тебя, – учит мудрый Эней, – она родила тебя и вскармливала тебя всевозможными способами. Если ты забудешь о ней, она может упрекать тебя, она может «воздеть свои руки к богу, и он услышит ее жалобу». После положенного числа месяцев она родила тебя, она кормила тебя грудью три года. Она вырастила тебя, а когда ты поступил в школу и обучался письму, она каждый день приходила к твоему учителю с хлебом и пивом из ее дома».

Почтение, которое сын испытывал к матери, было так велико, что в гробницах эпохи Древнего царства мать умершего, как правило, бывает изображена вместе с его женой, а отец редко появляется на рисунках. На похоронных стелах более позднего времени тоже обычно указывали родословную умершего по материнской линии, а не по отцовской, как обычно делаем мы. Мы читаем: «Недему-снеб, рожденный от Сат-Хатор»; «Анхор, рожденный от Небонет», или «Себекреда, рожденный от Сент», но как звали их отцов, нам не сообщили, или отцы упомянуты лишь случайно. Возможно, этот странный обычай (и подобный ему обычай в Восточной Африке) возник из-за мнения, что происхождение ребенка можно доказать лишь со стороны матери, которая его родила, а кто отец, всегда можно лишь предполагать. Возникают неизбежные последствия такой точки зрения, и до сих пор в племенах туарегов звание вождя в знатных семьях наследует не его сын, а сын его сестры; то есть в том, что сестра умершего принадлежит к роду вождей, уверенности больше, чем в том, что к этому роду принадлежит сын самого вождя. Видимо, в знатных семьях Древнего Египта преобладал такой же порядок наследования, но наследником был не сын дочери, а сын старшей сестры. Мы уже упоминали, что в эпоху Среднего царства номы передавались от одной семьи к другой через наследниц, и потому тот, кто женился на наследнице

( , как она называлась), получал для своего сына наследство своего тестя. В ран-

нюю эпоху мы встречаем этих наследственных князей на каждом шагу; очевидно, они были высшей аристократией. Но даже в этих семьях наследство не всегда переходило к сыну дочери: у нас есть описанные современниками событий примеры случаев, когда наследование шло так, как нам представляется более естественным: наследство переходило непосредственно к сыну. Так, Нахт унаследовал город Менат-Хуфу от своего отца; Амони унаследовал ном Газели таким же образом, а Дхутхотеп унаследовал ном Берше от своего отца Гая. Но, несмотря на все эти исключения, описанный выше порядок, должно быть, считался

установленным в старину обычаем и настолько вошел в плоть и кровь египетского народа, что естественным защитником подрастающего юноши считался «отец его матери».

Если чиновнику удавалось сделать блестящую карьеру, именно дед с материнской стороны имел от этого пользы больше всех: «Когда его ставят во главе суда, то отец его матери благодарит бога». От эпохи Нового царства до нас дошло сообщение о молодом военачальнике, который был принят на службу в королевские конюшни «ради отца своей матери», а когда должен был отправиться на войну, «оставил свое имущество на попечение отца своей матери»[6].

Тем не менее эти взгляды и обычаи были не в состоянии разрушить естественные взаимоотношения между отцом и сыном. Напротив, во все времена каждый отец от всей души старался оставить свою должность своему сыну, чтобы «его сын сидел в его кресле, когда он уйдет»; а священным долгом сына было «сделать так, чтобы имя его отца жило». В обоих случах боги подавали пример людям всех времен: Гор отомстил за смерть своего отца Осириса и очистил свое имя от обвинений, предъявленных Сетом, поскольку он сам взошел на «трон своего отца» и надел венец Атеф – корону отца – на свою голову.

Отец не очень много мог сделать для обеспечения того, чтобы сын стал его наследником: фараон должен был решать этот вопрос вместе со своими советниками, но они (если были набожными) считали своим долгом в наибольшей возможной мере исполнять упомянутое религиозное предписание, то есть «помещать каждого человека на трон его отца». Долг сына легче было выполнить, учитывая то, как сын должен был давать жизнь имени своего отца: для этого надо было поддерживать в хорошем состоянии отцовскую гробницу и приносить там положенные жертвы в дни праздников. Многие благочестивые сыновья заверяют нас в своих жизнеописаниях, что выполнили эти священные обязанности: например, номарх Хнемхотеп рассказывает: «Я сделал так, что имя моего отца увеличивалось, установил место для его посмертного почитания и выделил для этого поместье. Я сопровождал в храм мои статуи (то есть статуи членов своей семьи в дни шествий). Я подносил им дары – чистый хлеб, пиво, растительное масло и благовония. Я назначил похоронного жреца и наделил его землей и работниками. Я выделил дары для умерших на каждый праздник, который проходит в некрополе». Эти обязанности по отношению к умершим переходили как наследство по прямой линии от одного главы семейства к другому, но подобный долг был и у других членов семьи, даже в более поздних поколениях они тоже должны были поддерживать установленный культ и в праздничные дни оказывать почести своим предкам (своим благородным людям , как их называли).

Фараоны особенно должны были чтить своих предков, «прародителей царя». Несмотря на это преклонение перед предками, мы сомневаемся, что древние египтяне – за исключением царского семейства – имели много семейной гордости. По надписям из египетских гробниц хорошо известно: египтяне не забывали упомянуть ничего из того, что можно было использовать для увеличения славы умершего. Однако среди многочисленных надписей времен Древнего и Среднего царства мы редко встречаем похвалы знаменитым предкам умершего; заметным исключением из этого правила был один верховный жрец в Абидосе, который хвалился, что построил свою гробницу «посреди гробниц своих отцов, которым он обязан своим существованием, знатных людей древних времен». О семье умершего почти ничего не говорится, редко упоминается даже его дед[7]. Если умерший был потомком царя, то

[6] An., 3, 6, 4, 7. Ср. также: L. D., iii. 12 d, где «сын дочери» дарит гробницу «отцу своей матери».

[7] Louvre, C. 170. Стела Аменемхета, сына Антефа, сына Кемсе, созданная в двенадцатый год правления Аменемхета II (L. A.); Leyden, v. 3 (L. A.), дед упомянут, но его имя не названо.

он сообщал потомству свою родословную, но такой случай был исключением; например, в одной из гробниц эпохи Древнего царства на том месте, где обычно указывается имя умершего, мы находим такую родословную:

Царь Снофру

Его великая законная дочь Нефреткау

Ее сын Нефермаат, государственный казначей

Его сын Снофру-хаф, государственный казначей, жрец Аписа, ближайший друг царя, князь, из города Нехента, из города Пе

Таким образом, Снофру-хаф был потомком царя Снофру, и его родословная выглядит так:

По неполноте этой родословной, в которой не указано даже имя деда, мы видим, как мало Снофру-хаф думал об истории своей семьи; его интересовало только то, что он был родственником фараона. То же верно и для более поздних времен: речь всегда идет об отдельном человеке и очень редко о роде или семье[8]. Только в самый поздний период египетской истории – во времена эфиопских царей, затем Псаметтихов и персов, когда люди гордились памятью о былом величии своего народа, мы обнаруживаем полные родословные деревья. Естественно, что в эту эпоху человек радовался, если мог похвалиться происхождением от одного из чиновников царя Рамсеса.

Есть еще одно обстоятельство, подтверждающее это. По мере смены поколений народ, обладающий чувством принадлежности к роду, неосознанно создает родовые имена, хотя бы только в виде прозвищ с нечетким значением – таких, которыми пользуются старинные семьи бедуинов. У египтян – даже у знатных семей эпохи Среднего царства – нет никаких следов существования подобных имен. Лишь дойдя до эпохи упадка Египетского царства, мы начинаем обнаруживать хотя бы склонность к использованию семейных имен: во времена чужеземных правителей-ливийцев потомки древнего семейства фараонов называли

[8] Родословная из семи поколений художников храма Амона, относящаяся к началу XVIII династии, Lieblein, 553. Родословная до прадеда (XIX династия), там же, 888.

себя «сынами царя Рамсеса», объединившись таким образом в род «сыновей Рамсеса» – «Рамессидов».

По этой причине имена египтян были только личными, и (если мы можем так сказать) не имели исторического содержания. Тем не менее в них есть много интересного, и более подробное их изучение хорошо вознаградит внимательного исследователя. Конечно, на имена существовала мода, и среди них очень мало таких, которые использовались во все эпохи, хотя идеи, выражаемые ими, были очень похожи.

Более простые имена – короткие обозначения телесных или умственных качеств их носителя. Например, имена некоторых знатных людей эпохи Древнего царства означают *Маленький, Молодой* или *Довольный,* а одна госпожа называлась просто *Красивая.* В эпоху Среднего царства нам встречаются мужчины с именами *Здоровый* и *Сильный,* а женщины носят имена *Красота, Похожая, Милая, Зеленеющая* или *Она здорова,* а в дни Нового царства некоторые из мужчин называются *Высокий, Прекрасный лицом,* а женщины — *Сильная* и *Крупноголовая*[9]. Нередко использовались названия животных: *Ихневмон* (фараонова мышь), *Сом, Лев, Дикий Лев, Головастик, Дочь Крокодила, Конь;* а в эпоху Нового царства нам встречаются *Кот* и *Котенок*[10]. Из растительного мира есть женское имя *Прекрасная Сикомора*[11]. Можно обнаружить имена, указывающие на хорошую репутацию их носителя: *Хвалимый, Возлюбленный, Любимый, Достойный Благодарности, Прекрасно То, Что Он Делает*[12]. Разумеется, таких имен было очень много у женщин. Мы обнаруживаем не только имена *Первая Любимица, Прекрасная Госпожа, Любящая, Моя Госпожа Как Золото* и *Это Моя Царица,* но также дерзкие преувеличения – имена *Возлюбленная Обеих Стран* и *Правительница Обеих Стран*[13].

Во все времена было много имен, подсказанных семейной любовью. В них родители выражают то, как они рады своему ребенку, и часто это бывает трогательно. Имена *Прекрасный День* и *Прекрасное Утро*[14] давались в память о радостном дне рождения мальчика; ребенок был *Мой Собственный* или *Единственный,* родителям он был дорог как *Их Глаза;* он был для родителей *Их Самое Прекрасное* или *Их Богатство.* Отец говорил о нем: *Я желал этого,* ребенок был *Приемлемый,* ему говорили *Добро Пожаловать*[15]. Дочь называли *Прекрасная, Как Ее Отец* и *Правительница Своего Отца;* при ее рождении говорили: *Красота Приходит,* а при рождении сына: *Богатство Приходит*[16]. Те, кто ушел из этого мира, снова начинали жить в детях: *Братья Живут, Его Отец Живет;* а овдовевший отец скорбно говорил младенцу: *Замени Ее.* Теперь семья выживет: *Матери* снова рождаются в дочерях, и *Его Имя Живет* благодаря им[17]; все надежды сосредоточены на сыне, и в своем уме отец уже видит, что сын – его *Защитник, Князь, Вождь,* или думает о том, что сын станет его наследником, и потому называет его уже в младенчестве именем *Вождь Наемников*[18].

Само собой разумеется, что в вопросах выбора имен огромную роль играла религия: мужчинам нравилось именоваться в честь того бога, которому главным образом служила их

---

[9] Я даю здесь транскрипцию имен и указываю эпохи буквами Др., Ср.: и Нов.: Шере, Недес, Недемеб, Неферт; Ср.: Снеб, Нехти, Нефру, Сент, Бенрет, Уадет, Сенебтесе; Нов.: Ка, Неферхет, Тенра, Таат-дада.

[10] Др.: Хетес, Хуа, Ма; Ср.: Ма-хеса, Хефнер, Геф, Сатепа, Хтор; Нов.: Меу, Митшереу.

[11] Ср.: Нехт-нефрет.

[12] Др.: Хеси; Ср.: Мери, Мерит; Нов.: Нефер-сехру; Др.: Нефер-эрт-неф.

[13] Ср.: Хат-шепест; Нов.: Хнут-нефрет; Ср.: Мерерт, Небте-м-нуб; Хнуте-пу, Мерит-тауи; Нов.: Небт-тауи.

[14] Нов.: Хау-нефер; Ср.: Дуат-нефер.

[15] Нов.: Пайе, Уате; Ср.: Мерте-сен; Нов.: Тасен-нефер; Др.: Дефатсен; Нов.: Аб-ене, Неферт-еу; Нов.: Эй-м-хотеп.

[16] Др.: Нефрет-эн-этс; Ср.: Небт-эт; Др.: Эй-нефер, Эй-дефа.

[17] Др.: Сну-анх, Ср.: Этф-анх, Деба-сет, Мут, Ренф-анх.

[18] Др.: Саф; Нов.: Па-сер, Па-хри, Ра-хрии-педт. Последние два имени в An., 5, 11, 7 и след. с., их носили предводитель наемников и его сын.

семья; женщины в основном желали называться в честь Хатор (Хатхор), владычицы небес, земли и загробного мира, покровительствовавшей женщинам в период беременности и во время родов. Некоторые из этих религиозных имен прославляли богов; например, такими были любимые в эпоху Древнего царства имена: *Сокар Сияет Духом, Птах Действует Правильно, Ра прекрасен, Прекрасно Лицо Птаха, Ра Доволен, Бог Богат*[19].

Имена могли также выражать благодарность богам или веру в богов, например старинные имена *Птах Дает Мне Жить, Амон – Ее Богатство, Принадлежащий Птаху, Слуга Ра* и странное *Брат Амона*[20]. Имен второго рода было особенно много в эпоху Нового царства, например *Сын Монта, Дочь Хатор, Товарищ Себека, От Амона, Дар Амона;* другие любимые имена провозглашали славу богам: *Амон Первый, Себек Первый* или *Хатор Первая*[21]. Во время религиозного возрождения в эпоху Нового царства был (разумеется, больше чем изобилие) переизбыток религиозных имен; многие из них были составлены по старым образцам – например, *Данный Ладьей Осириса, Амон Доволен, От Сета, От Гора;* другие построены по-новому — *Рожденный Луной, Ра Дал Ему Рождение, Амон в Пустыне, Амон на Пиру, Гор в Ладье, Мут в Ладье*[22]. Эти новые имена имеют довольно необычный, почти, можно сказать, богословский характер: в них отражается не простая набожность, а знание религиозного учения, например, того, какие боги сопровождают бога солнца в его небесной ладье. Со времен Нового царства каждый человек носил имя или титул бога: мужчин звали *Гор, Хонсу* (бог войны позднего периода, сын Амона и Мут), *Уеннофре* или *Царь Богов,* женщин — *Сехмет* или *Хозяйка Дандары*[23].

Нас не может удивить то, что египетские чиновники, которые всегда старались показать свою лояльность, часто называли своих детей в честь царей. В эпоху Древнего царства мы обнаруживаем такие имена-словосочетания: *Хафра-анх, Снофру Прекрасен, Пепи Прочен, Пепи Силен*[24]. В эпоху Нового царства предпочтение оказывали именам, которые обозначают благочестие фараона, например: *Сети в Доме Тота* или *Неферкера в Доме Амона*[25]. Однако после XI династии в ходу был обычай давать сыновьям имя царя без дополнений, а также называть сыновей первыми именами и титулами царя, например *Сияющий в Фивах* или *Бык* с *Понимающим Сердцем;* а во времена Нового царства использовались в качестве имен даже такие титулы, как *Господин Обеих Стран* и *Ваш Господин*[26].

Обычай давать детям имя фараона, не прибавляя никакого эпитета, то есть называть детей Амони, когда на троне был Амони, или Антеф, когда царствовал Антеф, создает большую путаницу. Цари XI династии носили имена Амони, Антеф или Ментухотеп, и эти имена продолжили свою жизнь во многих семьях. Некоторые из царей XII династии носили имя Аменемхет, а остальные Сенусерт, и главнейшие придворные называли своих детей в их честь.

Поэтому при XII династии эти пять имен встречались на каждом шагу; например, в одной семье из двадцати семи мужчин тринадцать назывались Сенусерт. Точно так же в более поздние времена при XVIII династии постоянно встречаются имена Яхмос и Амен-

---

[19] Др.: Секер-ха-бау, Птах-ха-мерут, Птах-нефер-эрт, Ранофер, Нефер-хер-эн-Птах, Рахотеп, Нетер-усер.

[20] Др.: Птах-санхуе, Амендефас, Нсу-Птах, Хент-Ра, Сен-Амун. Такие имена, как Сен-Амун, Хатор-сат и т. д., возможно, были эллиптическими и понимались как «брат (полученный) от Амона», «дочь (полученная) от Хатор» и т. д.

[21] Ср.: Са-Менту, Сат-Хатор, Себек-эре, Амони, Амендадат, Аменемхет, Себекемхет, Хаторемхет.

[22] Нов.: Нешемт-дадат, Аменхотеп, Сети, Гори (Горе), Эяхмос, Рамессу, Амен-ем-ент, Аменемхеб, Хор-ем-уе, Мут-ем-уе.

[23] Ср.: Гор, Хонсу; Нов: Уеннофре, Неб-нутеру, Сехемт; Ср.: Небтент.

[24] Др: Хафра-анх, Снофру-Нофер, Пепи-деде, Пепи-нехт.

[25] Нов: Сети-м-пер-Дхоте, Нефер-ке-ра-ем-пер-Амун.

[26] Хамуесет, Ка-мен-еб; Небтауеи, Неб-сени – оба последних имени эллиптические: «тот, кто *принадлежит* господину обеих стран».

хотеп, а при XX имя Рамсес. Похоже, что те, кто был особенно благонамерен (а какой египетский чиновник не желал, чтобы его считали благонамеренным), не только не удовлетворялись тем, что называли своих детей в честь монарха, но и переименовывали их, когда на трон вступал новый фараон. Например, при Сенусерте I (XX в. до н. э.) «верховный судья и наместник» носил имя этого царя, хотя нам трудно поверить, что первый чиновник царства родился при его правлении. Более вероятно, что он родился при Аменемхете и носил какое-то другое имя, а потом сменил его на царское при вступлении на престол нового фараона. Нам встретилось много подобных случаев.

Перемена имени на царское, несомненно, должна была привести к большой путанице в царстве, но при дворах номархов эпохи Среднего царства путаница, должно быть, была еще больше, потому что во времена XII династии у служащих, занимавших должности в хозяйствах знатных людей, возник обычай называть себя и своих детей в честь их господина так же, как у государственных чиновников – в честь фараона. Вот пример, который может дать представление о том, какая невероятная путаница возникала в результате этого. Той провинцией, наместники которой похоронены в Бени-Хасане, управляли в начале эпохи Среднего царства (не знаю, в каком порядке) князья, носившие имена Амони, Хнемхотеп, Нетрухотеп, Хети, Бакте, Нахт и Нетернахт. Вследствие этого при дворе Хнемхотепа, сына Нехера, которого мы так часто упоминали, две трети чиновников нома носили имя этого князя. Среди его слуг было по меньшей мере одиннадцать человек по имени Хнемхотеп, девять по имени Нетернахт, четыре Хети, четыре Бакте, два по имени Нетрухотеп, два Амони и один Нехере. Только каждый третий носил такое имя, которое нравилось ему самому.

Остается еще рассказать о самой худшей части этой путаницы: египтяне часто доходили до того, что давали братьям или сестрам одно и то же имя. Например, Сабу, верховный жрец в Мемфисе в эпоху Древнего царства, назвал своего второго сына Сабу, а четырем остальным дал имя Птахшепсес. Его старший сын и наследник последовал его примеру и назвал по меньшей мере двух своих сыновей именем Птахшепсес, а третьему дал имя Сабу. В эпоху Среднего царства мы обнаруживаем семью, в которой три дочери носили имя Небет-сохет-энт-Ра, и существует еще много подобных случаев[27].

Чтобы отличать друг от друга людей с одним и тем же именем, в обычной жизни им, несомненно, давали прозвища или уменьшительные имена; надписи, стиль которых строг и официален, редко сообщают нам, какими были эти прозвища. В эпоху Древнего царства, чтобы отличить сына от его отца, которого звали так же, к имени сына добавляли слово *Маленький.*

Со временем из этих прозвищ образовались вторые имена, и знатные господа и госпожи эпохи пирамид часто носили еще «маленькое имя», кроме «большого» или «красивого» имени[28].

Первым из имен было детское имя, которым обычно пользовались, – например, Хетес; второе – звучное имя с красивым значением, например *Сокар Сияет Духом.* Так, некая госпожа Тепес имела дополнительное большое имя *Прекрасен Мир Хатор,* госпожа Бебе называлась еще и *Золотой Мир,* а некая Геба — *Прекрасная Руководительница.* Одна гаремная дама называлась и *Служанка Ра,* и *Любезная.* В более поздние времена мы тоже часто видим два имени у одного человека, например Кай Усертсен, Усертсен Сенебсенебнеб; а кормилица по имени Сенебтесе носила добавочное имя *Мое Небо Прочно.*

Иногда, чтобы дать человеку имя для повседневного применения, немного изменяли его полное имя. Например, в семьях уже упоминавшихся верховного жреца Сабу и Птах-

[27] R. J. H., 94; Mar. Mast., 378. Не вполне ясно, какое из двух поколений старше.

[28] По-египетски «рен нодес», «рена» и «рен нофер». Примеры этого: Mar. Mast., 74 и след. с., 357, 360, 375, 400, 436 и часто – в других местах.

шепсеса младшего сына называли уменьшительным именем Птахшеп вместо Птахшепсес. У взрослых мы тоже обнаруживаем подобные сокращения длинных имен. Имя Пепидеде *(Пепи прочен)* сокращалось в Деде — *Прочен.* Амендадат и Себекдадауе, *Дар Амона* и *Себек Дарует Меня,* часто становятся Дадат и Дадауе, *Дар* и *Дарует Меня;* Небет-Сохет-ент-Ра, *Хозяйка Полей Ра,* укорачивается до Небет, *Хозяйка,* и т. д. Многочисленные бессмысленные уменьшительные имена, которые дошли до нас от эпохи Древнего царства, вероятно, являются сокращениями гораздо более древних имен. Такими были имена Эсе, Сесе, Эссе, Эте, Тете, Этте, Эпе, Пепи, Эппе, Эффе, Кеке, Бебе, Т'ет'е (вероятно, они произносились Атоти, Апопи[29] и т. д.). У других народов та форма имени, которую оно приобретает в устах лепечущего ребенка, часто используется как ласкательная – например, английские уменьшительные имена Дик или Дики от Ричард, Боб или Бобби от Роберт, Уотт и Уотти от Уолтер. Очевидно, какие-то формы египетских имен соответствовали этим Боб и Бобби; например, позже, в эпоху Нового царства, мы сталкиваемся с именами Тути, Тутеу, Теи, Нанеи, Тепа, Пепиу, Папепе и другими в том же роде.

Из того, что было сказано, можно сделать вывод, что египтяне придавали именам меньше значения, чем другие народы, находившиеся на той же ступени развития цивилизации. Это странно, поскольку они в то же время очень заботились о том, чтобы их имена сохранились для потомства. Согласно религии египтян, лучшее, что человек мог сделать для любого другого человека, – это «дать жизнь его имени» с помощью надписей и рисунков, а самое худшее – дать этому имени погибнуть. Египтяне усердно искореняли и уничтожали имена и изображения людей, которых они ненавидели; такое возмездие было распространено во все эпохи и совершалось как царями, так и частными лицами. Например, в одной гробнице времени Древнего царства, которая сохранилась в нетронутом виде, мы обнаруживаем, что имена и изображения двух из сыновей умершего аккуратно соскоблены – очевидно, по приказу отца, который после постройки этой гробницы по какому-то случаю был недоволен этими сыновьями.

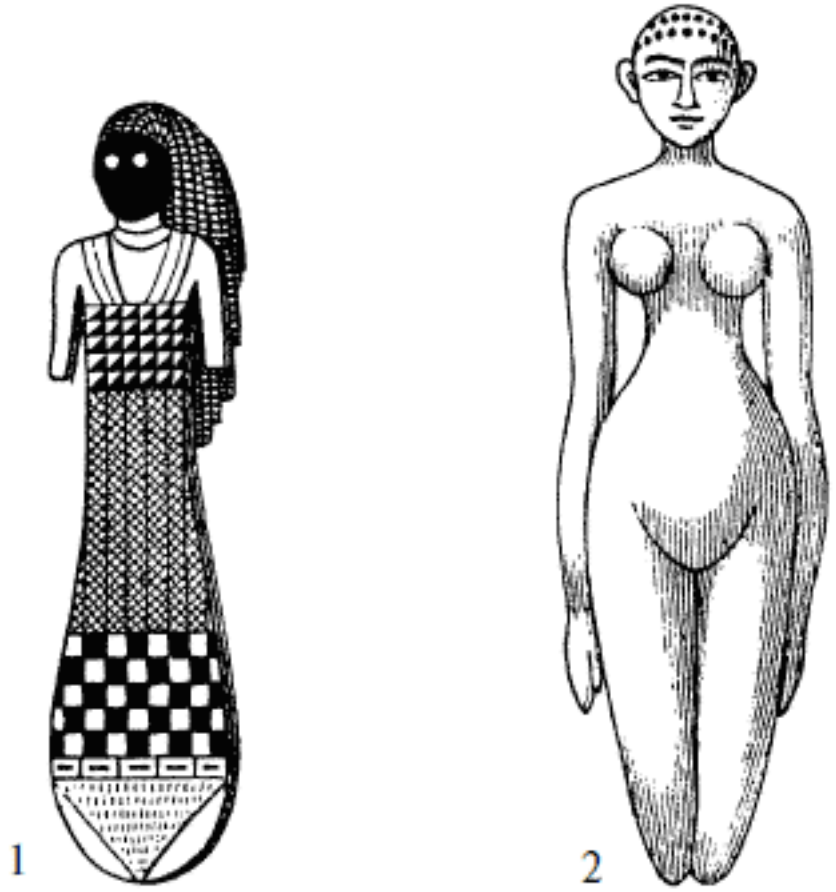
Стела из Абидоса, которая теперь находится в Лейденском музее, принадлежала очень высокопоставленному человеку: это был «наследственный князь; князь и ближайший друг царя, первосвященник с правом носить царский фартук, судья и пророк богини Маат, великий жрец Осириса» и так далее – короче говоря, верховный жрец в Абидосе. В юности он занимал государственную должность: «передавая приказы царя, он делал то, что нравилось царю», его управа «была знаменита во всей стране», и царь Сенусерт I «посадил его среди своих друзей, потому что он был прекрасен в глазах его величества». В конце концов этот человек сменил своего отца в должности абидосского верховного жреца и умер, пробыв в этой должности двадцать четыре года. В этой длинной надписи нет никаких указаний на то, чтобы что-то омрачило его отношения с двором, но, должно быть, после его смерти о нем все же стало известно что-то дурное или какой-то его враг пришел к власти, потому что имя этого верховного жреца было стерто с тех двух мест, где оно стояло, и это сделали так старательно, что невозможно прочесть ни одного знака.

Само собой разумеется, что фараоны делали то же самое по отношению к царям – своим соперникам или к тем своим предшественникам, которые им не нравились. Можно перечислить много таких случаев. Например, Тутмос III приказал стесать с камней все имена и изображения своей сестры (сводной тетки; Тутмос III был сыном мужа Хатшепсут Тутмоса II и одной из наложниц. – *Ред.)* Хатшепсут, которая, вероятно, держала его под своей опекой как несовершеннолетнего гораздо дольше, чем было положено по праву. Если мы внимательнее посмотрим на изуродованные памятники царствования царицы Хатшепсут, мы обнаружим и другие повреждения, не вызванные гневом Тутмоса III. Отовсюду акку-

[29] Ср. греческие написания египетских имен: Тт'е превратилось в Афофис, Эпепи в Апофис.

ратно стерто имя и изображение бога Амона – очевидно, по приказу царя-вероотступника Эхнатона (бывшего Аменхотепа IV), который установил культ солнечного диска и в течение всего своего царствования последовательно и постоянно старался стереть имя Амона во всех храмах и гробницах долины Нила. Этот фанатик пытался ввести единобожие, чтобы его имя «вечно было на устах у живых».

Мать заботилась о ребенке в годы его младенчества, она три года кормила его грудью и носила его на шее – это в точности соответствует обычаю современных египтян. В первые годы детства мальчики, а часто и девочки[30] ходили голыми. Один внук царя Хуфу (Хеопса) ходил в том наряде, в котором его произвела на свет природа, даже когда вырос настолько, что был «пишущим в доме книг», то есть учился в школе. Многие дети носили короткую косичку на правой стороне головы по примеру бога Гора, который, как считалось, носил такой локон. Я не могу сказать, все ли дети определенного возраста носили такую прядь, или первоначально она была отличительным знаком наследника, как подсказывают нам рисунки времен Древнего царства[31].



1. Кукла той же формы, что наши куклы-подушечки для булавок, у нее длинные волосы (Британский музей, по W., ii. 64; похожая есть в Берлине)

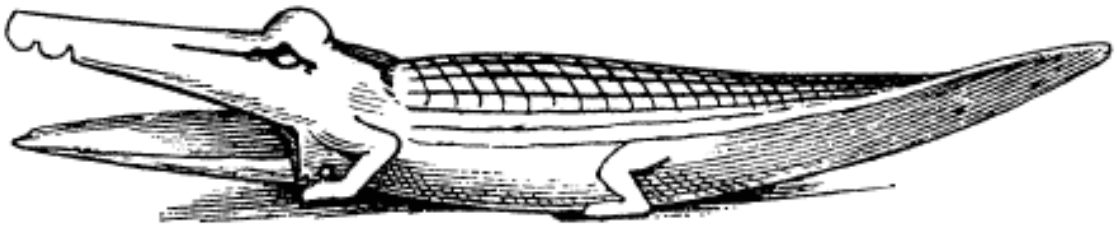
2. Кукла. Волосы утрачены (Британский музей, по W., ii. 64

[30] Голые: Др.: L. D., ii. 10, 23, 54; Нов.: L. D, iii. 8 b. Одетые: L. D., ii. 27, 36.

[31] Большинство детей Древнего царства ходили без этого локона; он появляется в случаях: L. D., ii. 11, 23, 73; Dtim. Res., 8; Perrot, c. 142. Маленькая царевна Нового царства: L. D., iii. 8 b. Взрослая девушка в гареме: там же, 106 a. Маленький царевич: L. D., iii. 10 b. Во времена XII династии царские дети обычно носили вместо этого локона широкую ленту.

Неизвестно в точности и то, как долго ее носили: в одном стихотворении «царское дитя с локоном» – это десятилетний мальчик[32]; с другой стороны, молодой царь Меренра (из VI династии) носил этот локон всю свою жизнь, а в Новом царстве царские сыновья, несомненно, носили его даже в старости.

Годы детства – первые четыре года, когда каждый был «мудрым малышом»[33], то есть послушным ребенком, проходили так же, как они проходят во всем мире. Игрушки, например, гадкий крокодил, хорошенький маленький человечек, который может прыгать, и красивые куклы, которые двигали руками[34], показывают нам, что египетские девочки были точно такими же, как другие дети.



Игрушка-крокодил с движущейся челюстью (Лейден, по W., ii. 64; похожая есть в Берлине)

В детской комнате были также цветы и ручные птицы; и мы узнаем, что Сехентхак, мальчик, «пишущий в доме книг», не стыдился всюду носить с собой несчастного удода. Отрочество, время учебы, следовало за детством, которое во времена Нового царства завершалось в конце четвертого года жизни ребенка[35]. Ребенку-школьнику тоже полагалось одеваться определенным образом; похоже, что в более ранние времена его наряд состоял только из набедренной повязки. Египтяне понимали, что руководить обучением ребенка – долг его отца: это мы узнаем из любимых ими диалогов отца и сына, входивших в учебники. В действительности детей из высших слоев общества даже в таком юном возрасте часто отсылали прочь из дома, и они получали воспитание во дворце вместе с царскими детьми или должны были поступить в школу, принадлежавшую какому-либо из правительственных ведомств, чтобы готовиться к государственной службе[36].

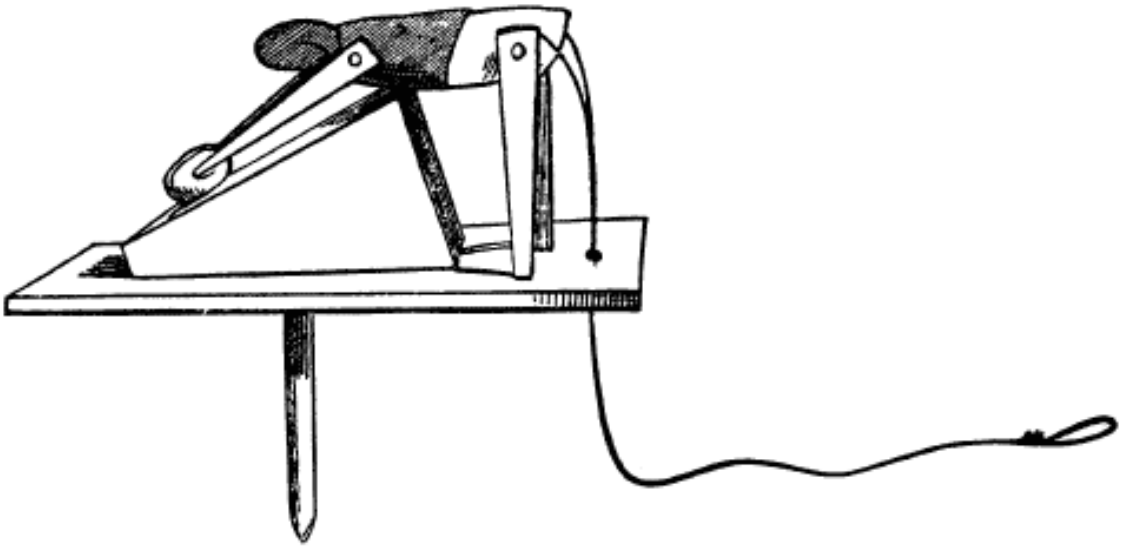
[32] Надпись из Кубана, 1. 16.

[33] Надпись верховного жреца Бекенхонса, которая находится в Мюнхене.

[34] Куклы времени XI династии, сделанные из дерева и слоновой кости, с движущимися руками: Maspero, Guide, с. 250.

[35] Надпись верховного жреца Бекенхонса.

[36] Верховный жрец Бекенхонс, например, с пятого по пятнадцатый год своей жизни состоял при одной из царских конюшен.



Кукла на шарнирах, изображающая раба, который растирает зерно. Лейденский музей (по W., ii. 64)

Кроме чисто научного образования и гимнастических упражнений, например плавания, школьная программа состояла прежде всего из уроков этики, практической философии и хороших манер. Из книги, выпущенной в свет, вероятно, в эпоху Среднего царства, но написанной при царе Исеси (из V династии), мы узнаем, как отец должен был поучать своего сына: «Не гордись своей ученостью, а советуйся со всеми, потому что учиться можно у всех. К почтенному мудрому человеку относись с уважением, но равного себе поправляй, если он держится неверного мнения. Не гордись земными благами и богатством, поскольку они пришли к тебе от Бога без твоей помощи. Клевету никогда не следует повторять, сообщения нужно доставлять точно. В чужом доме не смотри на женщин; женись; давай еду своим домашним и не позволяй возникать ссорам из-за ее раздачи. В остальном сохраняй на лице выражение довольства и оказывай положенное уважение тем, кто выше тебя. Тогда ты получишь самую высокую для мудрого человека награду: «…князья, услышав тебя, скажут: «Как прекрасны слова, которые исходят из его уст».

Исида с младенцем Гором. Фарфоровая скульптура из Берлинского музея

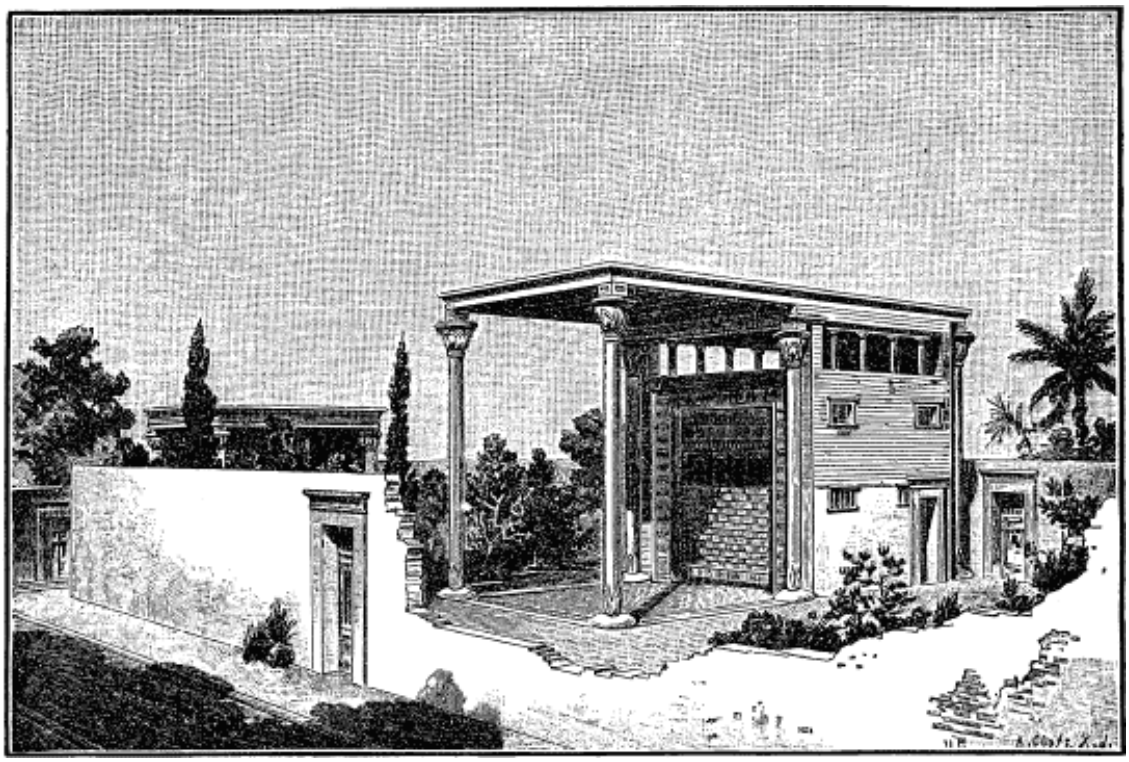
В подобном же *поучении,* относящемся к эпохе Нового царства, даны еще более подробные советы. Будь трудолюбив, «держи свои глаза открытыми, иначе ты станешь нищим, потому что праздный человек не достигает почета». Не будь навязчивым или нескромным; «не входи без приглашения в дом другого человека; если он попросит тебя войти, это почет для тебя. Не смотри вокруг, не смотри вокруг в доме другого человека. Если твои глаза увидят что-нибудь, молчи об этом и не рассказывай про это другим людям вне дома – иначе, если это услышат, это станет для тебя преступлением, заслуживающим смерти. Не говори слишком много, потому что люди глухи к многословному человеку; лучше молчи, тогда ты будешь приятен; поэтому не говори. Прежде всего следи за своей речью, потому что «гибель человека – в его языке». Тело человека – кладовая, полная всевозможных ответов. Поэтому выбери из них правильный и говори хорошо, а неверный ответ пусть остается заперт в твоем теле».

За едой соблюдай чистоту и «не наполняй жадно свое тело». Не ешь хлеб, когда рядом стоит другой человек, или положи на этот хлеб и его руку тоже… Один беден, другой богат, но хлеб остается у того, кто щедр. Тот, кто был богат в прошедшем году, может в этом году стать даже бродягой». Никогда не забывай проявлять уважение к другим и «не садись, если стоит человек, который старше тебя или занимает должность выше твоей».

Этих правил хорошего тона достаточно, чтобы человек увидел, как сильно египтяне из верхов общества заботились о хороших манерах, а употребление в письмах устойчивых выражений строго определенного вида (хотя они слегка изменялись в соответствии с общественным положением и должностями участников переписки) показывает нам, что египтяне эпохи Нового царства были любителями строгого этикета. Нет сомнения, что в те времена формальная сторона общественной жизни была не менее церемонной, чем сейчас у египетских мусульман.

Глава II
ДОМ

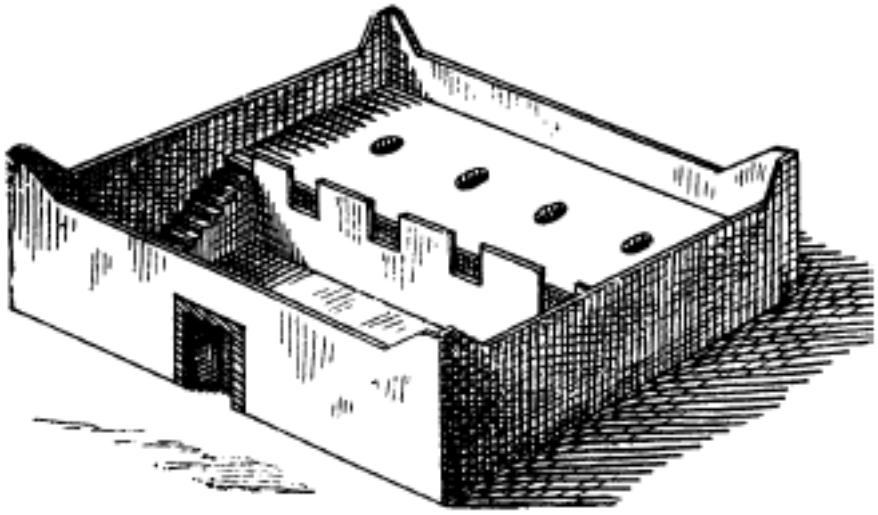
Когда говорят об архитектуре Древнего Египта, нам невольно приходят на ум те чудесные храмы и гробницы, развалины которых прославили долину Нила. Но в действительности эти гигантские здания были исключением по сравнению с обычным стилем построек в Египте, где дома были настолько же легкими и непрочными, насколько храмы – мощными и вечными. Вместо толстых стен египетские дома того времени имели стены из илистой нильской земли, вместо гигантских колонн – симпатичные деревянные опоры, вместо каменных крыш – навесы из пальмовых стволов. Только одно у них было общим – яркая окраска: богато окрашены были и все части дома, и храмы. Можно удивиться тому, что египтяне, несмотря на то что были великими мастерами в строительном деле, никогда не применяли «вечные камни» при постройке своих жилых домов. Но нильский ил – такой удобный строительный материал, что в зданиях, не предназначенных существовать вечно, казалось нелепым заменять его камнем, вырубавшимся из скал. Следует также учесть особенности климата: было нужно, чтобы здание защищало от жгучего солнечного зноя, но всюду давало доступ для большого количества воздуха; а массивное каменное здание едва ли было бы приятным местом во время сильнейшей летней жары, свойственной Верхнему Египту. Легкая постройка с небольшими, хорошо проветриваемыми комнатами и занавесями из циновок на окнах, стоящая среди тенистых деревьев и, если возможно, возле дававшей прохладу воды, – вот какой дом лучше всего подходил для египетского климата, и такие дома строили древние египтяне во все эпохи.



Реконструкция деревенского дома

Конечно, между одним домом и другим могла быть огромная разница. Если мы не станем брать в расчет, с одной стороны, *дома* крестьян (которые, вероятно, жили в земляных хижинах, как современные феллахи), жилище горожанина, имевшего маленький дом на

узких улицах города, представляло собой просто маленький двор и возле его задней стены – несколько комнат под плоской крышей и лестницу в один пролет высотой, которая вела на эту крышу. Такой план имеют сейчас в Египте хорошие деревенские дома, и ему соответствуют некоторые маленькие модели домов, которые хранятся в наших музеях, хотя модели, скорее всего, изображают кладовые, а не жилые дома[37]. Иллюстрация ниже – постройка, несколько похожая на коробку, – дает представление о форме, которую обычно имели эти маленькие жилища с толстыми наклонными стенами из ила, с тонким слоем деревянных планок под окнами; наверху устроен маленький второй этаж без передней стены и перед ним – плоская крыша. Единственное украшение этого маленького дома – толстый столб, вероятно сделанный из земли, как и похожие опоры в современных египетских домах.



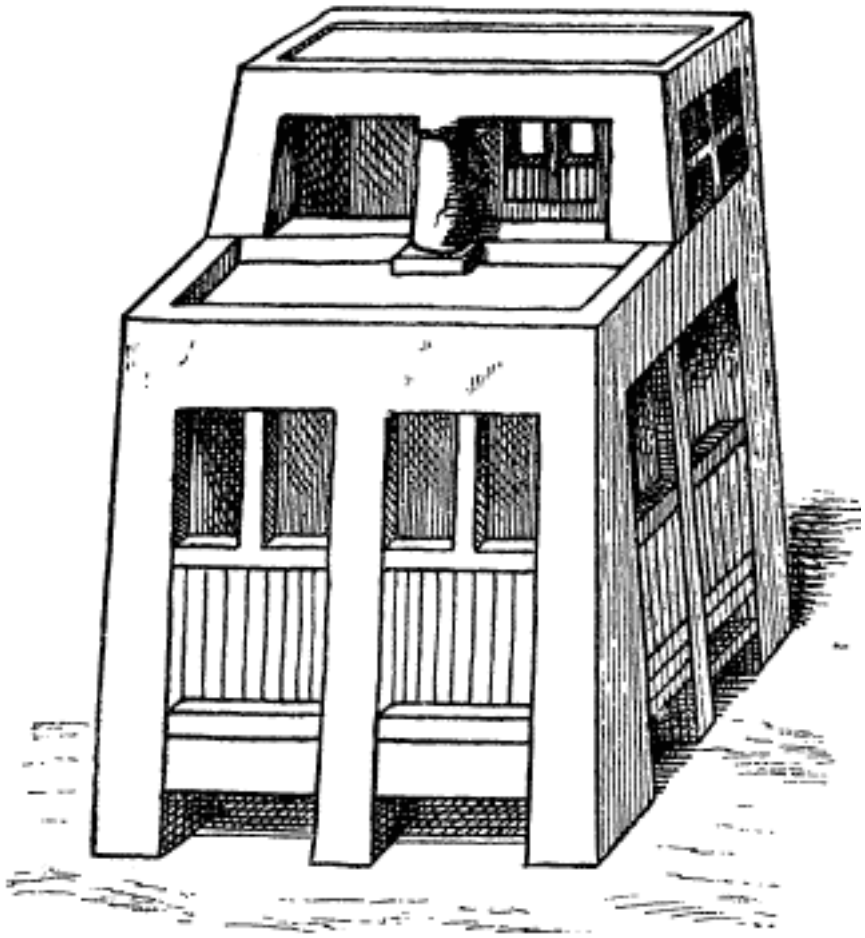
Модель, хранящаяся в Лувре (согласно Перро – Шипье)

Но знатный и богатый владетель, который жил в своем парке за городом, не довольствовался такой постройкой: он желал иметь один дом для себя, другой для жены, третий для кухни и еще приемный зал для особо почетных гостей, кладовую для продовольствия, жилища для слуг и т. д. Такой дворец мог, как и сейчас на Востоке, занимать целый квартал города.

К несчастью, сейчас почти невозможно представить себе внешний вид древнеегипетского города, потому что от знаменитых великих городов Древнего Египта остались только груды мусора; даже в Мемфисе, даже в Фивах нельзя найти развалины хотя бы одного дома: более поздние поколения египтян распахали под посевы зерновых каждый квадратный метр годной в дело земли. Единственные уцелевшие развалины – остатки города Горизонт Солнца (Ахетатон)[38], который построил для себя царь-реформатор Эхнатон и который был грубо уничтожен после смерти этого царя: этот город находился за границей пахотных земель, и потому земля, на которой он стоял, не стоила того, чтобы ее возделывать. Мы и теперь еще можем определить контуры проходившей через весь город широкой улицы, длина которой была около трех миль, а ширина полмили, и видим, что по обеим сторонам этой улицы стояли большие общественные здания с дворами и оградами. Но невозможно понять, как была спланирована та часть города, которую занимали многочисленные маленькие частные дома.

[37] Модель из Лувра явно изображает амбар для зерна: отверстия в крыше предназначены для того, чтобы сыпать это зерно. Во дворе подобной же модели, которая находится в Британском музее, помещена фигурка женщины, толкущей зерно в ступе; когда-то там было насыпано зерно. Во дворе модели из музея в Гизе (Maspero Guide, с. 293 и след. с.) стоит печь. Все модели, вероятно, изображают места, где готовили хлеб, и это объясняет, почему их клали в гробницы.

[38] План Эль-Амарны (Ахетатона), L. D., i. 63, 64.



Модель дома, период неизвестен (Лувр, согласно Перро – Шипье)

Возможно, в Древнем Египте большие города часто меняли место, как это было с восточными городами в Средние века. На Востоке существовал обычай: могущественный монарх при вступлении на престол начинал «строить город»; обычно он выбирал местом для своего дворца предместье города, расположенное за городской чертой, или селение, находившееся близко от столицы, и переносил туда резиденцию правительства. Иногда это новое место становилось постоянным, но, как правило, оно так и не достраивалось до конца и исчезало по прошествии нескольких поколений, когда один из преемников монарха создавал себе новую резиденцию. Таким образом, столица в течение веков перемещалась то туда, то сюда, и – по крайней мере, официально – меняла имя; так было почти с каждым великим городом Востока. Царь мог выбрать участок земли для нового строительства и вдали от столицы, но от этого новая резиденция не становилась более долговечной.

Мы точно знаем, что этому обычаю следовали и фараоны Нового царства: Фивы действительно оставались столицей царства в течение многих веков благодаря своим великим святыням, но царь жил в каком-нибудь недавно основанном городе, носившем имя своего основателя. Этот новый город строился «по плану Фив»; он включал в себя амбары для зерна и кладовые, сады и пруды, чтобы в нем было «сладостно жить», и придворный поэт пел ему славу в своем «рассказе о победе повелителя Египта»:

Его величество построил себе крепость,
Ее название – «Великая Победа».
Она расположена между Палестиной и Египтом
И полна продовольствия и пищи.

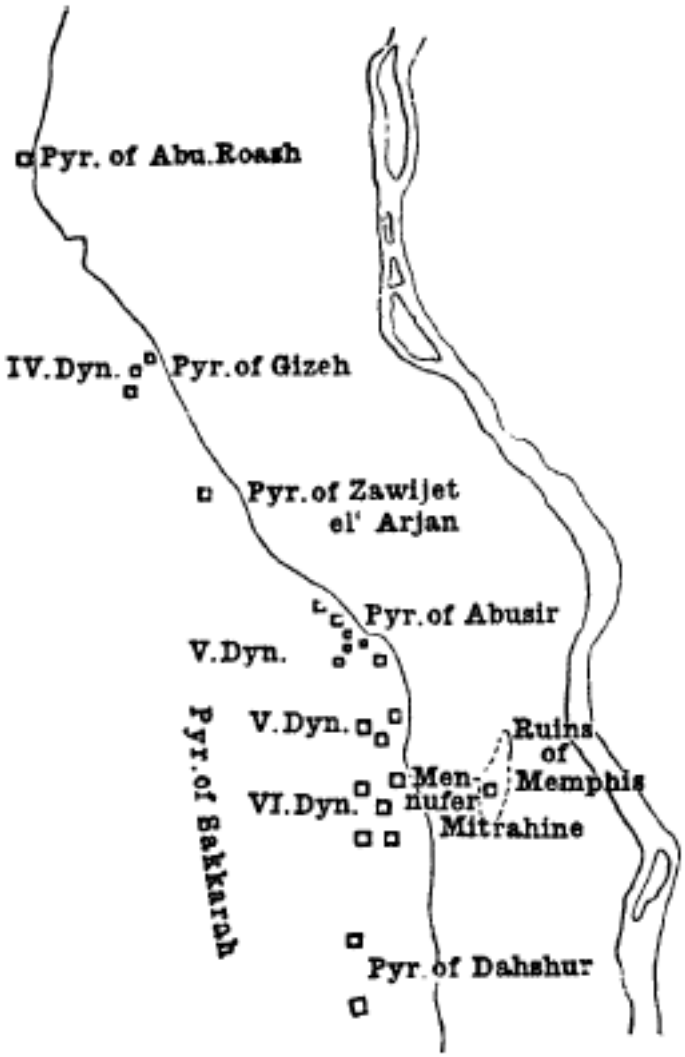
Видом она – как Он на Юге,
А простоит она столько же, сколько Мемфис.
Солнце встает на ее горизонте
И заходит в ее границах[39].
Все люди покинули свои города
И поселились в ее западной части;
Амон обитает в ее южной части, в храме Сутеха,
Астарта же обитает с той стороны, где заходит солнце,
А Удоит – на северной стороне[40].
Крепость, которая находится внутри нее,
Подобна небесному горизонту;
«Рамсес, любимый Амоном» – здесь бог,
А «Менту в странах» – глашатай;
«Солнце правителя» – наместник, он милостив к Египту,
А «Любимец Атума» – князь, в жилище которого приходят все люди».

Таким же образом мы знаем, что один из царей Среднего царства, по имени Аменемхет, построил для себя город-резиденцию в Файюме и поблизости от него воздвиг пирамиду. Второе из этих сведений служит объяснением для одного обстоятельства, которое иначе казалось бы странным.

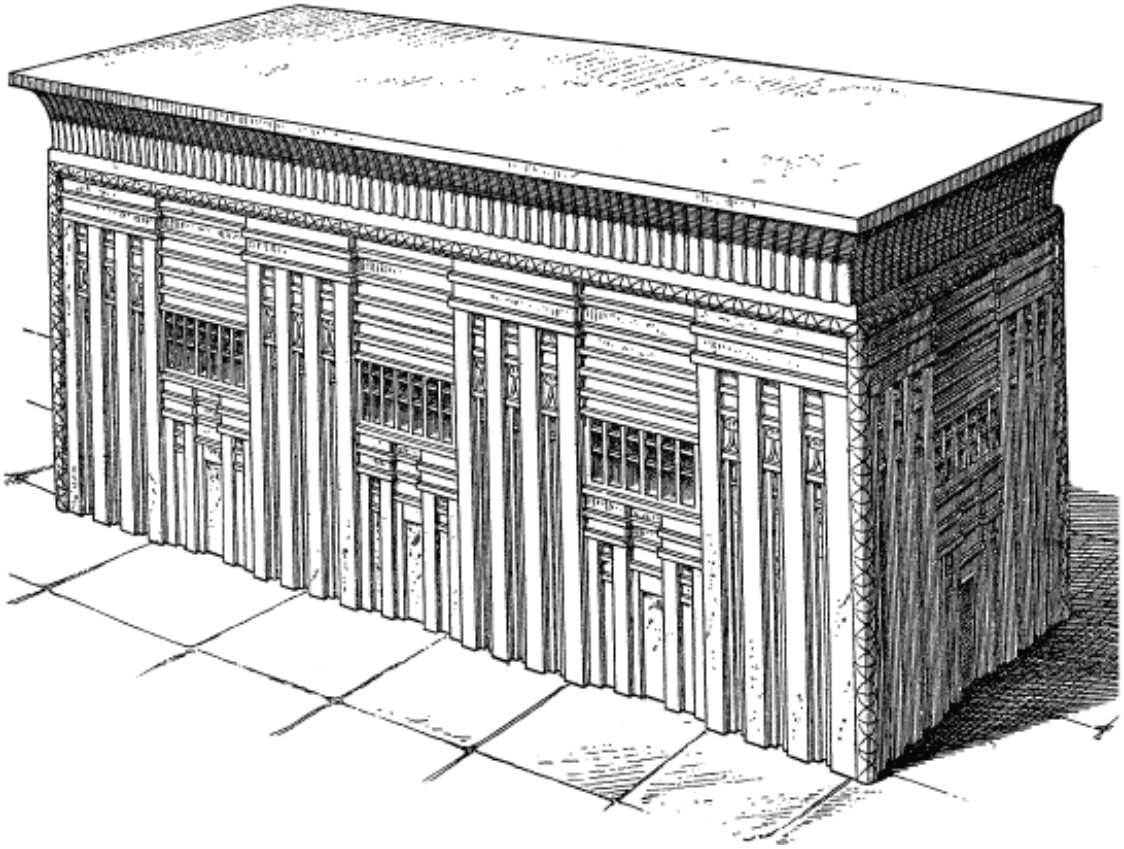
Мы, следуя греческой традиции, привыкли считать, что цари эпохи пирамид жили в Мемфисе, городе, где находились древний храм Птаха и знаменитая крепость Белая стена. Храм Птаха находился возле того места, где сейчас расположена деревня Митрахин, и царская крепость должна была находиться тоже где-то по соседству. Если мы просмотрим письменные памятники эпохи Древнего царства, мы с удивлением увидим, что в них ни разу не упомянут город Мемфис – по крайней мере, не упомянут под своим более поздним именем Меннефер («хорошая гавань»). При каждом царе речь идет о «его городе», как будто у каждого правителя был свой главный город, и за словом «город» всегда следует знак-определитель «пирамида», словно город и пирамида каждого фараона были неотделимы друг от друга. Если мы теперь посмотрим на линию, которую образуют пирамиды, – как она показана здесь на пояснительном рисунке, – то обнаружим нечто поразительное: самые древние из них находятся очень далеко от места, где в раннюю эпоху стоял Мемфис.

[39] То есть царь живет в ней.

[40] Местоположение храма каждого божества указывает на то, в какой части неба, как предполагалось, жило это божество.



Если мы признаем верным всеобщее мнение, что Хуфу (Хеопс) и Хафра (Хефрен) жили в Мемфисе, то мы также должны будем признать странный факт: они построили свои пирамиды на расстоянии 5 км от своей столицы, когда совсем рядом с ней были пустынные земли, где не стояло ни одного здания. В это трудно поверить; гораздо вероятнее, что город Хуфу находился возле его пирамиды. Хафра и Менкаур (Микерин), вероятно, тоже жили в Гизе, цари V династии – в Абу-Сире (Абусире) к северу от Саккары, а фараоны VI династии – поблизости от места, где позднее находился город Мемфис. Это мнение подтверждается тем, что самая старая пирамида, воздвигнутая возле Мемфиса, гробница Пепи, называлась Меннефер, а это то же имя, которое позднее носил Мемфис. Вероятно, *город* царя Пепи назывался так же, как его пирамида, и из него вырос позднейший город Меннефер – Мемфис, который со временем стал огромным городом со знаменитым храмом, «домом образа Птаха», и крепостью Белая стена.

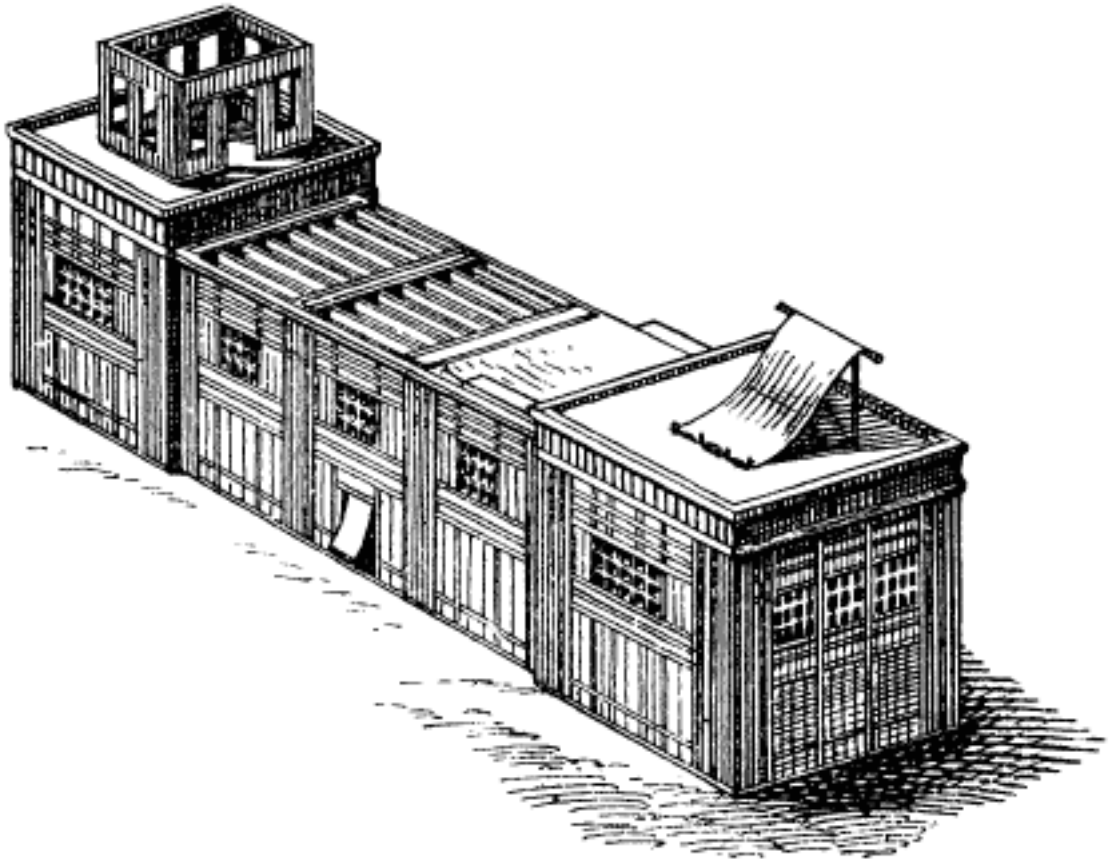


Саркофаг Менкаура (согласно Перро – Шипье)

Резиденции предыдущих царей полностью исчезли, не оставив после себя никаких следов, кроме их пирамид, а резиденция Пепи процветала благодаря своему соседству с важным городом.

Поскольку развалины городов исчезли, очень трудно составить себе какое-либо представление о древнеегипетском жилом доме, и мы были бы совершенно не в силах представить его себе, если бы некоторые гробы эпохи Древнего царства не имели форму домов. Если мы посмотрим на рисунок, где изображен гроб царя Менкаура, который когда-то стоял в его пирамиде в Гизе, а теперь лежит на дне Адриатики, мы с первого же взгляда увидим, что он изображает дом[41]. Этот дом имел три двери на длинной стороне и одну на короткой; над каждой дверью было зарешеченное окно. Изящные маленькие колонки, немного выступавшие из стены, служили опорами для балок, на которых держалась вогнутая часть плоской крыши. Достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться, что этот дом был построен не каменщиком, а плотником: мы ясно видим, как горизонтальные брусья входят в вертикальные. Здесь нет больших ровных участков стены, как в кирпичной кладке.

[41] Гробы в форме домов: царь Менкаур, Perrot, с. 109; Хуфу, Perrot, с. 188, 189; гроб из Гизы, L. D., i. 30. Великолепный, имеющий форму дома гроб Ментухотепа (в XI династии было 4 Ментухотепа – I, II, III, IV. – *Ред.)* времен Среднего царства (находится в Берлине), который, как мы увидим, был полностью покрыт росписью.

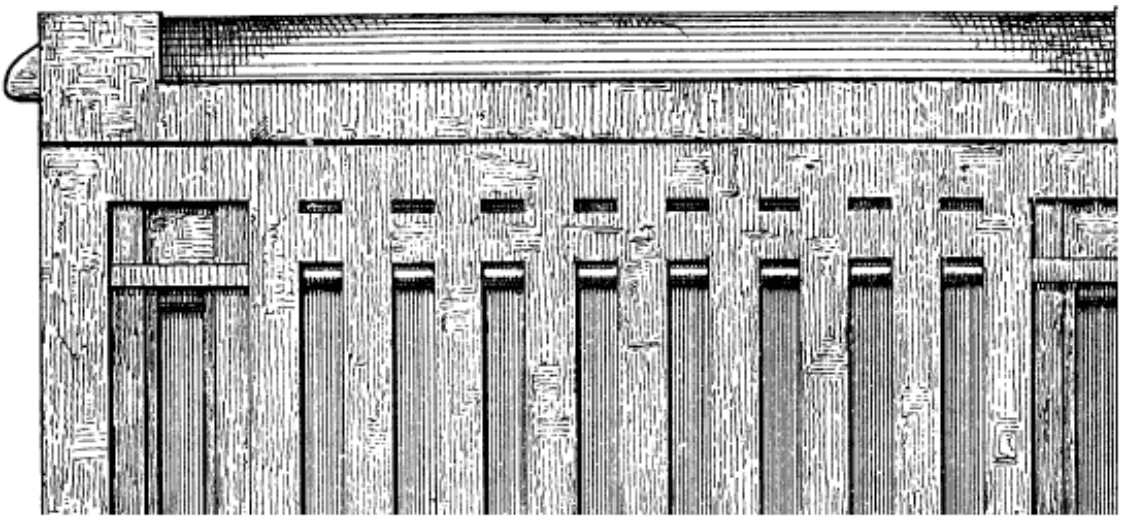


Реконструкция дома эпохи Древнего царства (согласно Перро – Шипье)

Весь дом сложен из тонких реек и планок. Стволы пальм использованы только в углах и для балок крыши. Обычный облик таких зданий виден по приведенному рядом наброску из работы Перро – Шипье, детали же добавлялись почти произвольно.

Такой стиль в строительстве не был исключением из правил: это видно по многочисленным изображениям дверей в мемфисских гробницах. Внутри гробницы на западной стене[42]вырезали дверь, похожую на дверь древнего дома, и она всегда очень похожа на двери, которые можно увидеть на только что упомянутом гробе. Иногда ее форма бывает простой, иногда она достаточно богато украшена, но всегда она расписана яркими красками.

[42] Ложные двери в могилах. *Перро,* с. 181 (= Pl. 13, 14), 512, 513; L. D., i. 25, 26, 29, 41; L. D., ii. 10, 11, 16, 17, 33, 48 и др.



Гроб времен Древнего царства, выполненный в форме дома (согласно L. D., I, 30. Гробница 98 в Гизе)

Дома, несомненно, были также великолепно украшены; каждая рейка и каждая доска были либо окрашены, либо покрыты веселыми рисунками. Однако наиболее широкие столбы были увешаны коврами, которые имели (каждый из них) свой рисунок и свой цвет. Такое здание выглядело бы в высшей степени странно под нашим серым небом, но под солнцем Египта симпатичный геометрически правильный узор деревянной обшивки и богатство красок, должно быть, выполняли свое предназначение наилучшим образом.

Но не все дома богачей были так богато украшены. На приведенной здесь иллюстрации показан гроб неизвестного человека, который может послужить для нас примером дома гораздо более простой конструкции. Гладкие, не разделенные на части стены явно сложены из кирпича, и только у ниши, в которой находится дверь, хорошо заметны признаки деревянной конструкции. По расположению комнат этот дом, должно быть, тоже очень сильно отличался от упомянутого выше роскошного деревянного здания; здесь всего две двери, а в задней стене и двух коротких боковых стенах прорезаны только окна.

Некоторые из этих старинных дворцов имели очень большой размер: например, «великий человек юга» Амтен, о котором мы так много говорили, построил себе дом «длиной в двести локтей и шириной в двести», то есть квадратное здание, каждая сторона которого была длиннее 90 м[43]. К сожалению, мы очень мало знаем о меблировке этих зданий. Только один раз, в гробнице Имери, «начальника имений царя Шепсескафа», показана внутренняя обстановка части дома. Имери велел изобразить себя там сидящим в украшенном колоннами зале и принимающим похоронные жертвоприношения. Четыре ряда колонн – легких деревянных столбов высотой около 6 м с капителями – поддерживают плоскую крышу. Возле задней стены между этими столбами висит ковер веселой расцветки; загороженный таким образом от взглядов своих слуг, Имери сидит в этой комнате на стуле с высокой спинкой, а под стулом лежит, пригнувшись, его гончая собака Экене. Комната заставлена столами с едой и кувшинами с напитками, а с бруса, который тянется под потолком на всю длину комнаты, свисают куски жареного мяса. Ясно, что перед нами большой обеденный зал, который в это время так же, как на сто лет позже, был главной комнатой египетского дворца.

Коврики, подобные тем, что украшали стул Имери, явно играли очень большую роль в украшении комнаты; и мы вряд ли ошибемся, если будем считать, что внутренние поверхности стен были увешаны коврами так же, как и внешние. Нижняя часть стены не была закрыта

[43] L. D., ii. 7. Разумеется, дворы и кладовые тоже учитывались при этом вычислении.

ковром: египтяне, следуя верному художественному вкусу, предпочитали в этом случае другой стиль – более массивные деревянные панели, и потому оставляли на виду деревянную обшивку. Этой обшивке придавало дополнительную красоту умение египтян чередовать куски дерева, распиленного поперек, с другими, отпиленными в продольном направлении[44]. Пальмовые бревна, из которых была сделана крыша, часто тоже оставались ничем не накрытыми, чтобы их можно было видеть. В некоторых случаях они были роскошно украшены, как те прекрасные крыши, которыми мы так восхищаемся в гробницах. Египтяне предпочитали маленькие высокие двери и окна, на верху каждой и каждого из них был валик, с помощью которого сворачивалась и поднималась циновка, которой был занавешен проем.

Теперь перенесемся через длинный ряд веков, отделяющих Древнее царство от Нового.

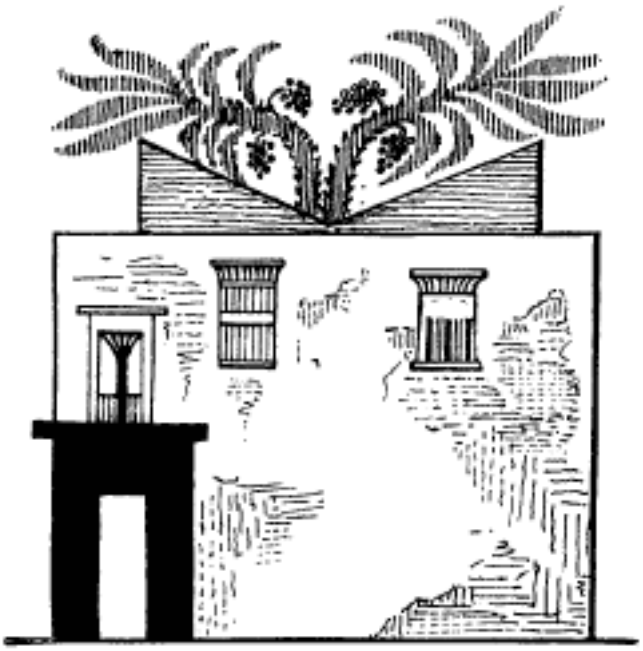
Мы обнаружим, что хотя относительно этой более поздней эпохи у нас в распоряжении есть больше материала, чем о более ранних временах, мы все же и для нее не в состоянии дать вполне удовлетворительное описание. Изображения домов и дворцов, которые мы находим в гробницах Фив и Эль-Амарны (Ахетатона), к сожалению, выполнены в том же самом неудачном для нас стиле, в котором египтяне изображали пейзажи. Когда египетский художник изображал человека или животное, он четко и понятно показывал контур фигуры в профиль, но когда он должен был нарисовать большое здание, храм или сад, вдохновение покидало его. Рисуя такой важный и сложный объект, художник желал по возможности показать все его части; поэтому он рисовал дом не спереди и не сбоку, а соединял вместе изображения обеих сторон, а если дом имел верхний этаж из трех комнат, он и эти три комнаты тоже помещал поблизости. Художник считал свой долг выполненным, если расставлял перед зрителем все детали, и его не волновало, понял ли зритель, как эти детали соединялись одна с другой.

Пытаясь понять эти рисунки, мы сталкиваемся с еще одной трудностью: египетский художник не чувствовал пропорций между частями своей картины. Если, к примеру, царь стоит в одной из комнат упомянутого выше здания, художник, не заботясь об истине, рисовал эту комнату в десять раз больше по размеру, чем все остальные вместе, и даже в пределах одного рисунка он часто изменял масштаб. Читатель должен воспринимать приведенные далее реконструкции египетских зданий с учетом этих особенностей.

Рисунки из фиванских гробниц, где изображены малые деревенские дома знатных египтян, дают нам представление о том, как выглядели снаружи частные дома эпохи Нового царства.

Один из них – низкое двухэтажное здание, почти без украшений снаружи, как все дома той эпохи. У него гладкие стены из покрытого штукатуркой кирпича, и разнообразие на этой белой плоской поверхности создают только выступающие вперед рамы двери и окон. Похоже, что первый этаж не имеет окон, но на втором, кажется, кроме двух окон есть еще что-то вроде балкона. Крыша, над которой мы видим деревья расположенного позади сада, очень странная – плоская, но с причудливой надстройкой над ней. Вероятно, эта надстройка соответствует тому, что в современном египетском доме называется *мулкуф,* а это наклонной формы конструкция из досок, которая улавливает прохладный северный ветер и направляет его на верхний этаж дома.

[44] L. D., ii. 20. В этой гробнице виден сложенный из камня участок стены ниже крашеной деревянной поверхности, а в домах тоже иногда можно увидеть несколько метров кирпичной кладки.



По W., i. 361

Фиванский настенный рисунок, показанный на с. 55[45], позволяет нам увидеть сельский дом знатного человека времени XVIII династии.

Дом этот изображен не из-за своего особого величия, а как место семейного праздника. На открытом крыльце перед домом стоят сосуды с вином, а на столах, украшенных гирляндами цветов, лежит еда. Рядом стоят многочисленные кувшины, караваи хлеба и чаши, скрытые занавесом от входящих гостей. Пока гости здороваются с хозяином, мимо них проносят накрытую вышитым колпаком чашу с вином, а на заднем плане двое слуг, у которых, видимо, наблюдается сильная жажда – они уже схватили чаши для питья.

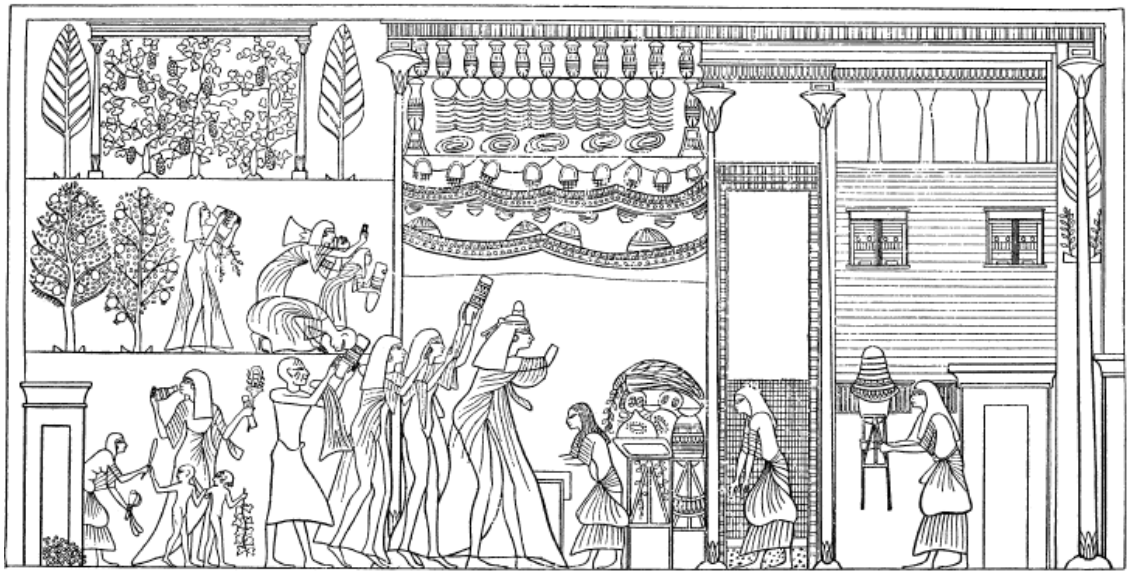
Сам дом стоит в углу сада, где растут деревья с темно-зеленой листвой, смоковницы и гранаты и где также есть беседка, увитая зеленью. Сад окружен стеной из коричневатого кирпича, в которой имеются две двери из гранита. Хотя дом двухэтажный, нам сразу бросается в глаза, что он очень мал: в нем есть только одна дверь, которая по обычаям того времени расположена на одной из сторон главной стены, а не посередине ее. Первый этаж, похоже, построен из кирпича и оштукатурен; свет в него попадает через три маленьких окна с деревянными решетками; у двери есть каркас из красного гранита. Второй этаж построен в совершенно ином стиле: стены сделаны из тонких досок, два окна имеют большой размер, их рамы немного выступают из стены и закрыты ярко окрашенными циновками. В этом этаже, вероятно, находилась главная комната дома – та, в которой жила владевшая им семья. Один любопытный факт подтверждает это предположение: у оконных занавесок внизу есть маленький квадратный вырез, который позволяет женщинам видеть из окон, а самим оставаться невидимыми. Такое приспособление существует и сейчас в современных египетских домах.

Крыша второго этажа опирается на маленькие столбы и со всех сторон открыта для доступа воздуха. Вентиляции других частей дома тоже уделяется много внимания: весь узкий фасад дома оставлен открытым, и его загораживает только широкий занавес-циновка.

---

[45] Согласно Ros. M. C., 68 (= Perrot, с. 453, согласно Champ. mon. 174). Мое мнение значительно отличается от мнения Перро, который считает, что на этом рисунке изображены все четыре стороны здания вместе, а я это считаю совершенно неверным. Этот рисунок (явно не оконченный) – часть другого, большего по размеру; это видно по тому, что не хватает нижней части стены и половины двери с правой стороны. Очень бы стоило поискать остальное.

На нашем рисунке этот занавес поднят только наполовину, чтобы скрыть внутренность первого этажа от гостей. Для защиты от знойного фиванского солнца над всем зданием устроен чудесный навес, который опирается на шесть тонких синих деревянных столбиков, и продолжается над фасадом – за край дома, образуя нечто вроде крыльца. На рисунке показано, как использовалось это крыльцо: это было место, где египтяне наслаждались удовольствиями жизни; там они могли дышать сладким дыханием северного ветра и любоваться цветами и деревьями сада. Великолепный рисунок (реконструкция этого дома) стал фронтисписом этой главы.

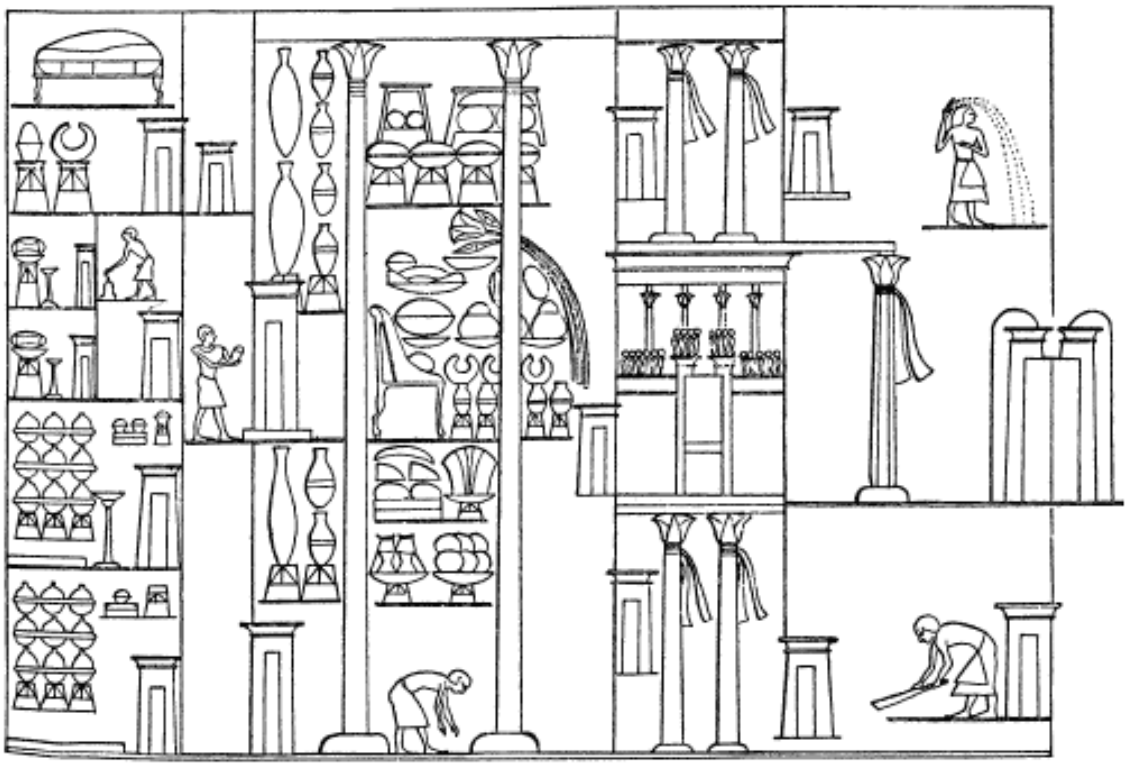


Приход гостей в деревенский дом (по Ros. M. C., 68)

Приведенные выше подробности ясно показывают, что в Египте люди благородного происхождения предпочитали жить вдали от мирской суеты; это еще более заметно в случае с другим домом той же эпохи. Благородный владелец сада скрыл свой дом в самом дальнем углу своего сада за высокими и покрытыми густой листвой деревьями, которые загораживали его от любопытных взглядов. Люди, проплывавшие мимо по каналу, видели только вершины деревьев над белой стеной: простота дома соответствует его скрытому местоположению.

Это одноэтажное здание с более высокой, похожей на башню пристройкой слева; у него простые деревянные стены, единственные украшения которых – ниша под крышей и выступающие из стены рамы и столбы окон. К несчастью, подробности этого плана показаны очень неясно.

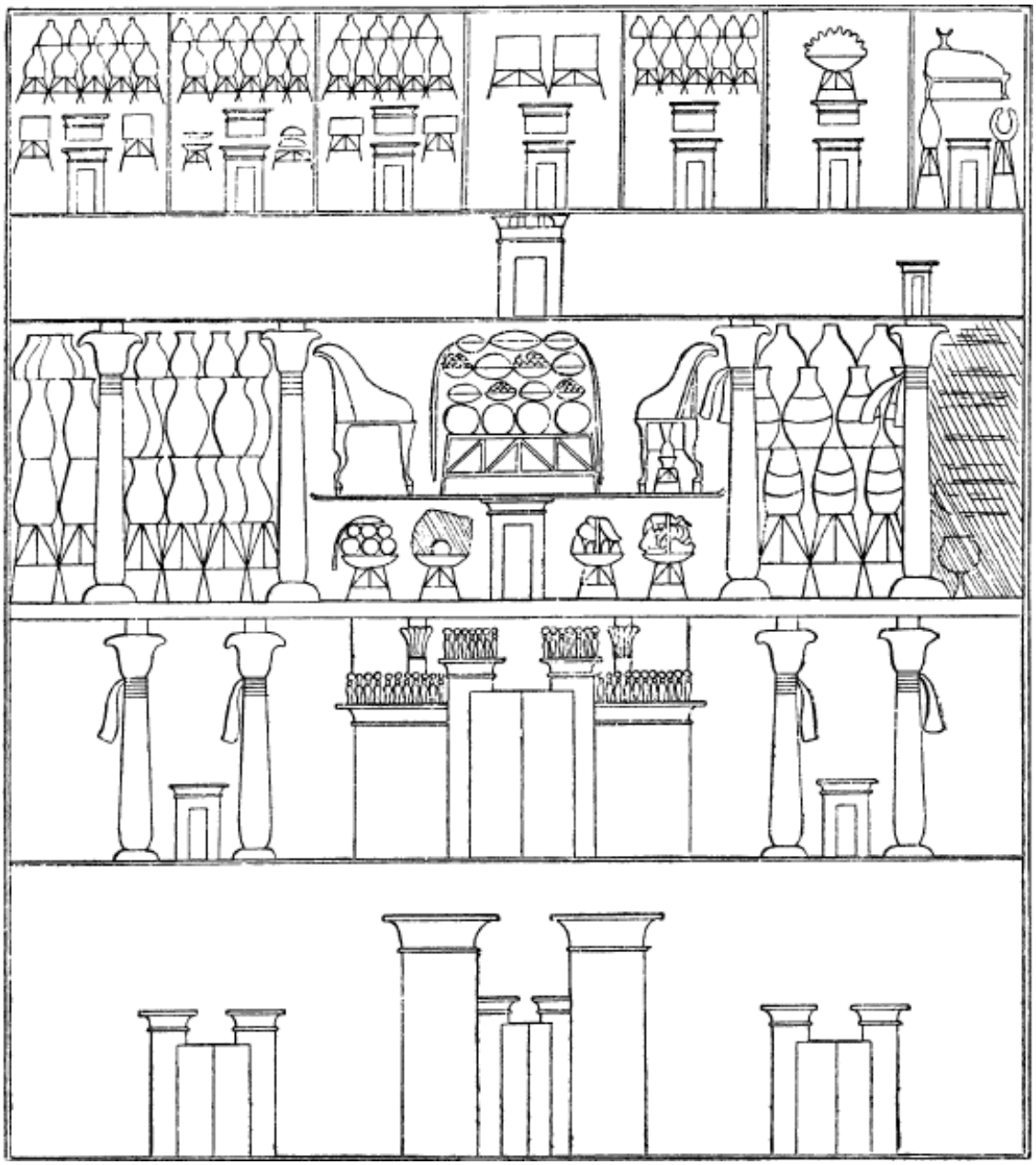
Такой деревенский дом, какой мы описали выше, нельзя считать полноценным примером дома знатного египтянина. Он так мал, что в нем невозможно поместить большое хозяйство. Нет ни комнат прислуги, ни кладовых, ни кухонь. Все эти службы, без которых, вероятно, в деревне можно было обойтись, совершенно необходимы в городском доме: уже одно количество слуг, занятых в хозяйстве богатого человека, позволяет нам представить, каким должен был быть размер такой усадьбы.



Дом Мерира – вид сбоку (согласно L. D., iii. 93)

Правда, планы домов, изображенные в гробницах из Эль-Амарны, совершенно не такие, как тот, что показан выше. В этих случаях мы вместо одного здания высотой в несколько этажей обнаруживаем одноэтажные постройки, в которых большое количество комнат и залов сгруппировано вокруг маленьких дворов. Это – характерная черта всех планов, хотя в подробностях они могут сильно отличаться один от другого в зависимости от вкуса или богатства владельца. Два дома, изображенные в гробнице верховного жреца Мерира, вероятно, самые простые по планировке; один из них изображен спереди, другой сбоку. Похоже, что они оба принадлежали этому богатому священнослужителю[46]. Новый город был вытянут в длину на большое расстояние, и вполне можно себе представить, что Мерир имел один дом возле храма и второй – возле дворца своего повелителя.

[46] Согласно L. D., iii. 93 и 96b. Я подозреваю, что на обоих рисунках изображено одно и то же здание, хотя в деталях есть разница. Эти два здания очень похожи, и в нашем описании мы будем рассматривать их как одно.



Дом Мерира – вид спереди (согласно L. D., iii. 96)

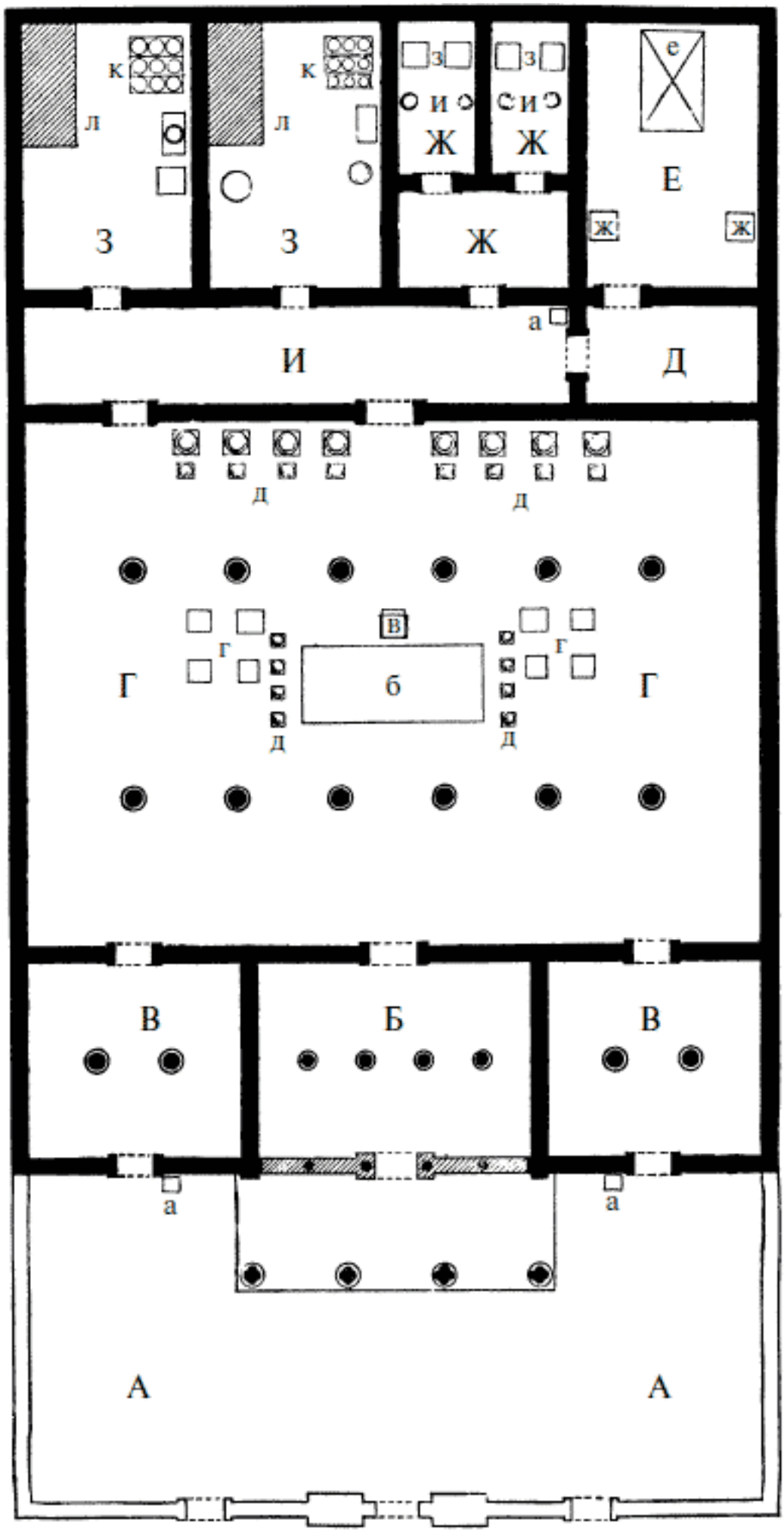
Участок, на котором находился дом, имел прямоугольную форму и был окружен стеной, в которой был лишь один вход – на короткой стороне прямоугольника перед домом; там была главная дверь и по бокам от нее – маленькие дверцы. За стеной находился двор, где мы видим слуг, которые его подметают и опрыскивают водой. Дальняя стена этого двора является передней стеной трех маленьких построек.

Планировка двух боковых комнат неясна: мы можем видеть только ряд столбов внутри этих комнат, а центральная постройка, несомненно, служила прихожей для большого зала, который был расположен сзади них. Эта прихожая имела форму кокетливой беседки, опиравшейся на четыре красивых столба. Передняя стена имела высоту только до середины постройки; верх этой стены и столбы дверей были украшены рядами бронзовых фигурок змей-уреев. Перед прихожей было крыльцо, такое же, как в упомянутом выше деревенском доме.

Пройдя через эту беседку, мы попадаем в главную комнату египетского дома – большой обеденный зал, крышу которого поддерживают колонны. В середине его находится широкий обеденный стол, весь уставленный блюдами, чашами, полными фруктов, и караваями хлеба; жареное мясо и другие кушанья расставлены на других, меньших по размеру столах; там же находятся цветы и яркие ожерелья – принадлежности египетского званого обеда. В задней части зала виден ряд огромных, встроенных в стену кувшинов для вина. С каждой стороны стола стоят одно или два кресла, и рядом с одним из них находятся таз и кувшин с водой; очевидно, что нынешний восточный обычай умывать руки после еды струей воды – не современное нововведение.

За обеденным залом, отделенные от него маленьким двориком, находятся кладовые и спальня. В комнату справа от спальни вход устроен не напрямую со двора, а через маленькую прихожую, в середине комнаты стояла большая кровать с высокими стопками подушек и валиков, которые клали под подушки.

Слева находится пекарня, которая состоит из прихожей и еще двух комнат. Здесь рабочий толчет зерно в огромной ступе. Две большие комнаты, которые наполнены кувшинами, служат кухнями, и в каждой из них есть низкий очаг.


к
л
З
к
л
З
з
и
Ж
з
и
Ж
Ж
е
Е
ж
ж
а
И
Д
д
д
в
г
б
г
Г
Г
д
д
В
Б
В
а
а
А
А

План дома Мерира (по L. D., iii. 93).
А. Двор.
Б. Прихожая с крыльцом.
В. Комнаты привратников
Г. Обеденный зал.
Д. Прихожая.
Е. Спальня.
Ж. Пекарня.
З. Кухни.
И. Двор.
а. Места, где сидели привратники.
б. Большой стол.
в. Место, где сидел хозяин.
г. Маленькие столы.
д. Кувшины.
е. Кровать.
ж. Туалетный столик.
з. Стол с хлебом.
и. Чаши на подставках.
к. Кувшины.
л. Очаг.

В эти задние комнаты ведут две двери[47]; та дверь, которая больше, расположена в середине обеденного зала и явно предназначена для гостей и для слуг, когда те прислуживали за столом. Но обычно слуги проходили через прихожую в левую часть зала, которая была оставлена пустой, без мебели, а оттуда через маленькую дверь в находившийся сзади двор. Прямого пути из кладовых на улицу не было, и слуги, чтобы выйти, всегда должны были пройти через большой зал; этот недостаток в планировке кажется довольно странным. Другая странная особенность дома Мерира – то, что там не было женских покоев. Эта загадка легко решается: в надписях из его гробницы нигде нет упоминания о его жене. Значит, жрец был старым холостяком. По этой же причине в одном из его обеденных залов мы видим только одно кресло: этот вельможа обедал один. На приведенной здесь гравюре реконструировано это интересное здание. Художник очень хорошо сумел придать окрестностям дома обобщенные характерные черты древнеегипетского города.

Очень сильно отличался от этого дома по планировке тот дом в Эль-Амарне (Ахетатоне), в котором жил упомянутый ранее «святой отец» Эйе со своей семьей[48]. Этот план тоже имеет форму прямоугольника, короткая сторона которого расположена параллельно улице; поэтому было невозможно расположить дворы и постройки обычным образом.

Здесь отсутствует величественный огороженный двор с тремя дверями и тремя прихожими за ними.

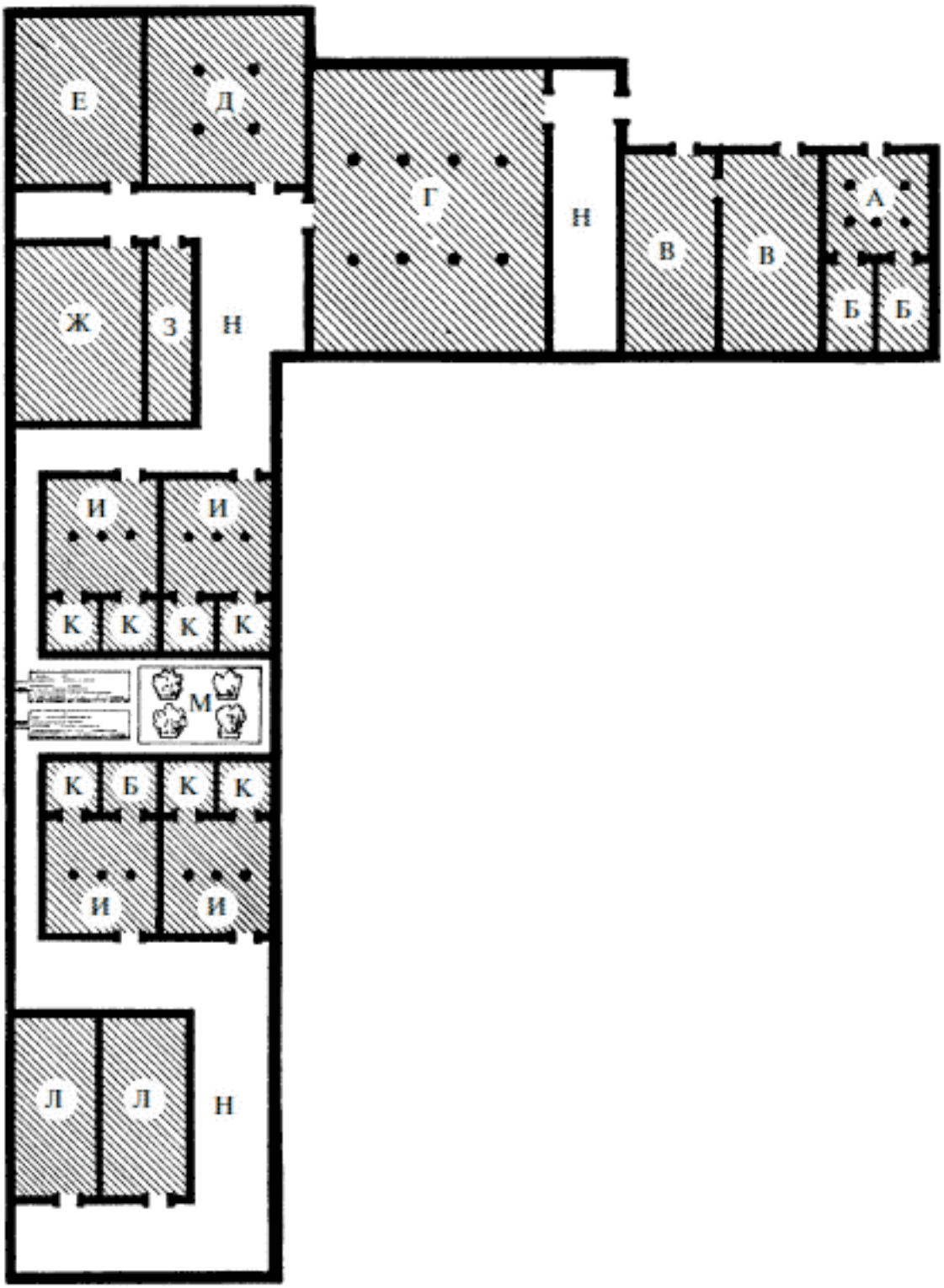
Если мы войдем в этот дом с улицы, то окажемся перед тремя маленькими постройками, и из них только одна, левая (комната дежурного слуги), имеет более или менее достойный вид, а две другие – просто дополнительные кладовые для вина и растительного масла. Если бы перед дверью не стояли слуги с опахалами, никто бы не догадался, что этот про-

[47] Это относится к одному из зданий, другое имеет всего одну входную дверь; поэтому в этом втором здании левая половина обеденного зала не освобождена от мебели.

[48] Согласно L. D., iii. 106 a. Меньшая угловая комната дорисована по тому экземпляру этого плана, который опубликовал Присс. Не вполне ясно, действительно ли занятый дом был в плане прямоугольным, или его изображение оказалось таким из-за нехватки места.

стой дом принадлежит могущественному любимцу фараона. Через маленькую дверь справа от этих построек мы проходим в узкий двор, где хлопочут слуги с метлами и сосудами с водой. Величавое здание по другую сторону двора – обеденный зал, спланированный обычным образом.

Из задней части обеденного зала дверь ведет во двор, через который мы доходим до кухни и до спальни хозяина. В центре спальни стоит огромная кровать на четырех ножках-столбиках, а рядом – три маленькие кровати, предназначенные, возможно, для детей Эйе. К этой спальной комнате примыкает вторая, меньшая столовая; в ней стоят, как обычно, два кресла с подставками для ног, большой обеденный стол и кувшины с вином; кувшин и таз для умывания тоже не забыты. Эйе и его жена Тия явно пользовались своим большим обеденным залом только в торжественных случаях.

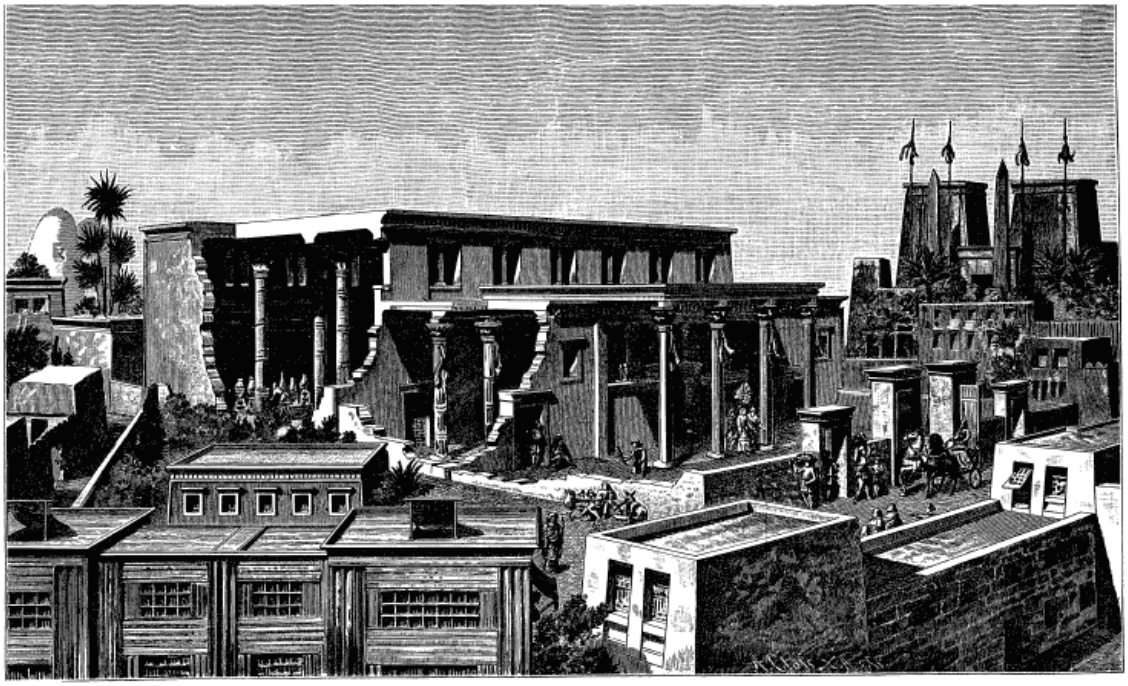


План дома Эйе (согласно L. D., iii. 106).
А. Комната слуг.
Б. Спальни.
В. Кладовые для еды.
Г. Обеденный зал.
Д. Спальня.
Е. Столовая.
Ж. Кухня.
З. Пекарня.

И. Женские покои.
К. Спальни для женщин.
Л. Кухни для слуг.
М. Сад.
Н. Двор.

Двор и длинный флигель слева от него – места, где проходит повседневная жизнь дома. В их углах собрались группами слуги и увлеченно сплетничают о новостях дня; те, кто сидит на низких камнях перед входом в комнату хозяина, – привратники, которые принимают, хотя и на расстоянии, участие в этом интересном разговоре.

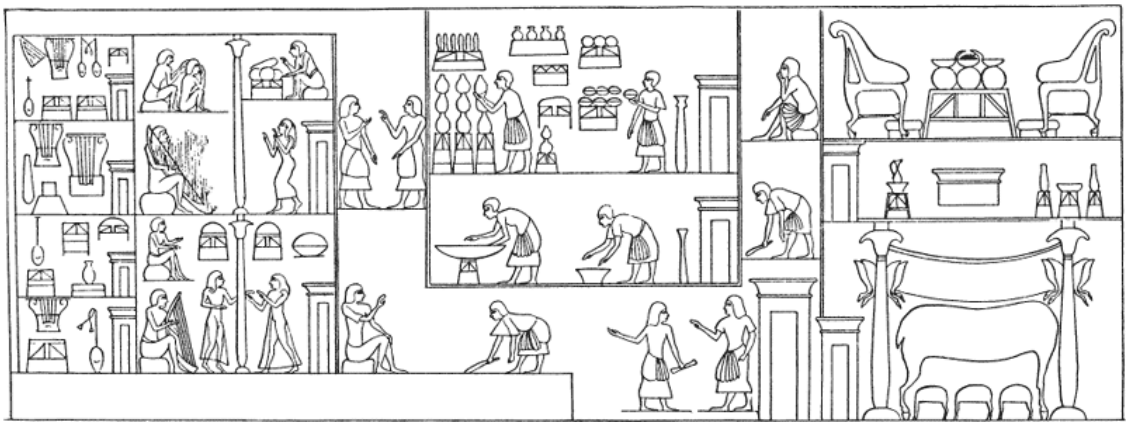
Если мы оставляем двор слева и обходим вокруг кухни, мы оказываемся перед красивым зданием. Это – ни более ни менее как гарем Эйе, где живут его жена, ее служанки и его дети. Эйе имел два таких дома, которые были похожи один на другой и обращены один к другому задними стенами; их разделял маленький сад, где были деревья и водоемы. Каждый дом делился на две комнаты, крыши которых поддерживали колонны, и за каждой из этих комнат были еще две комнаты для музыкальных инструментов и предметов туалета. Здесь никогда не выполняли никакой работы. За двумя женскими домами, в дальнем конце земельного участка, стоят еще две кухни, очевидно, предназначенные для слуг, часть из которых сидят на корточках вокруг этого здания и едят свой обед с маленьких столов.



Усадьба состоятельного египтянина времен XVIII династии. Согласно планам L. D., III. 93, 96: реконструкцию выполнил П. Лаузер. Стены сломаны для того, чтобы показать внутренний вид прихожей и большого обеденного зала

Тех домов, о которых мы сейчас говорили, достаточно, чтобы дать нам представление о жилищах частных лиц эпохи Нового царства. Если не рассматривать вопрос об упомянутых выше деревенских домах, мы обнаружим, что полноценный городской дом времени XVIII династии состоял из следующих частей: очень большая прихожая с маленькой комнаткой привратника впереди; за прихожей находился просторный обеденный зал – главная комната во всем доме; по другую сторону зала – маленький дворик, справа от дворика – спальные покои хозяина, слева – кухня и кладовая. За ними, еще дальше – дом для женщин и сад.

Несомненно, по этому плану были устроены все большие частные дома, и даже дворец царя отличался от них только большими размером и великолепием[49]. Дворец имел прихожую с главной дверью и еще двумя боковыми дверями; заднюю сторону этой прихожей образовывали три маленькие постройки с рядом колонн вдоль фасада. Центральная постройка (она соответствует похожей на беседку передней комнате дома Мерира) часто бывает изображена в гробницах Эль-Амарны; царь и царица выходят на балкон, который расположен над ней, чтобы показаться своим верным слугам, и оттуда бросают им вниз подарки. Этот балкон – по-египетски он назывался «смшд» – часто упоминается в текстах и характерен именно для царского дворца: царь *появлялся* на нем, чтобы осмотреть груды вещей, сложенные внизу в качестве дани, и рабов, которых проводили перед государем. Поэтому «великий балкон» был пышно украшен: он был сделан из «хорошего золота» или из «лазурита и малахита». За тремя прихожими находятся торжественные покои – два огромных обеденных зала, к одному из них примыкают кухня и спальная комната монарха. В спальне стоит его широкая кровать – каркас для подушек, – окруженная распустившимися цветами.



Часть дома Эйе. Комнаты (согласно L. D., iii. 106)

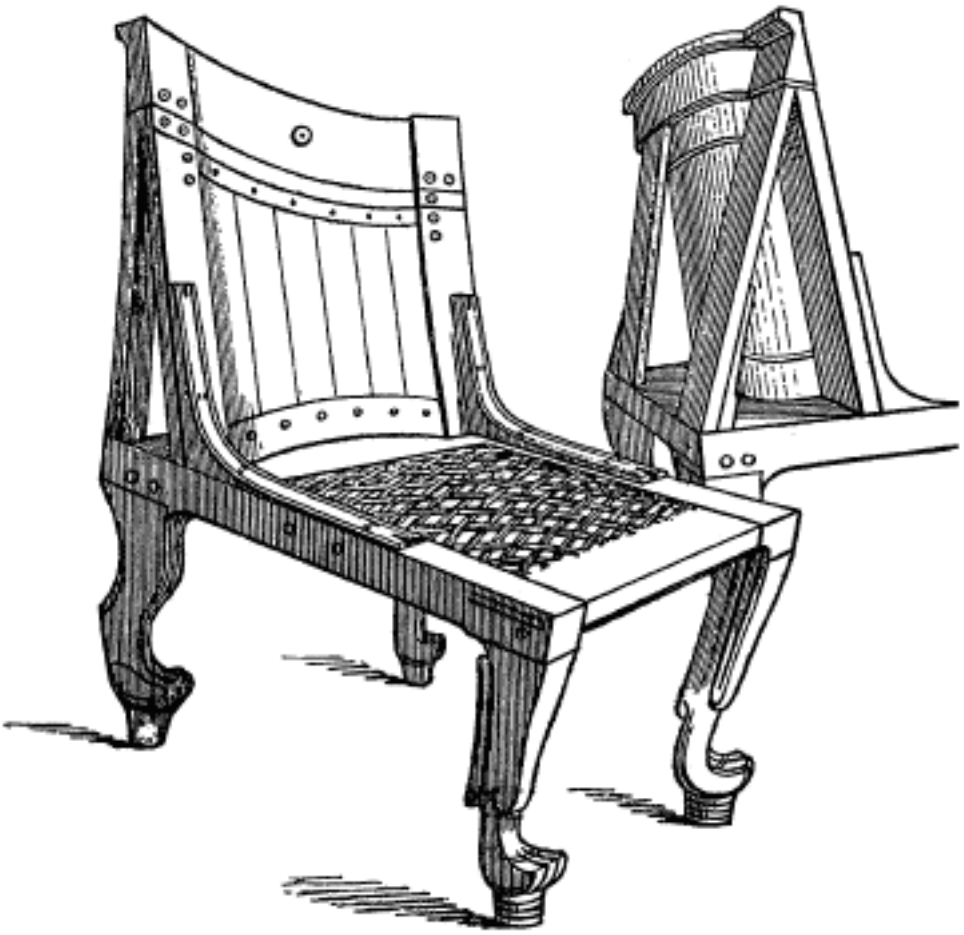
Недалеко от Мединет-Абу есть развалины – вероятно, остатки царского замка. Как я уже отметил, Рамсес II и Рамсес III заложили несколько дворцов возле храмов, которые они основали на западном берегу. То приятное, похожее на башню здание с узкими комнатами, которое так хорошо известно под названием «Павильон из Мединет-Абу», является частью благородного царского дворца, который Рамсес III построил для себя «по подобию зала Атума, который находится в небесах, с колоннами, балками и дверями из серебра и большим балконом из хорошего золота, чтобы появляться на нем». Нарушая обычай, Рамсес III построил фасад своего дворца из каменных блоков, и потому развалины этой части здания сохранились, в то время как от самого дворца ничего не осталось.

К счастью, мы очень точно знаем, какой была мебель в древнеегипетских домах. Во все эпохи она отличалась изяществом и была разумно устроена. Стулья и кровати были особенно красивы.

[49] Дворец царя: L. D., iii. 108–109; подробности очень трудно понять из-за изменения масштаба. Дворцовая беседка: L. D., iii. 103, 108; необычное здание с наклонным въездом L. D., iii. 99, похоже, входит в этот комплекс.

Табурет времен IV династии (согласно L. D., ii. 44)

Кресло времен V династии (согласно L. D., ii. 74 c)

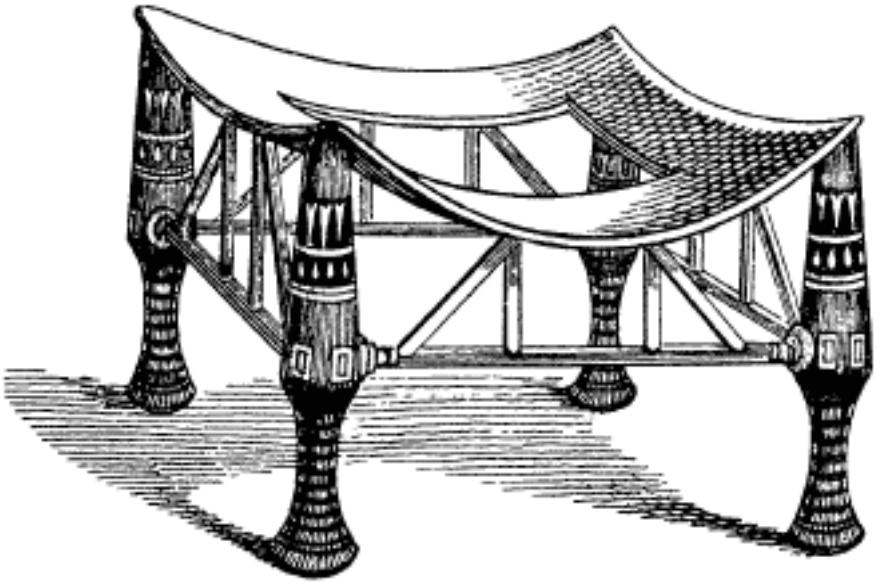


Кресло из Лейденского музея (согласно W., i. 410)

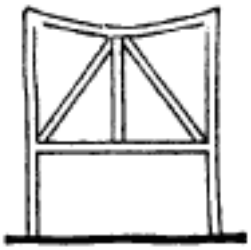
Часто их делали из черного дерева и украшали инкрустацией из слоновой кости, и с самых ранних времен было в обычае придавать ножкам таких сидений форму львиных лап, а если было возможно, то изобразить и львиную голову, словно царь зверей подставлял свою спину могущественному владетелю, чтобы тот сидел на ней. Самая древняя форма мебели для сидения – деревянный табурет, на который сверху клали подушку. Сзади он вырезан в форме лотоса, а его ножкам придана форма львиных лап. Табурет был предназначен для одного или двух человек, и, видимо, им пользовались еще в эпоху Нового царства. Во времена V династии обычно пользовались стульями с высокими боками и спинкой. Они были слишком высокими и жесткими, а потому не могли быть вполне удобными – и действительно, при Среднем царстве спинке придали наклон, а боковины сделали ниже. При Новом царстве все пользовались точно такой же мебелью для сидения, как та, которая показана здесь на иллюстрациях. Читатель заметит, что эти образцы похожи на мебель, изображенную на показанных здесь ранее рисунках домов из Эль-Амарны[50]. Как правило, сверху на эту мебель клали толстые пуховые подушки, а в редких случаях накрывали каркас (как в более давние времена) простым кожаным сиденьем с мягкой набивкой[51]. Большинство этих предметов мебели выше, чем были подобные им изделия во времена Древнего царства, а поэтому нужна была подставка для ног.

[50] L. D., iii. 39, 64, 99, 100, 208 d, 230; существуют исключения без львиных лап.

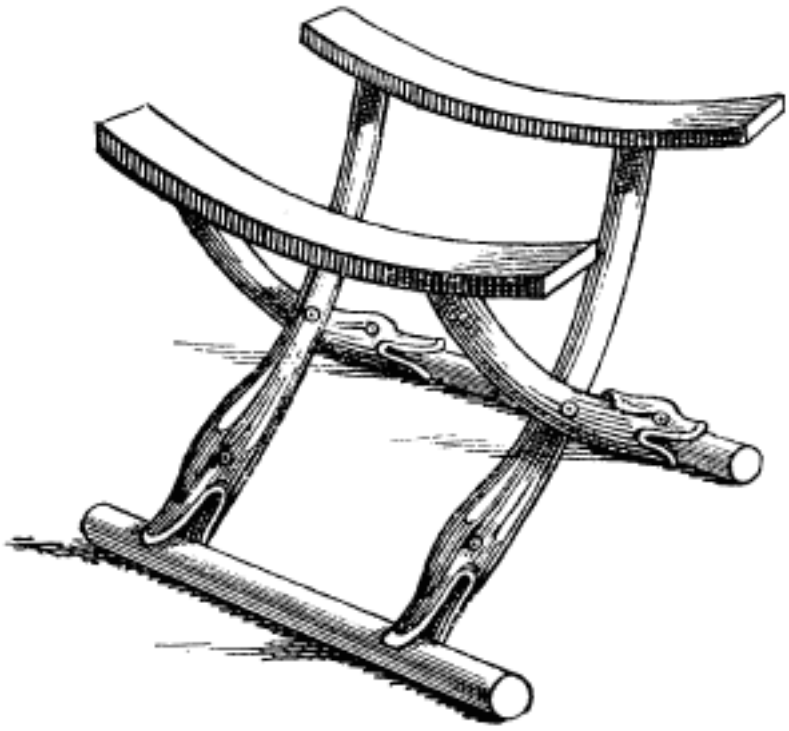
[51] См. иллюстрацию (гл. XI), где показан настенный рисунок, который сейчас находится в Берлинском музее. Похожее кожаное сиденье сохранилось до наших дней (W., I. 414)



Табурет из черного дерева, инкрустированный слоновой костью. Британский музей (согласно W., i. 413)

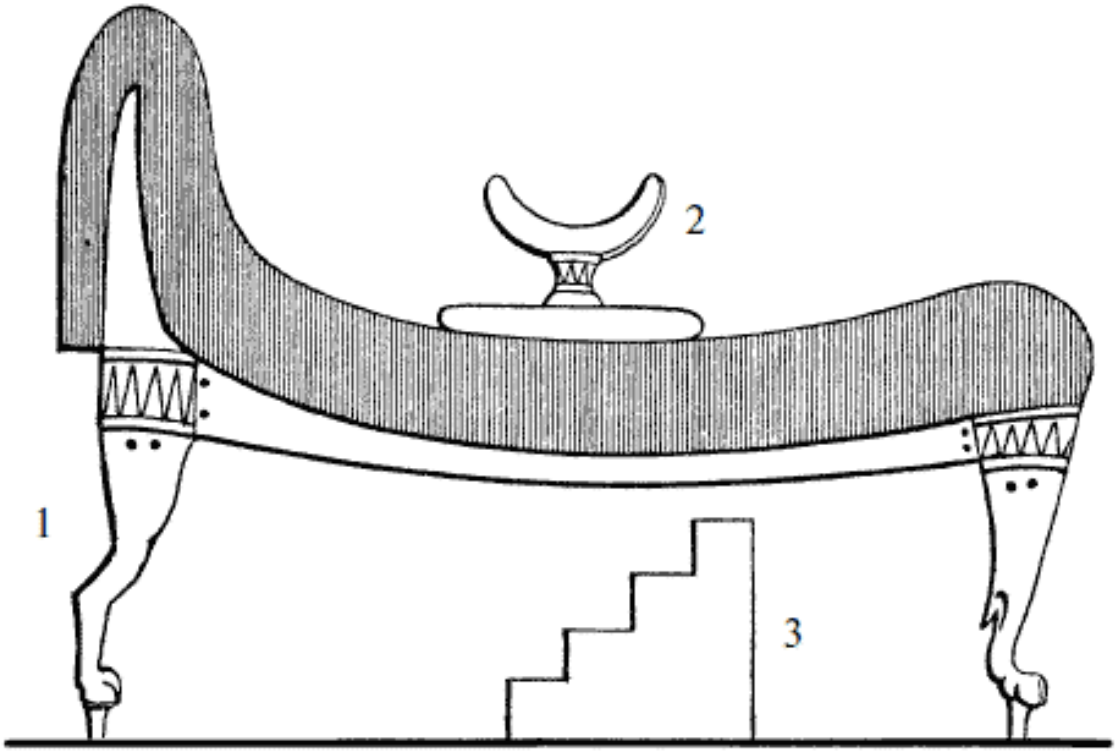


Фрагмент настенного рисунка из Фив. Находится в Британском музее



Складной табурет из Британского музея (согласно W., i. 411)

Существовало много других видов мебели для сидения, кроме тех роскошных, образцы которых здесь описаны. Были, например, табуреты без спинок и львиных лап, изготовленные из слабо скрепленных пальмовых ветвей; сделанные с большой заботой и мастерством табуреты из черного дерева; складные табуреты наподобие наших таких же[52]; низкие, с толстыми подушками сиденья для старых людей, похожие на нашу софу и т. д.[53]



Кровать (1) с подставкой для головы (2); маленькая лестница (3) внизу служит для того, чтобы подниматься на кровать. Гробница Рамсеса II (согласно W., I, 416)

Кровать относилась к этому же типу мебели. По сути дела, она отличалась от мебели для сидения только шириной; ее обычно украшали изображениями львиных лап и часто – большим изображением львиной головы. На таких кроватях могла лежать стопа подушек: читатель увидит их в спальне на нашем плане дома. С представлением о комфорте, который обещала такая постель, заметно контрастирует тот факт, что подушкой на ней во все времена была деревянная подставка для головы. Эту опору ставили под шею, чтобы голова свисала с нее над подушками; так искусственный парик спящего человека оставался несмятым – для чего и было придумано это неудобное приспособление.

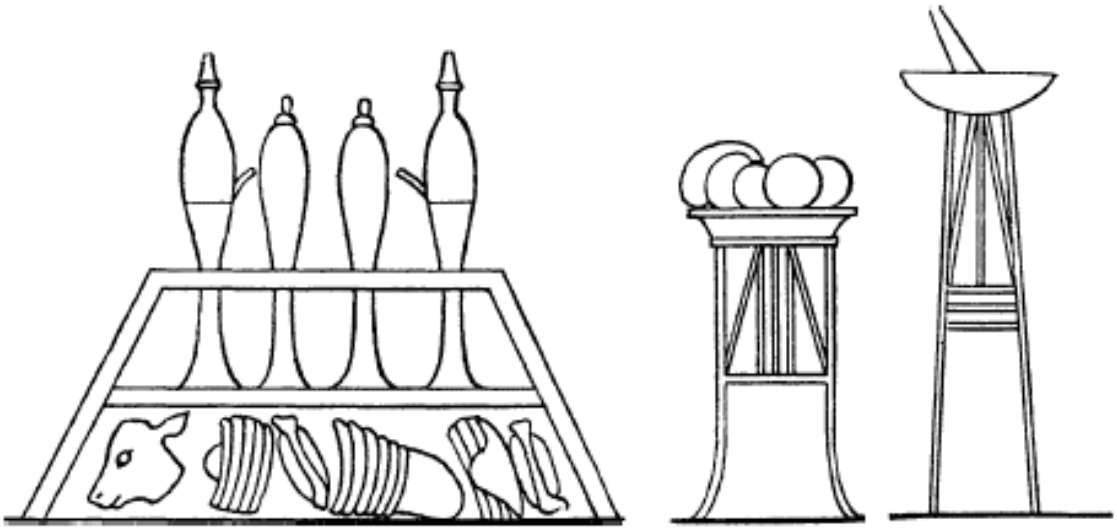
Вначале у египтян не было столов – по крайней мере, столов такой формы, которую унаследовали мы от классической эпохи.

Во времена Древнего царства были в ходу высокие или низкие подставки показанных выше форм.

[52] L. D., iii. 64, 105. Складной табурет с высокой спинкой и подушками. L. D., iii. 208 a.

[53] L. D., ii. 126 (M. E.). Это явно трон, который обозначается знаком в иероглифическом письме.

Небольшие подставки различной формы, все на одной ножке

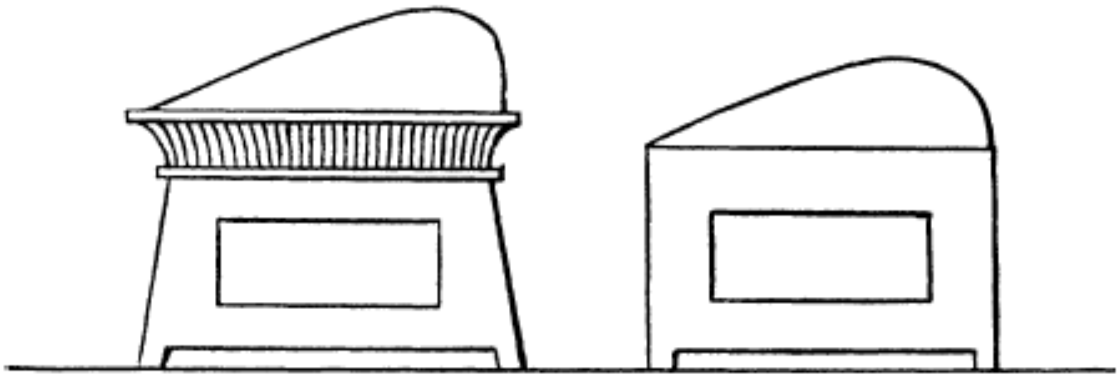


Три подставки

Их часто делали из цветных камней[54]. На каждую из них ставили один кувшин или кубок, или же, например, корзину с плоским дном, которая потом использовалась как поднос для обеденных блюд; использовали также низкую рамку из тонких дощечек, главным образом в качестве подставки для кувшинов. В более поздние времена эти подставки из дощечек были единственной разновидностью стола, и в домах Эль-Амарны мы видим такие столы всех размеров и в обеденном зале хозяина, и в спальнях, и в кухнях. Лишь изредка мы обнаруживаем подставки для кувшинов и корзины старого образца, причем, как правило, для жертвоприношений[55].

[54] Цвет несомненно указывает, что это камень: L. D., ii. 19, 20. Что такое маленькие выемки вверху и внизу на этих подставках, я не могу сказать. Иногда бывает (например, L. D., ii. 57 b), что ножка и корзина прикреплены друг к другу.

[55] Эти подставки для жертвоприношений были выше, чем такие же во времена Древнего царства.



Два сундука с крышками

Вместо шкафов у египтян были большие деревянные сундуки для хранения одежды и других подобных вещей. В эпоху Нового царства сундуки эти обычно были той формы, которая показана здесь на иллюстрации, и имели круглую крышку, задняя часть которой была выше передней[56].

Чтобы получить верное представление об интерьере египетского дома, к тем предметам мебели, о которых уже говорилось, мы должны добавить еще последнюю строку списка – ковры и занавесы. В одной гробнице времен V династии мы можем увидеть, как стены были покрыты цветными циновками; в других гробницах того же времени мы видим ширмы высотой примерно в рост человека, составленные из примерно шестидесяти кусков, украшенных разными узорами; такая ширма стояла рядом с тем местом, где сидел хозяин. Пол во все времена накрывали толстыми ковриками. На один из них ставили кресло хозяина, а если дамы во время пира сидели на полу, для них стелили красивые коврики.

Праздник дам во времена Нового царства (согласно W., ii. 353, Фивы)

По уже упоминавшимся рисункам из Эль-Амарны мы можем видеть, в какой роскоши жил знатный египтянин, и мы можем быть уверены, что ему было нужно много слуг.

То, что нам известно об этих людях низкого звания, собрано по крохам главным образом среди доступных нам подробностей того, как были устроены дворы номархов во вре-

[56] У тех сундуков времен Древнего царства, о которых мне известно, крышки были плоские: L. D., ii. 96, Bädeker, с. 409.

мена XII династии. Руководитель домашнего хозяйства назывался по-старинному: «начальником дома продовольствия» – ему были поручены кладовые[57]. Он же надзирал за пекарней и бойней и от выполнения своих обязанностей становился таким тучным, что на погребении своего господина был не в состоянии нести свои жертвенные дары.

Во главе кухни стоял «начальник жилища»; ему подчинялись зависимые крестьяне[58]. Пекарней управлял «начальник хлебопекарни», а «писец у подножки»[59] первоначально должен был отвечать за напитки своего господина. К этим служителям мы должны прибавить еще привратника, пекаря, садовника и других слуг низшего разряда, а также ремесленников и женщин, работавших на господина. Разумеется, менее крупные домашние хозяйства эпохи Среднего царства имели более скромное устройство, но и в них часто были зависимые крестьяне, пекари и другие слуги, из которых часть были крепостными людьми[60].

В доме были также рабыни, и красивых сириек часто выбирали прислуживать господину. Во всяком случае, при царском дворе были крепостные слуги, находившиеся под началом у «главного начальника», а среди старших по должности слуг царского хозяйства, несомненно, было много рабов, приведенных из других стран. Но эти царские «начальники продовольствия», «начальники жилища», зависимые крестьяне, «носители прохладных напитков», «писцы у подножки», «изготовители сластей», как они назывались, занимали высокое положение и пользовались уважением, помимо прочих причин, еще и потому, что египтяне во все времена очень ценили умение хорошо готовить.

И потому очень скромно звучала мольба египтянина об умершем, когда он просил, чтобы у покойного на небесах была еда – хлеб и пиво, гусятина и говядина. Но даже беглый взгляд на списки жертвоприношений в гробницах позволяет нам увидеть, что египтяне очень хорошо знали: бывает разный хлеб и разное мясо. В этих любопытных списках они требуют для умершего не меньше десяти различных сортов мяса, пять видов птицы, шестнадцать видов хлеба и пирогов, шесть сортов вина и четыре – пива и одиннадцать видов фруктов, а также «всяческие сласти» и т. д. Эти виды еды и блюд не переходили от поколения к поколению, как бывает у первобытных народов, а так же, как и у нас, находились под влиянием моды, со временем сильно меняясь. У нас есть перечень кушаний, которые следовало приготовить для одного из царей XIX династии, когда он, путешествуя со своим двором, проезжал через различные города, и среди десяти сортов хлеба и пяти видов пирогов вряд ли хотя бы один был широко распространен во времена Древнего царства. У египтян были, кроме кушаний домашнего происхождения, и чужеземные. В одной очень древней священной книге мы читаем, что боги едят прекрасный хлеб из Камха, то есть קמח семитов[61]. Названия довольно большого числа кушаний эпохи Нового царства тоже указы-

---

[57] На рисунке из Эль-Амарны (W., i. 340, 348) показана кладовая; она состоит из двадцати четырех маленьких комнат, в которых сложены различные виды хлеба, напитки, фрукты, сундуки с одеждой и посуда из драгоценных металлов. Поблизости находятся склады зерна. К несчастью, из W. мы не можем понять, относятся ли эти постройки к частному дому, и потому я здесь о них не говорил.

[58] L. D., ii. 128, 129

[59] L. D., ii. 131. Его обычно называют «писец возлияний», то есть это был служащий и жрец одновременно.

[60] Mar. Cat. d'Ab., 650. Все, что сказано в последующих замечаниях, относится к эпохе Среднего царства. Mar. Cat. d'Ab., 606, 634. Что это значит – – я не знаю.

[61] В текстах из пирамид: Тети, 57. В ранних списках жертвоприношений рядом со словами «хлеб, который в стране», то есть местный египетский хлеб. Написание слова, похоже, также указывает на чужеземное происхождение упомянутого

вают, что они заимствованы из других стран. Египтяне доставляли себе деликатесные блюда из стран, которые были их соседями с севера, в первую очередь из Сирии, Малой Азии и Месопотамии. Для «князей» существовали «огромные, хорошо испеченные караваи», зерно для которых поступало из Турета (סלת), а для солдат – различные сирийские виды хлеба из Камха, например, хлеб келешет и прежде всего арпуса (ἀλφός) (« альфос*», греч. – Пер.)*. Хорошее вино они получали из Хару, пиво из Кеде, самое хорошее растительное масло из Эрсы, Хеты, Сангара, Эмура, Техесы и Нахарины; лучший инжир поступал из Хару.

Жареный гусь

Правда, эти кушанья не всегда были действительно привезены из-за границы: кроме настоящего «пива из Кеде, которое из порта», существовало пиво из Кеде, которое варили в Египте рабы-иноземцы.

К сожалению, мы очень мало знаем о приготовлении этих блюд. Любимое блюдо египтян – гуся – обычно поджаривали на горячих углях; вертел при этом был самый примитивный – палка, продетая через клюв и шею сквозь птицу. Рыбу египтяне жарили так же, нанизывая ее на палку. Приготовленное таким образом жаркое выглядело не очень аппетитно, и перед едой его надо было хорошо протереть пучком соломы. Очагом служила подставка из известняка, имевшая форму низкого столика; и даже пастухи, жившие в болотах вместе со своим скотом, носили с собой это приспособление. На кухне Имери, «начальника имений» царя Шепсескафа, очаг был заменен металлической жаровней с красивыми ажурными боками. На этой же кухне мы видим, как резали на низких столах и затем готовили мясо; маленькие горшки поставлены на жаровню, а большие стоят на двух опорах над огнем.

Лишь дойдя до эпохи Нового царства, мы обнаруживаем на рисунках, изображающих кухню Рамсеса III, огромный металлический котел на ножках, который стоит на огне; поваренок помешивает его содержимое огромной двузубой вилкой. В задней части кухни пол сделан из ила и мелких камней и поднят примерно на треть метра выше, образуя место под очаг, над ним, под потолком, протянут брус, к которому подвешено хранящееся в запасе мясо.

Приготовление хлеба во все эпохи занимало важное место в домашнем хозяйстве, так как во все времена хлеб в различных видах был основной пищей народа[62]. Поэтому мы много знаем о нем. Можно принять как истину, что египтяне, во всяком случае в ранние периоды своей истории, не имели мельниц: мы нигде не обнаруживаем изображения мельниц в египетских гробницах.

продукта.

[62] В Pap. Harris, i. говорится о тридцати сортах хлеба, которые употреблялись в храмах. (Piehl., Dict., из Pap. H., с. 101). Кроме того, слово «хлеб» в египетском языке часто использовалось в значении «пища».

Пастухи в полях (из гробницы эпохи Древнего царства в Саккаре, теперь находится в Гизе. Согласно Перро – Шипье)

С другой стороны, во времена и Среднего, и Нового царства мы обнаруживаем изображения огромных ступ, в которых один или два мужчины «толкут зерно» тяжелыми пестами точно так же, как это делают сейчас во многих областях Африки.

Однако для получения более мелкой муки египтяне растирали зерно между двумя камнями. Нижний камень, больший по размеру, закрепляли на одном месте и наклоняли вперед так, чтобы готовая мука сыпалась в маленькую выемку, сделанную в передней части камня. Во времена Древнего царства этот камень ставили на землю, и работавшая на нем женщина должна была стоять на коленях; в эпоху Среднего царства место нижнего камня занял стол с углублением впереди, женщина могла стоять, и это сделало ее работу намного легче.

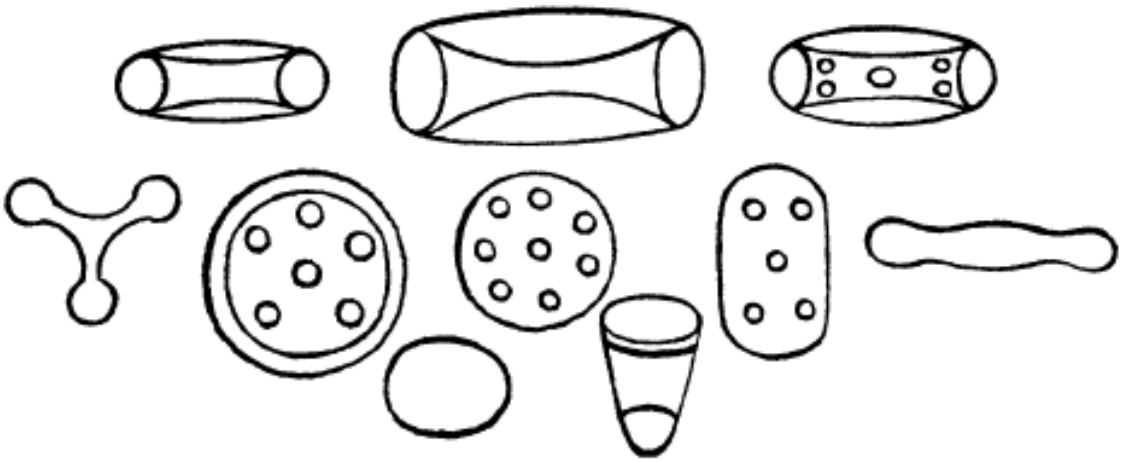
Вторым по очереди делом в приготовлении хлеба было замешивание теста, и его можно было делать по-разному. Пастухи в полях по вечерам, когда пекли свои лепешки в золе, только «взбивали тесто» в глиняной миске и слегка обжаривали свои круглые плоские лепешки на углях очага или просто в горячей золе. Чтобы вынуть их из горячих углей, эти голодные люди пользовались вместо вилок маленькими палочками, но перед едой они сначала должны были счистить пепел пучком травы. Разумеется, в доме человека благородного происхождения все было иначе. Здесь тесто клали в корзину и старательно месили руками; выжатая из него вода стекала сквозь отверстия между прутьями в горшок, поставленный под корзину.

Служанка, растирающая зерно. Известняковая статуэтка из Гизы (согласно Перро – Шипье)

Слуга, месящий тесто. Известняковая статуэтка из Гизы (согласно Перро – Шипье)

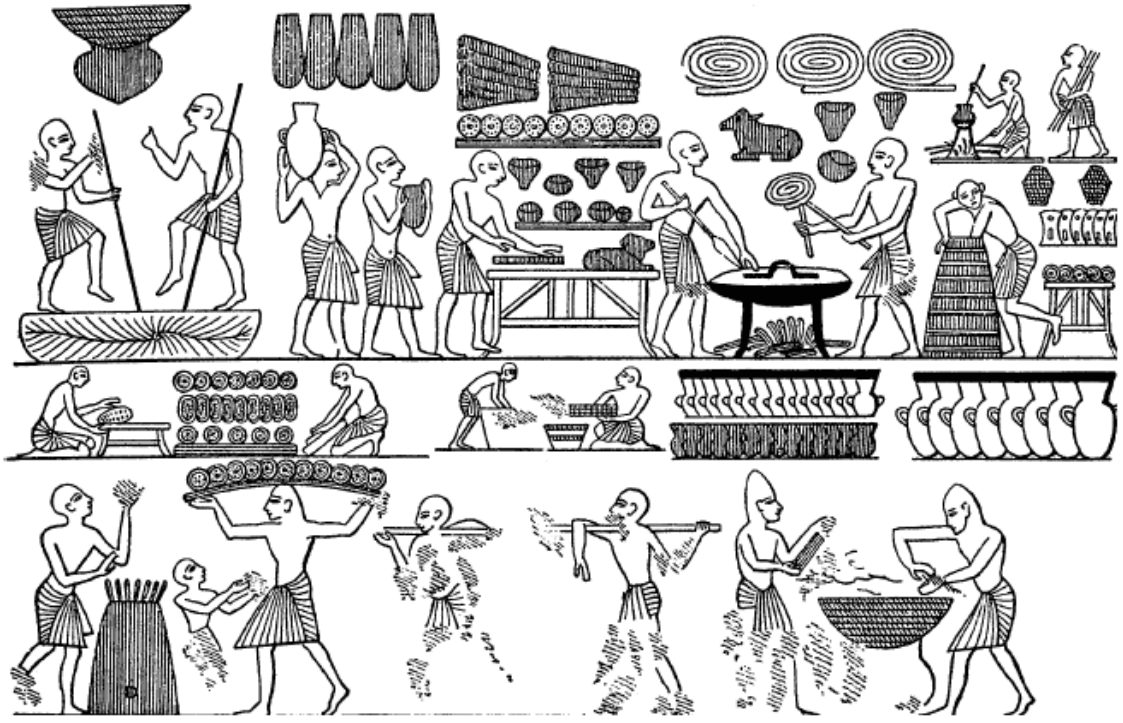
Затем тесту руками придавали различные формы, похожие на форму нашей сегодняшней выпечки, и пекли то, что было вылеплено, на конической печи. Я с особым смыслом сказал *на* печи: похоже, египтяне налепливали свои булки на наружную поверхность печи. Рисунок времен Нового царства дает нам достаточное представление об одной из этих печей (с. 76): она представляет собой усеченный конус из илистой земли, открытый сверху, и имеет в высоту около метра. Внутри горит огонь, его языки вырываются из верхушки конуса, а к наружной поверхности прилеплены булки.

На этом же рисунке мы видим дворцовую пекарню Рамсеса III. Здесь тесто не месят руками: это было бы слишком утомительно при таких больших количествах теста, которые нужны в царском хозяйстве, – а мнут ногами.

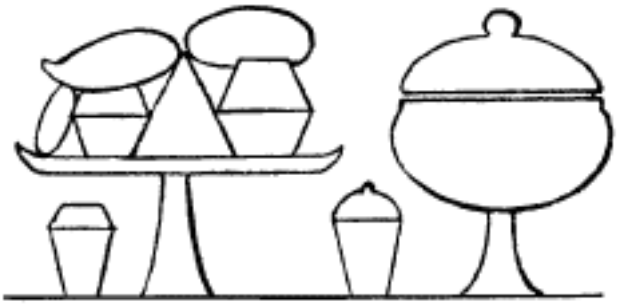


Формы булок во времена Среднего царства (согласно L. D., ii. 126, 128, 129)

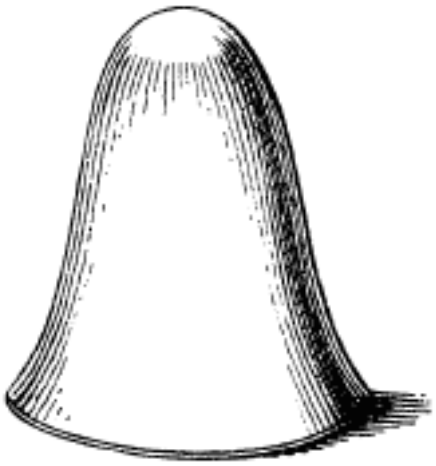
Двое слуг заняты этой требующей выносливости работой: они топчут тесто в огромной бочке, опираясь на длинные палки. Другие уносят готовое тесто в кувшинах на стол, за которым работает пекарь. Поскольку придворный пекарь не доволен обычными формами хлеба, он придает своим булкам всевозможные новые очертания. Некоторые из них имеют форму спирали, как «улитки» наших кондитеров, другие окрашены в коричневый или красный цвет, возможно, в подражание кускам жареного мяса. Среди них есть также каравай в форме лежащей коровы. Затем эти разнообразные хлебы приготавливаются различными способами: «улитки» и «корову» царский повар жарит на огромной сковороде, а мелкие булки пекутся на печи.



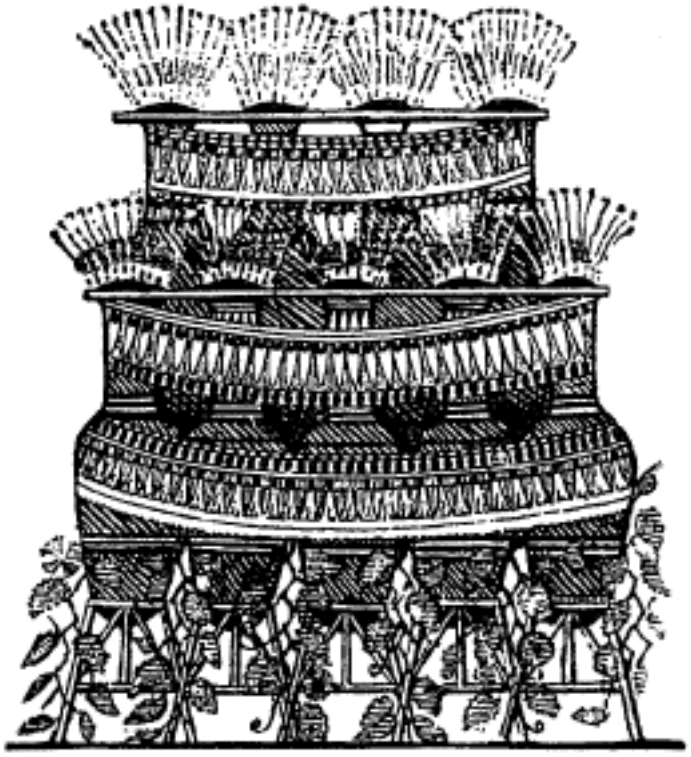
Царская пекарня. Из гробницы Рамсеса III (согласно W., ii. 34, где изображено — *внизу слева* , – что по ошибке только одна из булок прилеплена к печи)



Столы для кушаний, Древнее царство (согласно L. D., ii. 57 b)



Алебастровая чаша. Музей замка Алнвик (согласно W., ii. 42)



Кувшины для вина, украшенные венками и вышитыми тканями (настенный рисунок из Британского музея)

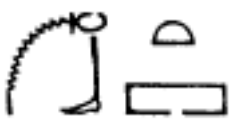
Столик с принадлежностями для умывания

Отдельной частью кухни было «чистое место», то есть пивоварня, где варили пиво[63]. Пиво было любимым напитком египетского народа, и даже умершие в своем загробном блаженстве не могли обойтись без пива – так же, как без хлеба. Этот напиток был любим во все времена; в эпоху Древнего царства египтяне варили четыре сорта пива, среди которых было «черное», то есть темное[64]; во времена Нового царства в Египте ценилось пиво из окрестностей Кеде на востоке Малой Азии, а во времена греков египтяне пили пиво из Зифоса, о котором Диодор пишет, что оно пахло как вино.

Мы мало знаем о приготовлении пива, однако все сведения согласуются в том, что оно делалось из молотого ячменя – «зерна Верхнего Египта», как его называли[65].

Во времена Древнего царства египтяне ели, сидя на корточках, обычно по два человека за одним маленьким столом, который имел высоту всего около 15 см и на котором были сложены кучами фрукты, хлеб и жареное мясо, а чаши для питья стояли под ним. Ели египтяне руками и не стеснялись отрывать куски от гуся. В более поздние времена простой народ ел так же, а высшие слои общества в Новом царстве предпочитали сидеть на высоких стульях с подушками и пользоваться услугами прислужников и рабынь[66]. После еды таким знатным египтянам лили на руки воду для мытья – так же, как принято на современном Востоке, и поэтому в столовых мы часто обнаруживаем кувшин и таз – точно такие же, как на современных столиках для умывания. В Древнем Египте украшение стола было искусством. Для украшения больших обеденных столов применяли крупные цветы лотоса, а во времена Нового царства кувшины с вином и пивом всегда были украшены вышитыми покрывалами. «Венки из цветов для кувшинов с вином» были необходимы, и, если царский двор проезжал через город, слуги должны были доставить для путешественников 100 венков так же обязательно, как и 29 200 караваев хлеба или 200 бушелей (1 бушель – 36,368 л *(англ.). — Ред.)* угля.

---

[63]  An., 4, 16, 3 = An., 3, 8, 5, «начальник снабжения пивоварни»: Mar. Cat. d'Ab., 1073. Возможно, сюда же относился «мер-эст-уаб» эпохи Среднего царства (там же, 751).

[64] Список жертвоприношений в книге Дюмихена «Гробница-дворец Петаменапа».

[65] Пиво из ячменя: Leps. Tottenb., 124, 125. Destruction des hommes, I. 18 и все греческие описания. Из «зерна Верхнего Египта»:*Dtimichen.* List of offerings of Medinet Habu, p. v. Что «зерно Верхнего Египта» – это ячмень, ср.: Br. Dic. Suppl., 460.

[66] Ср. иллюстрацию с изображением пиршества в главе IV, а также место обеденных залов на наших планах домов.

Как столы на пиру были убраны цветами, так же и гости были украшены ароматными цветами и бутонами; к волосам они прикрепляли бутоны лотоса и протягивали их друг другу, предлагая понюхать, так же как в наши дни у других народов гости протягивают друг другу бокалы вина.

Этот обычай значил не так мало, как могут подумать некоторые люди: его основой была любовь к цветам и зеленым растениям, очень характерная для египетского народа. На памятниках мы всюду видим цветы; богам подносили в дар букеты цветов; гробы покрывали венками из цветов, дома украшали цветами, и роспись на капителях всех колонн выполнена по образцу ярких цветочных лепестков. Египтяне любили и тенистые деревья. Житель Египта молился не только о том, чтобы после того, как он покинет этот мир, его душе «Нил дал каждое цветущее растение в положенное время года», но и о том, чтобы его душа могла сидеть «на ветвях деревьев, которые он посадил, и наслаждаться прохладным воздухом в тени его сикомора»[67]. Распаханные поля, лишенные тени пальмовые рощи, голая илистая земля редко позволяли египтянину увидеть те картины, которыми он больше всего любовался, и поэтому он старался удовлетворить эту потребность с помощью садоводства. В самые ранние периоды истории в Египте уже существовали парки и сады, и знатный человек из Древнего Египта с гордостью говорил о своих тенистых деревьях, своих ароматных растениях и своих прохладных прудах.

Все нежные чувства, с которыми мы смотрим на естественные леса и луга, египтянин испытывал к своему хорошо ухоженному саду; для него сад был местом любви, а его деревья – поверенными, которым влюбленные доверют свои тайны.

В день «праздника сада», то есть в день, когда сад полностью расцвел, дикая смоковница просит девушку прийти в тень ее листьев, которая будет надежным тайным убежищем:

Маленькая сикомора,
Которую она посадила своими руками,
Начинает говорить,
И ее (слова – как) капли меда.
Она очаровательна, ее крона – зеленая беседка,
Зеленее, чем (папирус).
Она увешана плодами,
Которые краснее, чем рубин.
Цвет ее листьев – как у стекла,
Ее ствол по цвету – как опал…
В ее тени прохладно.
Она посылает письмо с маленькой девочкой,
Дочерью своего главного садовника,
Она заставляет ее спешить к своему любимому:
«Приди и отдохни в (саду)…
Слуги, принадлежащие тебе,
Приходят с принадлежностями обеда
Они несут пиво всех (видов)
И с ним – всевозможные виды хлеба,
Вчерашние и сегодняшние цветы,
И все виды освежающих фруктов.
Приди, проведи здесь этот праздничный день,
И завтрашний, и послезавтрашний…

[67] Louvre. С. 55 и еще много подобных примеров.

Сидя в моей тени.
Твой спутник сидит по правую руку от тебя,
Ты подаешь ему питье,
А потом ты выполняешь то, что он просит.
Я по природе молчалива
И не рассказываю о том, что вижу;
Я не болтлива[68].

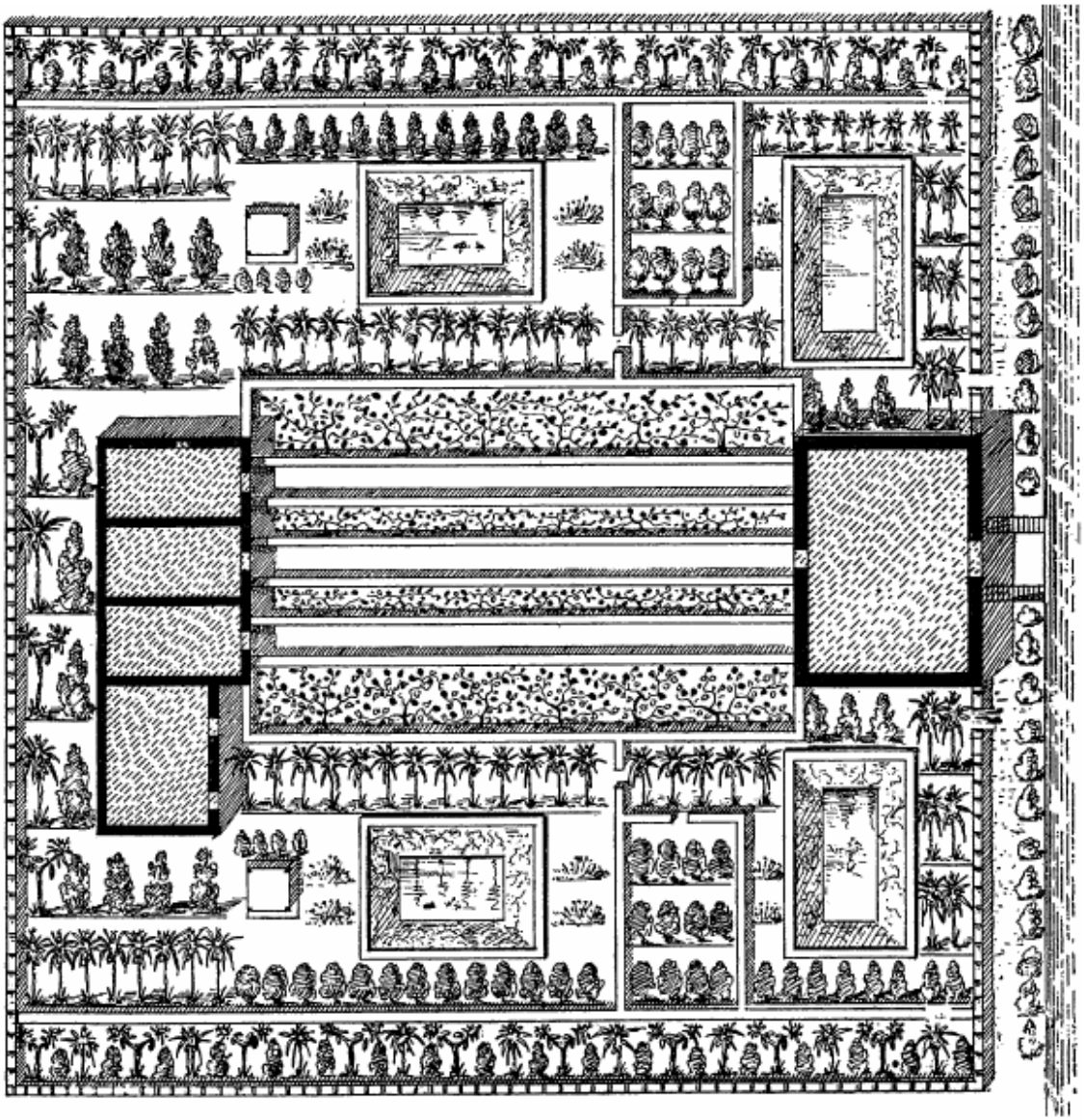
Фараон разделял со своими подданными эту любовь к деревьям и цветам и пытался превратить свой город в сад. Например, Рамсес III насадил в Фивах деревья и растения папируса, а в новом городе, который он основал в дельте, он устроил «большие виноградники, дорожки, затененные приятными фруктовыми деревьями всех видов, которые были увешаны плодами; священную дорогу, великолепную, блистающую цветами всех стран, а также лотосами и папирусами, бесчисленными, как песок»[69]. То, что сказано про посаженные там цветы всех стран, – не просто слова: любовь к садоводству и выращиванию цветов действительно привела к тому, что в Египет стали ввозить экзотические растения.

За триста лет до Рамсеса III царица Хатшепсут гордилась тем, что велела привезти «тридцать одно растущее ладанное дерево из стран благовоний», расположенных у Красного моря.

Рамсес III повторил этот трудный опыт и засадил двор Амона редкостными кустарниками.

[68] Из любовных песен, обнаруженных в одном папирусе, хранящемся в Турине (Tur., 79–83, под редакцией Масперо, Etud. egypt., i. с. 217 и след. с.).

[69] Harris (I.) 8, 3–4. Слово «лотос» – предположение.



План сада и дома представителя высших слоев общества

Два замечательных рисунка из фиванских гробниц эпохи Нового царства[70] открывают перед нами еще некоторые подробности планировки садов и деревенских домов людей из верхнего слоя общества; и по обоим рисункам видно, что хозяин изображенных владений любил тишину и покой деревни. Высокая стена преграждала путь внешнему миру; дом не был виден, поскольку стоял в дальнем конце сада, под высокими тенистыми деревьями, и пройти к нему можно было только по узким тропинкам сада. Господин, владевший тем большим участком земли, который изображен на показанном плане[71], укрыл свой дом в самом дальнем углу сада.

[70] Кроме иллюстрации, о которой идет речь здесь, посмотрите на приведенную ранее иллюстрацию, где показан сельский дом.

[71] План опубликован в Ros., M. C., 69 (W., i. 377). Реконструкция сада не представляет труда; египетский художник явно забыл показать двое ворот в верхней части рисунка, но их можно восстановить по нижней части. Тем не менее реконструкция дома очень трудна. Я выбрал самое легкое решение, но все же мне кажется очень редким случаем то, что в саду, спланированном так аккуратно и симметрично, дом был таким асимметричным.

Ни один звук беспокойной жизни канала не мог проникнуть в его уединение; ничей посторонний глаз не мог увидеть его дом за стенами или за вершинами деревьев. (См. рис. на с. 81. – *Пер.)*

Высокая зубчатая стена окружает этот почти квадратный участок земли; вход есть только спереди: там широкая лестница в один пролет спускается от просторной сторожки, где находился привратник, к двум маленьким дверям, выходившим на канал. Через главный вход, украшенный именем правящего царя, мы проходим сквозь маленькую дверь сразу в виноградник, который показан в центре плана. Пышные разросшиеся лозы с большими гроздями пурпурного винограда обвиваются вокруг решеток, сложенных из камня, и через проходы между рядами лоз дорожка ведет сразу в дом.

Но если мы пройдем через любую из боковых дверей, то попадем в другую часть сада, которая похожа на маленький парк. Здесь, окруженный пальмами и кустами, находится пруд, в котором есть рыба. Часть этого сада отделена от остальной территории стеной, за которой растут деревья светло-зеленого цвета; может быть, это питомник для саженцев, а может – участок с редкими деревьями.

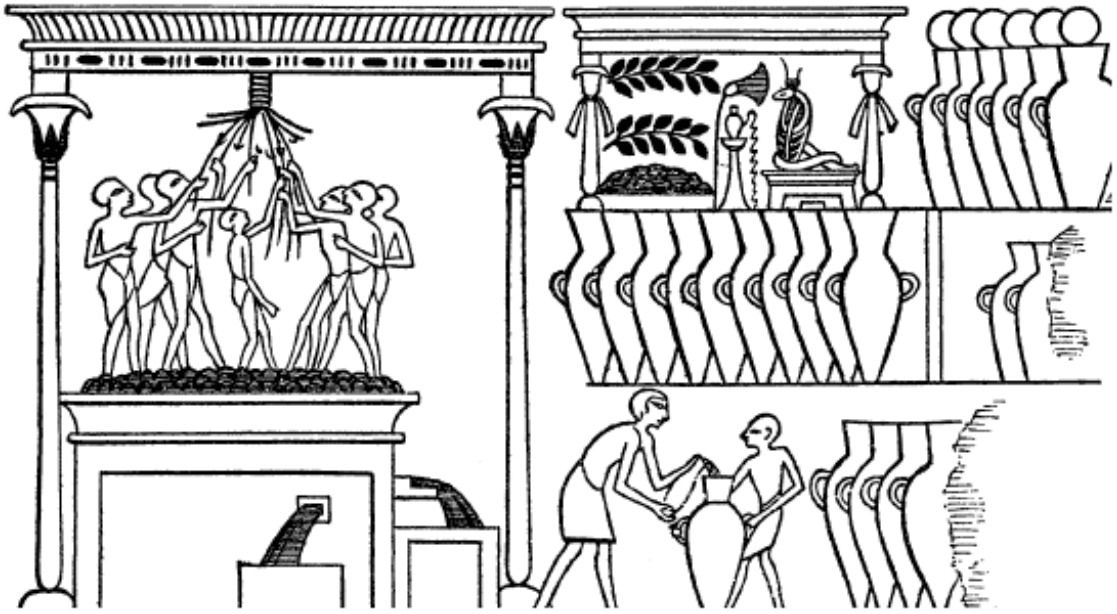
Из этого сада ведут две двери – одна в пальмовый сад, занимающий узкую полосу земли, которая со всех сторон окаймляет участок, вторая – в заднюю часть сада. Теперь, выйдем ли мы на правую или на левую сторону, мы снова придем к «прохладному пруду», а отдыхать у пруда было наслаждением для египтян. У начала пруда стоит симпатичная маленькая беседка, обвитая зеленью; здесь хозяин дома сидел по вечерам и смотрел, как водяные птицы играют в воде среди лотосов и растений папируса.

И наконец, у задней стороны участка, окруженный двумя рядами пальм и других высоких деревьев, стоит сам дом – явно одноэтажное здание неправильной формы. Его основная часть пристроена к задней стене виноградника и имеет три комнаты с выходами в сад. Слева к нему добавлена пристройка, которая, похоже, выше, чем центральная часть здания; у нее спереди две двери и сбоку два окна. Бросается в глаза то, что весь дом лишен украшений, и однообразие деревянных стен лишь иногда нарушают столбики и рамы окон и расписанная яркими красками ниша под крышей. Украшать это здание было незачем: оно совершенно скрыто деревьями, а чтобы произвести впечатление на прохожих, было достаточно величавого вида, который имел домик привратника на передней стороне участка.

Описанная здесь форма сада, похоже, была такой же обычной и в более ранние эпохи. В красивом парке, который заложил часто упоминавшийся Амтен, главный ловчий царя Снофру, он «выкопал большой пруд и посадил смоковницы и виноградные лозы». «В середине сада (точно так же, как на нашем плане) он устроил виноградник, который давал ему много вина». Вполне естественно, что египтяне так заботились о винограднике: хотя их главным национальным напитком было пиво, во все времена вино тоже было у них любимым питьем. В эпоху Древнего царства в Египте различали *шесть* сортов вина, в том числе белое, красное, черное и северное. Последнее из них соответствовало различным винам из дельты – мареотскому, себеннитскому и тениотскому (которые пользовались громкой славой позже, во времена греков и римлян). Виноград в больших количествах выращивали по всей стране; например, Рамсес III насадил «бесчисленные виноградники» в южных и северных оазисах и еще много виноградников в Верхнем и Нижнем Египте. Он назначил рабов-чужеземцев для возделывания этих посадок и выкопал «пруды, в которых росли цветы лотоса». Больше всего он заботился о знаменитом винограднике в горах, который давал «сладкое вино» и назывался *Ка-ен-Кемет* – «дух Египта». Этот огромный виноградник, который «вода заливала при разливе, как две страны, большие оливы которого были полны плодов, который был окружен длинной стеной и все дорожки которого были обсажены огромными деревьями, дававшими столько масла, сколько есть песка на морском берегу», был обширным садовым хозяйством

фиванского храма Амона[72] и принадлежал этому храму по меньшей мере с начала царствования Рамсеса III, поскольку этот царь подтвердил принадлежность храму этого дара своих предков и основал на винограднике казну и святилище.

Рисунки времени Древнего царства позволяют нам увидеть, как выращивались и обрабатывались виноградные лозы. Лозу заставляли виться вокруг опоры-решетки, которая стояла вначале на раздвоенных деревянных подпорках, а позже, в годы правления VI династии, которые были временем роскоши, – на деревянных столбах. Виноград возделывали очень заботливо: каждую лозу поливали отдельно из глиняных сосудов, криками и камнями из пращей прогоняли с виноградников слетавшихся огромными стаями птиц. Собрав грозди, которые, похоже, имели необычно длинную форму, и сложив их в корзины, люди относили их к прессу, механизм которого был простейший – тот, который и теперь еще можно увидеть на юге Европы. Это был длинный низкий ящик, над которым возвышалась деревянная рама выше человеческого роста. Ящик наполняли гроздями, затем пять или шесть человек входили в него, поднимали руки, брались за верхние доски рамы и топтали грозди ногами. По тому, как быстро двигались их ноги, мы видим, что работники должны были держаться за эти доски, чтобы не упасть. Во времена Нового царства форма прессов для выжимания виноградного сока стала удобнее и красивее: работники держались за канаты, это давало им больше места и позволяло двигаться свободнее, а выжатый из винограда сок стекал через отверстия внизу в огромные чаны[73].



Пресс для винограда в эпоху Нового царства. *Вверху справа* – маленький храм в честь богини урожая, перед которой в этот день сбора урожая были положены дары – виноград и вино. Ниже видно, как с помощью маленьких кувшинов наполняют вином огромные кувшины (согласно W., I, 385). Рисунок из фиванской гробницы

Но с каким бы старанием ни топтали эти люди виноград, в нем всегда оставалось какое-то количество сладкого сока, и его можно было извлечь только более энергичными мерами. Египтяне – рачительные хозяева – не пренебрегали этим остатком, а добывали его и для этого

[72] Ср. кувшины с вином, поступавшие из этого храма, Ä. Z., 1883, 34.

[73] Сбор винограда и выжимание виноградного сока во времена Нового царства: W., I, 385. L. D., iii. 11 d. На втором из этих рисунков работники, кажется, держатся за кусок ткани.

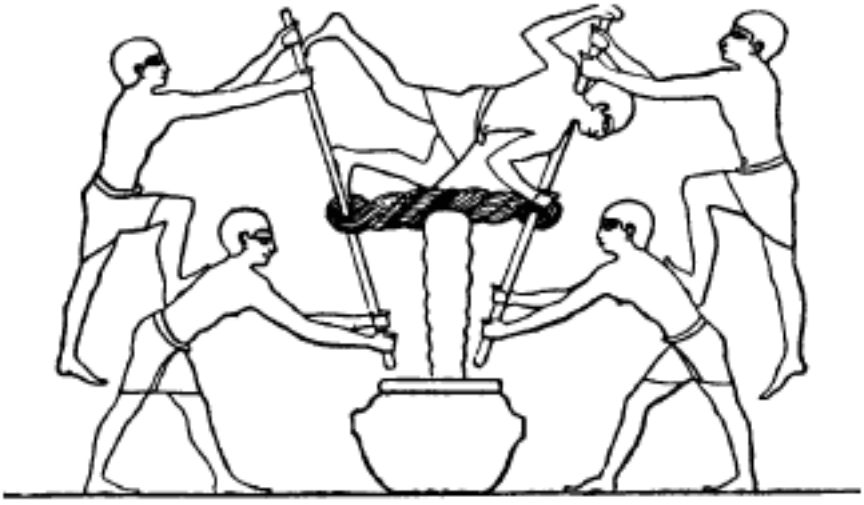
давили выжатые грозди в мешке. Огромный мешок из светло-желтой циновки наполняли виноградом, а затем скручивали, как белье, вынутое из таза после стирки.

В завязанные на концах петли продевались две палки, а затем четыре сильных мужчины начинали их вращать. С каждым поворотом мешка работа становилась все труднее, наконец, когда невозможно было повернуть палку еще раз, мешок крутили до упора, и, если работники под конец не выдерживали, он разворачивался. На рисунке мы видим, как в этот критический момент они проявляют свое наивысшее мастерство. Двое крепко держат, выкручивая мешок, палки за нижние концы, другие двое опираются на их спины, держат, выкручивая, палки за верхние концы, пятый, вися между двумя палками, раздвигает палки в стороны руками и ногами. Этот подвиг не напрасен: виноградный сок темным потоком льется в глиняный чан, который стоит внизу.

Это был обычный способ выжимания винограда в эпоху Древнего царства.

У нас нет данных о том, как после этого перерабатывали виноградный сок; мы видим только, как наполняли кувшины вином из огромных бочек, как их закрывали и как, наконец, их опечатывал казначей. Обычно мы видим еще и писцов, которые сидят рядом и записывают, сколько кувшинов было наполнено.

В эпоху Нового царства и также во времена греков и римлян любимым обычаем египтян было смешивать несколько сортов вина. Дальше на рисунке показано, как они с помощью сифонов наполняли большой сосуд вином трех сортов; праздничные украшения на сосудах указывают на то, что это смешивание происходит во время пира.



Выжимание винограда в эпоху Древнего царства

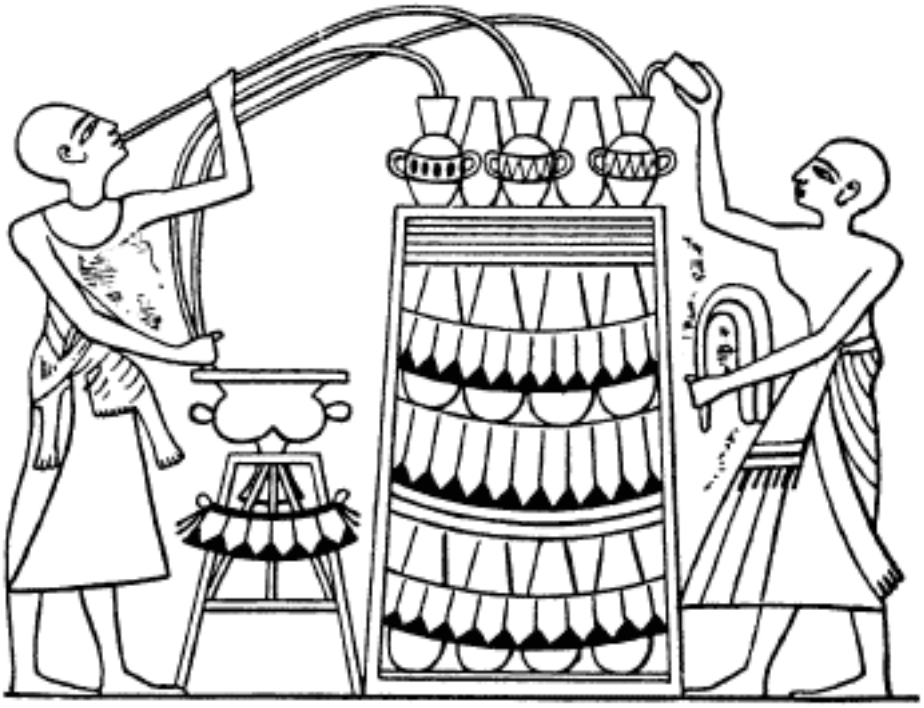
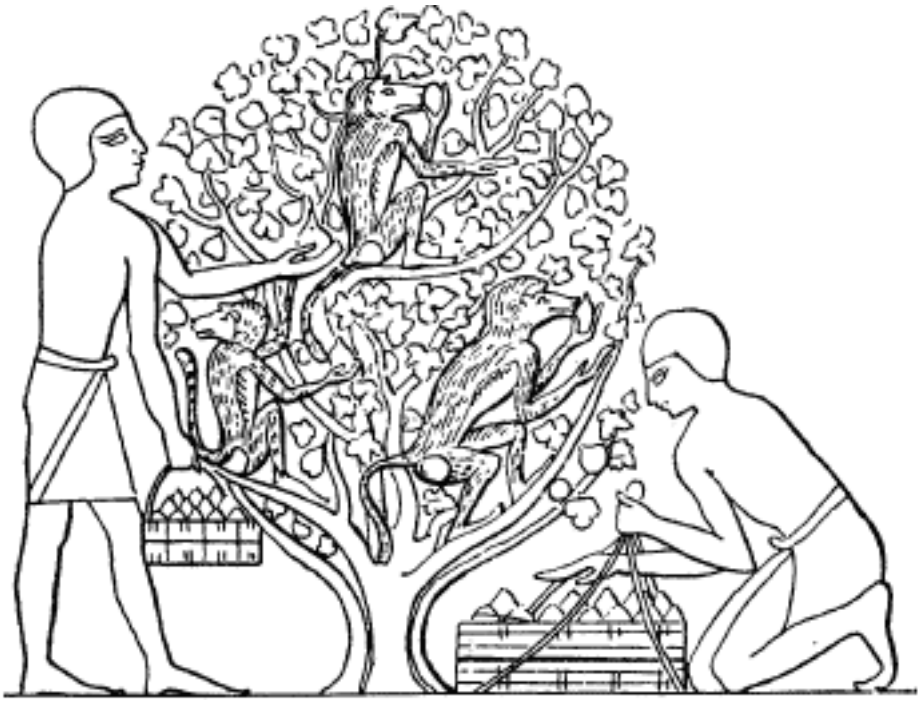


Рисунок из гробницы в Фивах (согласно W., ii. 314)

Мы не можем оставить без упоминания смоковницу, которую вместе с виноградной лозой выращивали в Египте во все времена. Мы повсюду встречаемся с ее плодом, а в старинных гробницах находим также изображения и самих деревьев. У смоковниц толстый искривленный ствол, и похоже, что высота их редко бывает больше 5 м. Но сучья смоковниц настолько крепкие, что садовники могут влезать на них и собирать плоды в плоскодонные корзины. Когда садовники не могли сами взобраться на дерево, они посылали на ветки ручных обезьян собирать для них инжир, как мы видим на рисунке ниже.



Обезьяны помогают собирать плоды смоковницы, инжир (согласно L. D., ii. 127)

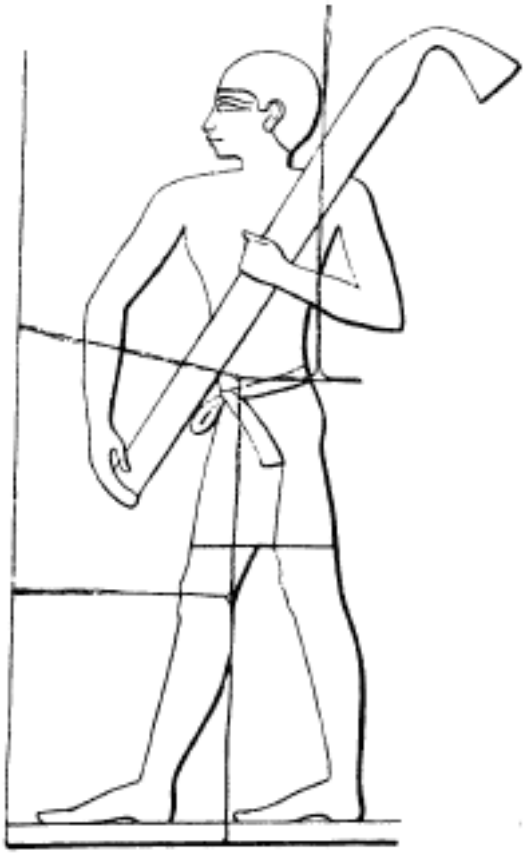
Глава III
ОДЕЖДА

Пока мы смотрели на древности Египта как на что-то неизвестное и ограничивались тем, что любовались ими как чудесными диковинами, впечатление странности, возникавшее от всего в целом, заставляло нас не обращать внимания на многочисленные различия между отдельными памятниками. Даже когда мы постепенно научились делить историю Египта на длинные эпохи, прошло еще немало времени, прежде чем наше зрение стало настолько острым, что мы смогли рассмотреть эти несколько эпох. Долгое время люди говорили о египетском искусстве, египетской религии и египетском языке так, словно они не претерпели очень больших изменений за три тысячи лет, и настроили свои умы на то, что египтяне по характеру были необыкновенно консервативны. Теперь мы знаем, что эти выводы не подтверждаются. В течение трех тысяч лет своей древней истории язык, верования и искусство древних египтян менялись не больше и не меньше, чем у любого другого народа в тех же условиях, и лишь из-за недостатка знаний мы так долго недооценивали эти различия.

Голова Нефергора, хранителя архивов складов зерна, рядом с ним сидит его жена (Берлинский музей, 2303)

Это утверждение верно и для одежды, которая у цивилизованных народов, возможно, переносит больше всего изменений. В эпоху Древнего царства египтяне носили короткую юбку вокруг бедер, во времена Среднего царства была добавлена вторая юбка, а во времена Нового царства была закрыта и грудь. Приглядевшись внимательней, мы обнаружим и много других изменений – тех, которые происходили в пределах этих больших эпох. Если в одном

веке юбка была короткой и узкой, то в следующем она становилась широкой и бесформенной, а век спустя в моде была только юбка, определенным образом уложенная в складки. Различные слои общества тоже отличались один от другого одеждой: наряд царя отличался от одежды его придворных, а чиновники в домашнем хозяйстве знатнейших князей одевались иначе, чем слуги, пастухи или лодочники. Разумеется, в этом случае мода тоже диктовала свою волю: одежду высших слоев общества быстро перенимали слои, которые находились непосредственно ниже их, тогда эта одежда переставала быть модной, знатные господа оставляли ее народу и начинали носить другую. Например, сразу после ухода с исторической сцены V династии знатнейшие князья царства стали подражать в одежде прежним царям, а позже этот наряд стал официальной одеждой старших ремесленников; тот самый наряд, в котором придворные царя Снофру появлялись во дворце, через не слишком большой промежуток времени уже носили старшие служители в домашних хозяйствах знати.



Простейшая форма юбки (по L. D., ii. 4)

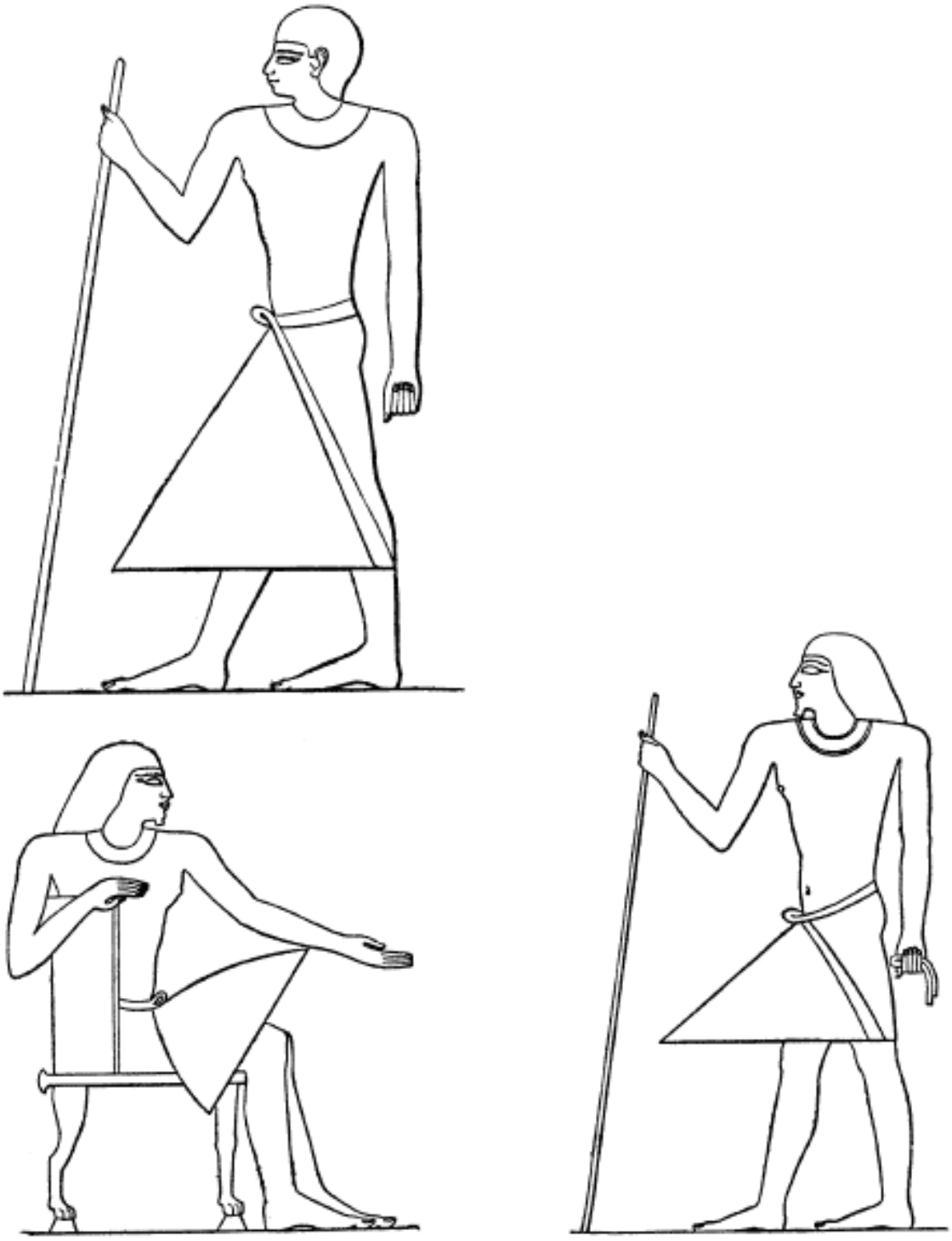
Юбка, удлиненная ниже колен. IV династия (по L. D., ii. 9)

Мы должны прибавить к этому еще несколько различий: одежда старых людей была длиннее и теплее, чем у молодых, в присутствии царя, люди были одеты более модно, чем дома или на охоте. Запас данных по этой теме неистощим, и они заслуживают более внимательного рассмотрения, чем то, которое возможно в тесных пределах этой книги. Я должен ограничиться показом основных разновидностей различных типов одежд[74]. Однако я надеюсь, читатель почувствует, что в одежде, несмотря на простоту составных частей, сравнительно часто происходили изменения.

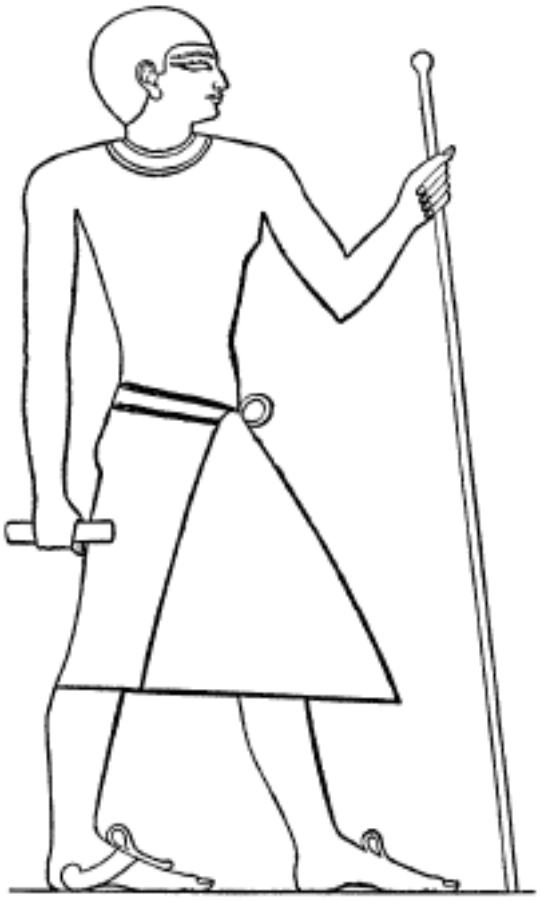
Самым древним нарядом людей высокого звания, кажется, была простая короткая юбка, которая стала основой для всех стилей одежды. Она состояла из прямого куска белого полотна, который не слишком туго оборачивали вокруг бедер, и не закрывала колени. Как правило, ее обертывали вокруг тела справа налево, так что край оказывался спереди посередине. Верхний конец этого края засовывали за передник, который скреплял юбку[75].

[74] Материал для этих исследований имеется в изобилии, но трудности в его истолковании так велики, что я должен просить об особом снисхождении. Мнения тех, кто изучил больше статуй, чем я, несомненно, во многих частностях отличаются от моего. На рельефах одежда показана лишь в самых общих чертах и становится совершенно непонятной в публикациях, где теряется первоначальная расцветка. Кроме того, видимо из эстетических соображений одежду на рельефах и фресках часто изображали неточно, а на фигурах людей, смотрящих влево, так бывает почти всегда.

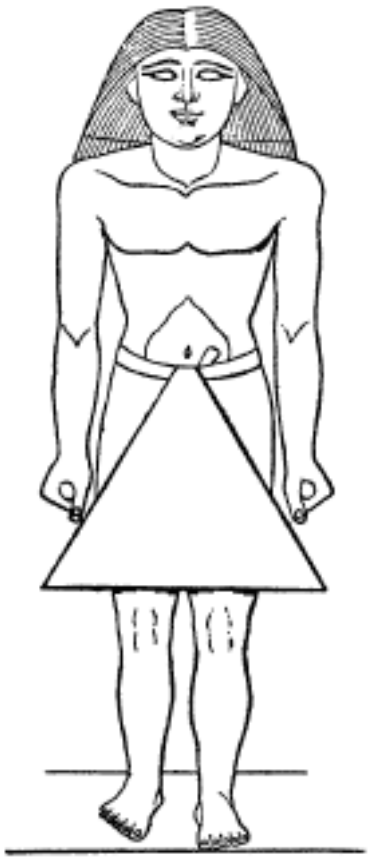
[75] Юбка белая: L. D., ii. 19. Передник, вероятно, был отдельным от юбки, об этом можно судить по рисунку L. D., ii. 112.



Три изображения Сенедмеба, называемого Мехи (V династия), в необычно широкой юбке (L. D., ii. 74, 78)



Юбка с выступом впереди. Изображение Небемехута (согласно L. D., ii. 13)



Юбка с выступом впереди. Статуя Уерхуу (согласно L. D., ii. 44)

В начале правления IV династии мы обнаруживаем, что даже знатнейшие люди довольствовались простейшей формой этой одежды; но даже в эпоху Древнего царства ее чаще носили писцы, слуги и крестьяне.

После царствования Хафры (Хефрена), строителя второй пирамиды, стало модно носить более длинную и широкую юбку; вначале это нововведение не слишком привилось, но к концу V династии оно уже перешло границу хорошего вкуса, и мы с трудом можем понять, как при дворе царя Униса (последний фараон V династии) модник мог носить ту конструкцию, которая была надета у него спереди, – может быть, была какая-то подпорка для того, чтобы юбка выступала вперед.

В период VI династии мы встречаемся с этим же нарядом, хотя и не таким преувеличенным. В это время слуги и крестьяне стали носить более широкие юбки, поскольку старшие служители в домашних хозяйствах знатных людей уже подали им пример.

У этой юбки была странная разновидность, которая, видимо, была в большой чести у знатных людей времен V и VI династий: с помощью какого-то искусственного средства они заставляли переднюю часть юбки выдаваться вперед в виде треугольного выступа. В этой моде были небольшие различия. Если край юбки образовывал свободную складку, это считалось просто одним из вариантов обычной одежды; если же выступ был совершенно симметричным и поднимался над передником[76], это считалось совершенно новомодным причудливым нарядом.

Помимо этих различных видов короткой юбки, мы обнаруживаем в виде исключения случаи, когда мужчины носят длинные одежды, которые закрывают тело от пояса до ступней[77]. В этой одежде изображают умерших, когда показывают, как те сидят за столом для жертвоприношений и принимают почести от своих живых друзей; несомненно, это был наряд старика, и, вероятно, покойные носили его перед самой смертью.

Кроме этих повседневных нарядов, знатные люди Древнего царства имели наряд, предназначенный только для праздников. Как обычно бывает в таких случаях, праздничный наряд не был похож на модную одежду своего времени, а был выдержан в более древнем стиле.

По сути дела, это – более элегантная разновидность старой узкой и короткой юбки. Ее перед округлен так, что ложится маленькими складками, а ремень закреплен красивой металлической застежкой. Хотя существует много изображений, трудно сказать, как именно была сделана застежка; та узкая, украшенная орнаментом деталь одежды, которая видна над застежкой, – возможно, конец передника. Это точно не ручка кинжала, как все предполагали. И наконец, передняя часть юбки, начиная от середины спины, часто была еще украшена собранным в складки куском золотой ткани; в результате получалась очень элегантная одежда[78]. Чтобы завершить этот праздничный наряд, нужна была шкура леопарда: знатные люди накидывали ее себе на плечи, когда появлялись на людях «в полном наряде». Правильно носить эту шкуру следовало так, чтобы маленькая голова и передние лапы животного свисали вниз, а задние лапы, связанные вместе длинными лентами, перевешивались через плечо. Было модно, сидя без дела, играть этими лентами, перебирая их левой рукой[79].

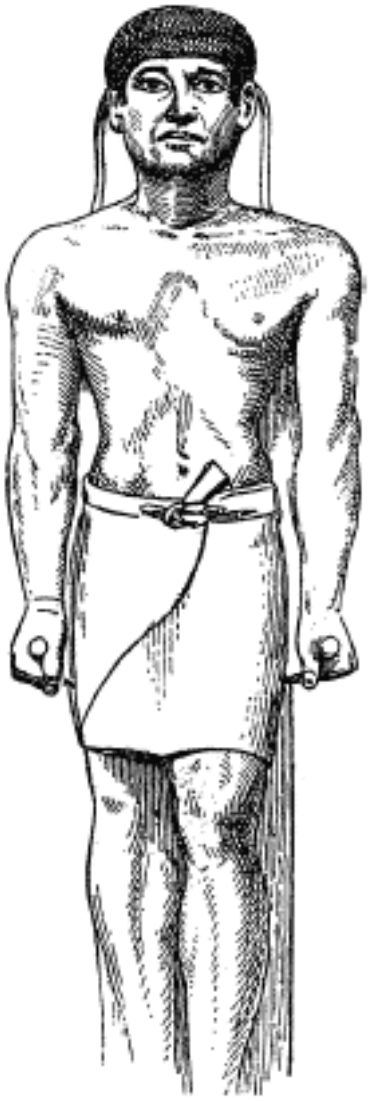
---

[76] Мы предполагаем, что этим выступом (так же как и похожим выступом в одежде времен Нового царства) мог быть отдельный кусок ткани, прикрепленный спереди к переднику.

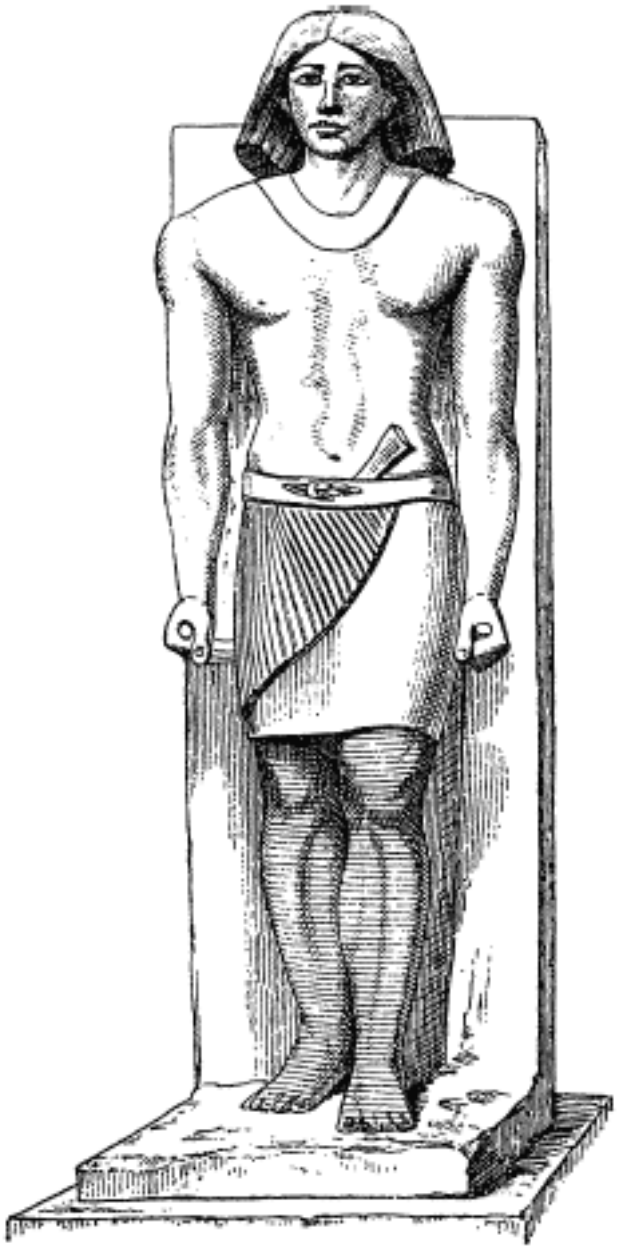
[77] L. D., ii. 3, 6 (явно охарактеризованный как старик), 23, 30, 31.

[78] Например, статуя в Берлинском музее и другая статуя в Лувре, A, 46, 102, 105. Что собранная в складки ткань была золотой, мы видим на рисунках. L. D., ii. 19, 20, 21. Лувр, A, 102; A, 105; она белая, там же, A. 46.

[79] Ср.: L. D., ii. 18, 19, 21, 22, 23, 30, 31 b, 32 и т. д. Возможно, это была привилегия носителей какого-то высокого сана.



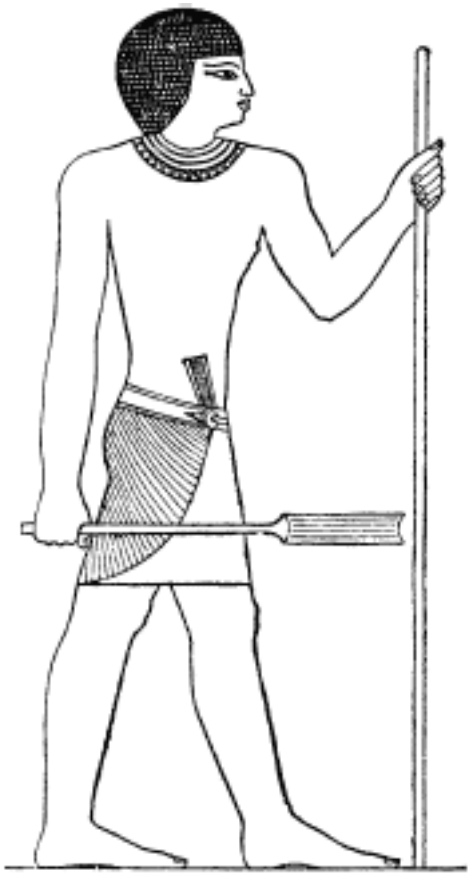
Парадная юбка без нарядного края. Статуя Нофера в Гизе (согласно Перро – Шипье, 628)



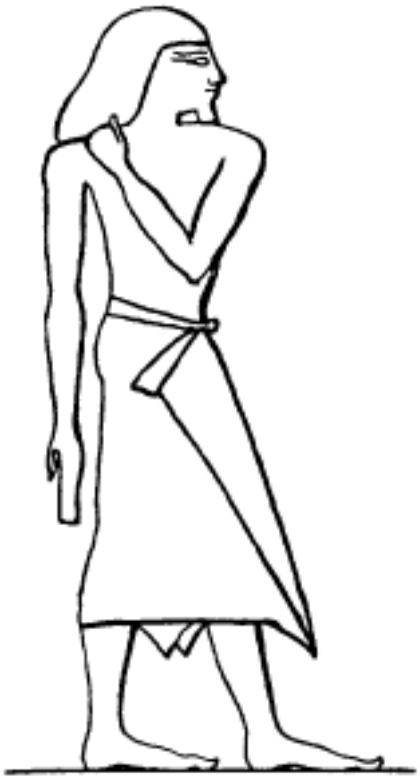
Парадная юбка с золотым краем. Статуя Ранофера в Гизе (согласно Перро – Шипье, 655)

В мрачные времена между VI и XII династиями одежда не претерпела больших изменений; однако юбка стала немного длиннее и теперь достигала середины ноги. В эпоху Среднего царства она снова стала более узкой и менее жесткой; для этого ее спереди делали немного наклонной и опускали несколько ниже, чем сзади. Считалось правильным показать между ног через одну или две круглые прорези внутреннюю часть юбки[80]. Мужчины также любили украшать ее наружный край вышивкой или собирать ее переднюю часть в красивые складки. У обычных людей эта юбка была из толстой ткани, но люди высокого звания, напротив, выбирали для нее тонкую белую ткань, такую прозрачную, что она скорее показывала, чем скрывала формы тела.

[80] L. D., ii. 127, 130, 131. Они явно видны на находящейся в Берлине статуе Себекемсафа (брата царицы Нубхас). Berlin, 1188 – у *сыновей* умершего, но не у его*слуг.*



Парадная юбка с золотым краем (принц Нереб. Согласно L. D., ii. 20)



Простая юбка времен Среднего царства (чиновник Хнемхотеп. L. D., ii. 131)

Поэтому было необходимо носить под прозрачной юбкой другую. Те, кто имел право носить шендет – короткую царскую одежду, – носили ее в качестве нижней юбки[81]. Одновременно с этим нарядом из двух юбок, который стал началом новой эпохи в истории египетской одежды, появилась первая одежда для верхней части тела. Один из тех правителей нома Зайца, которые были похоронены в Эль-Берше, носил – как видно на иллюстрации ниже – плащ наподобие мантильи, скрепленный на груди. На другом рисунке этот же князь появляется в совершенно необычном наряде: он закутан с головы до ног в узкую одежду, явно полосатую, – похоже, что ее носили старики во времена Среднего царства[82].

В период между Средним и Новым царством в одежде было мало нововведений, но более модные виды мужских нарядов полностью одержали победу над более простыми. Только жрецы остались верны простой юбке; все остальные египтяне носили верхнюю прозрачную юбку и короткую нижнюю, которые сохраняли свою старинную форму[83].

Вскоре после этого стремительное развитие Египетского царства и революционная смена всех прежних условий общественной жизни привели к быстрой смене моды. Примерно во времена царицы Хатшепсут одежда приняла новый вид: возник обычай прикрывать и верхнюю часть тела. Короткая рубашка, прочно закрепленная под передником, стала обязательным предметом одежды у всех людей из верхнего слоя общества. Похоже, что эта рубаха справа имела открытый вырез, чтобы правая рука могла двигаться свободно, а на левую руку надевался короткий рукав[84]. В этот период каждое поколение носило свой особый вид юбки.

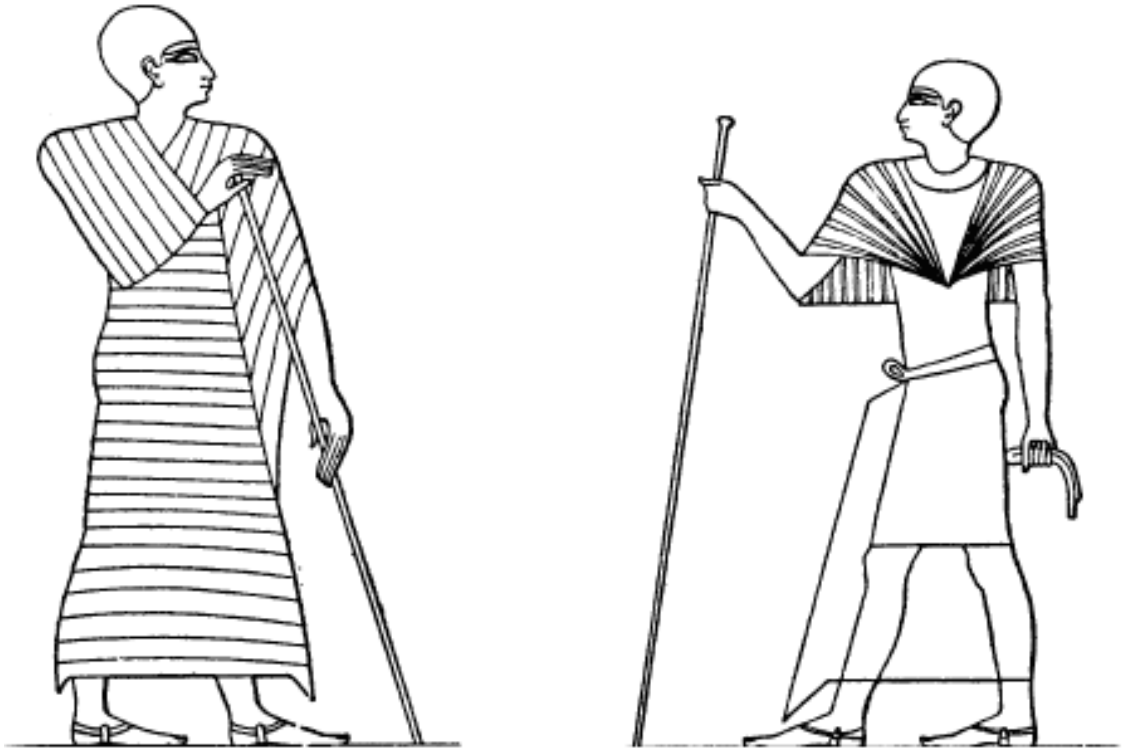
[81] Нижние юбки обычного вида: L. D., ii. 128, 130, 131, 134 d. Царская юбка: L. D., ii. 130.

[82] L. D., ii. 134 e. Также – там же, 126 (Хнемхотеп), 127 (его слуги-старики).

[83] L. D., iii. 9 f и след. с. 10 a, 12 a и другие, 62 b, 69 a. Очень знатные князья также носили царскую юбку под верхней: L. D., iii. 9 e.

[84] На некоторых рисунках показана рубаха с открытыми вырезами на обоих боках, то есть без рукавов, в то же время на других изображениях руки четко виден рукав. Кроме того, у стоячих фигур, повернутых лицом вправо, на рисунке изменяются очертания одежды, и на правой руке появляется рукав. Рубахи, у которых ясно видны два рукава, встречаются редко, хотя наместник Эфиопии – L. D., iii. 230 – несомненно, одет в одну из них.

Двойная юбка эпохи Среднего царства (номарх Хнемхотеп. L. D., ii. 131)



Необычные одежды эпохи Среднего царства (номарх Джутхотеп. L. D., ii. 134 d, e)

Вначале нижняя юбка осталась без изменений, а верхняя стала короче спереди и длиннее сзади[85].

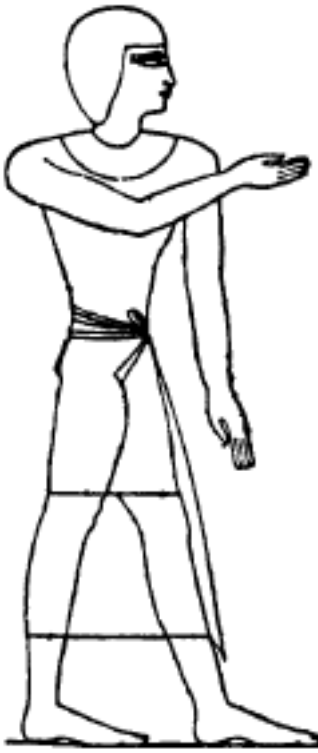
Ближе к концу XVIII династии, при царе-вероотступнике Эхнатоне, носили более широкую и длинную нижнюю юбку, а у верхней юбки подол поднимали и собирали в буфы, чтобы под ней была видна нижняя. Перед верхней юбки был собран в толстые складки, нижняя юбка тоже часто была складчатой, а длинным концам набедренной повязки было позволено свисать вниз[86].

В парадной одежде этого времени верхняя юбка стала значить меньше нижней. Нижняя развилась в широкую складчатую одежду, а верхняя выродилась в кусок льна, который обертывали вокруг бедер.

Одежда во времена Аменхотепа III. Верхняя юбка длиннее нижней (согласно L. D., iii. 77 e)

[85] Фрагмент рисунка (изображено подношение жертв) в Британском музее. L. D., iii. 69 a, 77 e.

[86] Например, L. D., iii. 91 a, 93, 101, 104; W., i. 442. Нижняя юбка в складку спереди: L. D., iii. 97 e, 103. Берлин, 7316.



Одежда в первую половину периода XVIII династии (L. D., iii. 12 a)

Одежда во времена Эхнатона. Нижняя юбка стала длиннее (согласно L. D., iii. 101)

В это же время мы обнаруживаем на изображениях большое разнообразие нарядов: иногда кусок льняной ткани обернут вокруг тела так, что прикрывает сзади ноги, но спереди

при этом очень короткий; иногда он принимает форму древней юбки, иногда он обернут вокруг тела два или три раза.

Одежда знатных людей XIX династии очень схожа с той одеждой аристократа времен Эхнатона, которая была описана выше, с той лишь разницей, что теперь, в более позднее время, буфы на верхней юбке были разглажены, и она была немного длиннее.

Праздничные костюмы в конце периода XVIII династии. Часто упоминавшийся Эйе с украшениями из золота, которые даровал ему царь. L. D., iii. 105. Наместник Эфиопии Аменхотеп, там же, 115. Его собрат по должности Хуи, там же, 118

Во времена Рамсеса III стало модно одеваться по образцу, который раньше существовал для торжественных нарядов[87]: от верхней юбки, которая была лишь украшением, полностью отказались, а спереди прикрепляли в виде передника широкий кусок ткани, форма которого могла быть разной[88].

В течение всего этого времени одежда для верхней части тела в основном не изменялась, хотя после правления XIX династии она стала более просторной[89]. Иногда мы также видим нечто вроде плаща, который плотно прилегает к спине и скрепляется перед грудью. Цари обычно появлялись на людях в нем, а все остальные носили его лишь в торжественных случаях[90]; другие люди – только на редких праздниках.

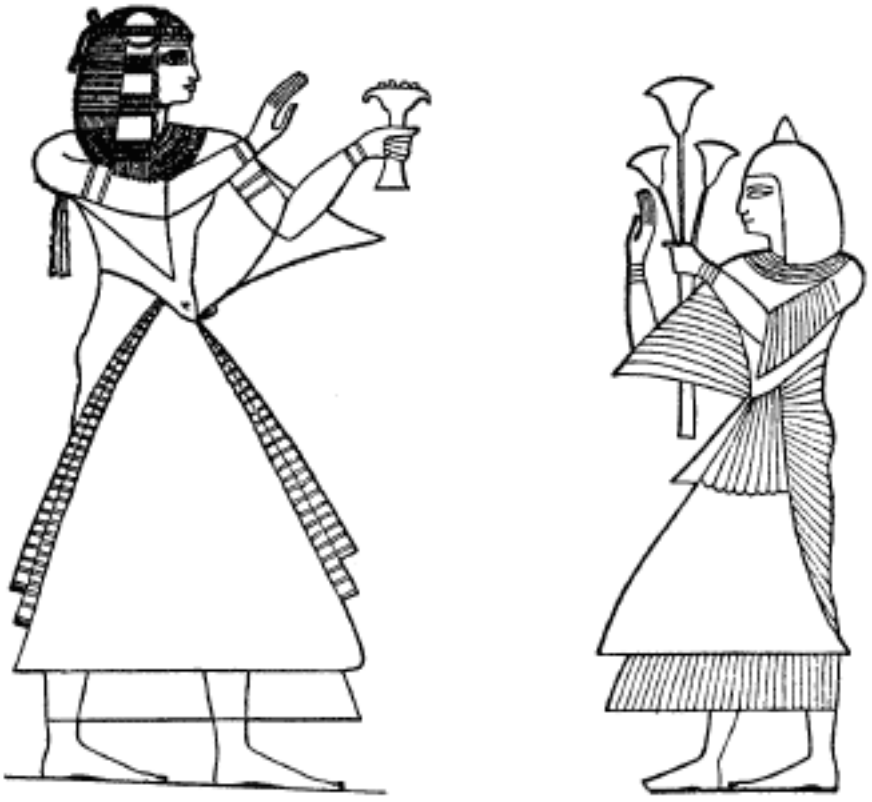
[87] Например, во время похоронного шествия при царе Хоремхебе. W., iii., гравюры 67, 68. Ср. также: L. D., iii. 117

[88] L. D., iii. 217 a, 229, 230, 231. Чтобы правильно понять, как выглядел этот наряд, посмотрите, например, на статуи 2303 и 2287 в Берлинской коллекции.

[89] Например, L. D., iii. 153, 183 b, 214. В последней группе примеров похоже, что юбка была продета под передник, чтобы прикрыть спину.

[90] L. D., iii. 1, 91 a, 92, 98 b, 101, 115 и т. д. Ср. также указанную выше гравюру IV, на которой изображена статуя Рамсеса II, находившаяся в Турине.

Наряд периода XIX династии (L. D., iii. 176 и след.)



Наряд периода XX династии с лоскутом ткани, прикрепленным впереди (L. D., iii. 217 a, 231)

Помимо обычных разновидностей одежды, развитие которых мы только что проследили, во все эпохи существовали наряды, которые носили лишь высокопоставленные люди и которые мы должны, исходя из этого, считать положенными носителям той или иной должности. Первое место среди них мы обязаны, конечно, отдать царским нарядам фараона –

юбке с львиным хвостом и округленными краями, между которыми свисала узкая полоса ткани – древнейший символ царского сана. Мы уже показали, как этот наряд становился все роскошнее с течением времени, и вполне можем предположить, что эти изменения во многом были вызваны духом подражания: знатные люди стремились, насколько это было возможно, одеваться так же, как фараон. Торжественный наряд времен Древнего царства был первым результатом подражания: край юбки в ее передней части был украшен золотым шитьем, чтобы тот, кто надевал такую юбку, был в своем наряде похож на его величество, хотя бы при взгляде справа. Лишь ближе к концу периода V династии мы впервые от случая к случаю видим наряд, в точности похожий на царскую юбку, с той лишь разницей, что он был сделан не из золотистой ткани и не завершался львиным хвостом. Эту одежду носили как охотничий наряд во времена Среднего царства и в начале эпохи Нового царства: в эти дни мужчины высокого звания надевали ее, когда охотились на птиц или били острогой рыб[91].

Однако в эпоху Среднего царства, очевидно, был принят закон, который устанавливал границы такого подражания, а право носить *шендот* (царскую юбку) было дано лишь некоторым должностным лицам. При XII династии многие знатнейшие аристократы явным образом провозглашали, что имеют эту привилегию, а в более поздние времена верховные жрецы крупнейших святилищ считали одним из самых своих гордых титулов звание *носитель шендота*[92]. Эти ограничения принесли мало пользы, и в смутное время между Средним и Новым царством царскую юбку стал носить еще более широкий круг людей. При XVIII династии начальники всех ведомств носили ее, когда появлялись где-либо официально; и даже когда они делали уступку моде своего времени и надевали длинную верхнюю юбку, то закрепляли ее на такой высоте, чтобы под ней был виден символ их должности[93]. Чиновники, обязанности которых были очень узкими, например «начальник крестьян» или «начальник возчиков», старшины каменщиков, моряков и погонщиков, во времена Нового царства часто носили юбки, очень похожие на *шендот.*

[91] Др.: L. D., ii. 60, Берлин, 1118, 1119. Ср.: L. D., ii. 130 (сходство есть и в длине царской бороды). Нов.: L. D., iii. 9 e; W., ii. 107.

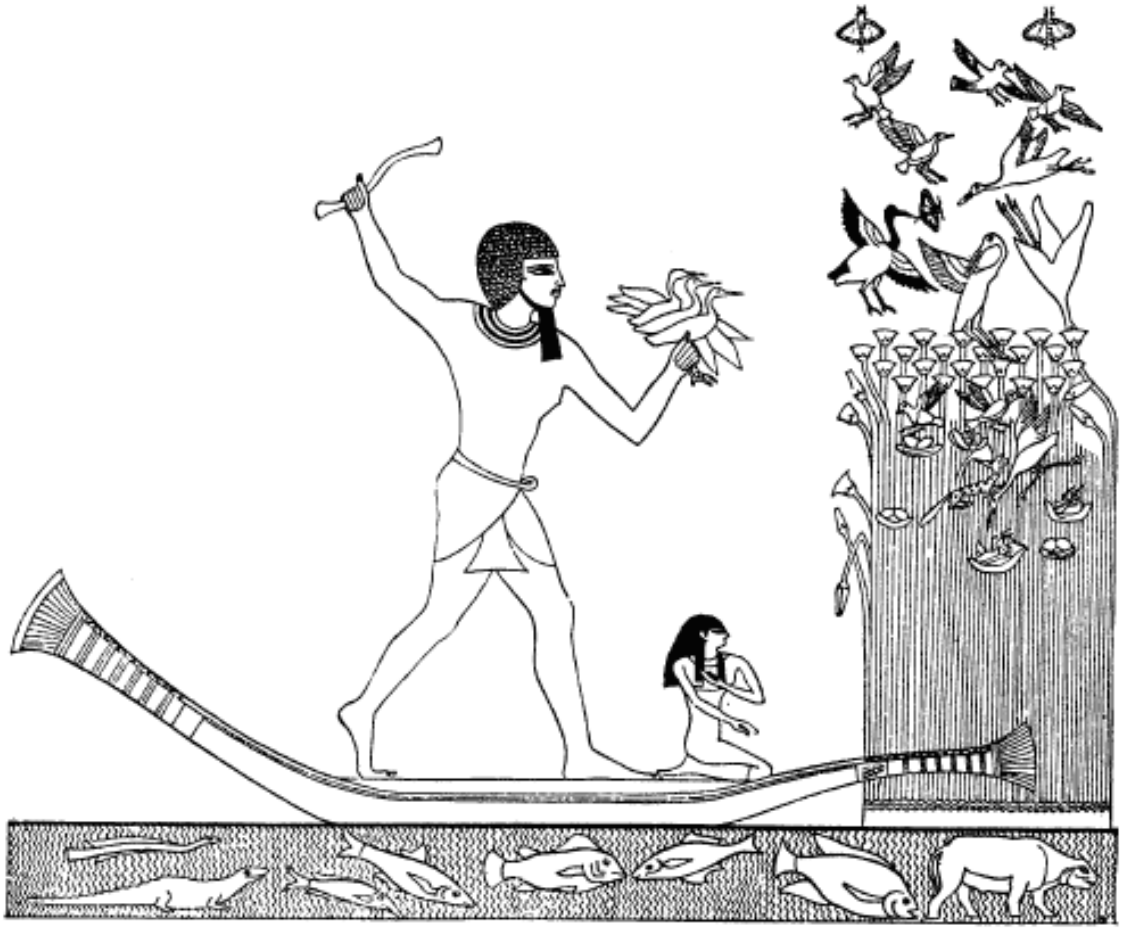
[92] Мемфисский верховный жрец носил очень похожую юбку уже при IV династии. Mar. Mast., 74, 75.

[93] L. D., iii. 10, 41, 76 a, 77 b. У этих низших чиновников средняя часть юбки часто была более длинной и заостренной на конце.

Ранняя разновидность царской юбки

Рамсес II в плаще

Другим знаком высокого звания мы можем считать полосы белой ткани, которыми знатные люди эпохи Древнего царства часто обертывали себе грудь или тело, когда надевали свой парадный наряд, или накидывали на плечи, позволяя свисать концам, когда отправлялись на прогулку по сельским местам в обычной одежде или на охоту. Такая широкая полоса ткани не защищала ни от ветра, ни от холода, а скорее всего была знаком, по которому люди могли узнать знатного господина. Таким же образом главного смотрителя, надзиравшего за рыбаками или полевыми работниками, узнавали по узкой ленте на шее. Те узкие ленты, которые мы часто видим на рисунках в руках у знатных людей всех периодов египетской истории, могли иметь то же значение.



Хнемхотеп охотится на птиц (согласно L. D., ii. 130)

Еще один вид одежды, в котором с первого же взгляда можно опознать должностное облачение, – одежда главного судьи и наместника, высшего должностного лица в египетском правительстве. Он носил узкую одежду, прикрывавшую тело от груди до лодыжек; ее поддерживали две тесьмы, закрепленные сзади на уровне шеи металлической застежкой. Этот высокопоставленный сановник брил голову, как жрецы, – возможно, потому что он был также в силу своей должности верховным жрецом богини истины. Позже мы поговорим о многочисленных изменениях в одежде жрецов и военных.

Копия настенного рисунка из фиванской гробницы (теперь в Британском музее)

Теперь бросим взгляд на одежду низших слоев общества, которая коренным образом отличалась от описанной выше одежды верхов. Низшие чиновники, как правило, следовали за модой, но обычно отставали от нее. Например, во времена Среднего царства они носили короткую юбку времен Древнего царства, а в дни Нового царства – более длинную юбку времен Среднего царства. Собственно народ – крестьяне, пастухи, ремесленники, слуги – всегда довольствовался очень простым нарядом. Чтобы появиться перед своим господином, они, как правило, надевали короткую юбку того вида, который был в моде в начале правления IV династии. Когда же простые люди были за работой, эту юбку повязывали менее туго, и при любом резком движении ее передняя часть отлетала в сторону.

Обычно эта юбка была сделана из льняной ткани, но в эпоху Древнего царства некоторые пастухи и лодочники, видимо, довольствовались одеждой из циновки.

Наместник в царствование Рамсеса IX. По грубо выполненному наброску рисунка на плитке известняка (Insc. In the hier. char. i.)

Эти люди отличаются от других также странными по виду волосами и бородами, точно такими же, какие носил часто упоминавшийся нами болотный народ [94]. Земледельцы в эпоху Нового царства тоже носили грубые юбки из циновки, причем имели обыкновение ставить на них заплаты из кожи[95]. И наконец, люди, которым надо было много двигаться или работать в воде[96], носили только набедренную повязку простейшей формы с бахромой по краю, – такую же, какую носят и сейчас многие африканские племена, – узкую полоску ткани, с которой впереди свисали вниз несколько лент[97] или ее собственный конец[98]. Конечно, такая повязка не очень прикрывала тело, ленты сдвигались со своего места при каждом движении, так что лодочники, рыбаки, пастухи и мясники часто снимали ее и работали в том виде, в каком их произвела на свет природа[99]. Чувства стыда, так сильно развитого у нас, в Древнем Египте не существовало, и самые распространенные иероглифы изображают то, что сейчас рисуют нечасто.

[94] L. D., ii. 69 и повторн.

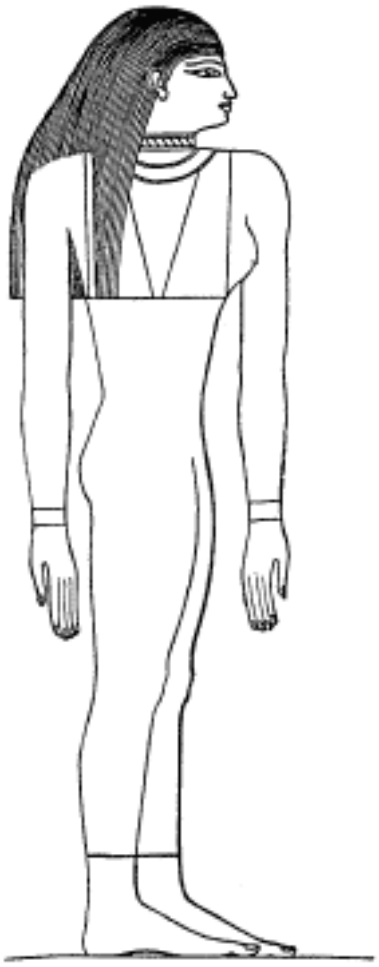
[95] L. D., iii. 40. W., ii. 100.

[96] Др.: мясники: L. D., ii. 4, 24, 25. Пастухи; там же, 23, 24, 25. Лодочники; там же, 28, 45. Рыбаки; там же, 9, 46. Птицеловы; там же, 46; Нов.: земледельцы; L. D., iii. 10. Храмовые повара; там же, 96. Моряки; Dtim. Flotte, i.

[97] Во времена Древнего царства их было самое большее две или три, редко четыре (L. D., ii. 56) или больше (там же, 24).

[98] L. D., ii. 9, 12 b, 106.

[99] L. D., ii. 9, 12 b, 20, 43.



Обычная одежда эпохи Древнего царства (царевна Седет, IV династия. Согласно L. D., ii. 21)

Эте, жена Сехемка (Лувр, A. 102, согласно Перро – Шипье)

Согласно нашим представлениям о жизни, женщинам, а не мужчинам пристало любить украшения и наряды, но египтяне эпохи Древнего царства держались противоположного мнения. По сравнению с многочисленными видами мужской одежды наряды их женщин выглядят для нас довольно однообразными: в течение многих веков, с IV до XVIII династии, все женщины египетского народа, от царевен до крестьянок, носили одинаковую одежду. Это было простое платье без складок, настолько узкое, что под ним были хорошо видны формы тела. Платье это начиналось под грудью и доходило до щиколоток; его прочно удерживали две тесемки, перекинутые через плечи. В редких случаях эти тесемки отсутствовали[100], и только узкий покрой платья не давал ему упасть. Платье и тесемки всегда были одного и того же цвета[101] – белого, красного или желтого; в этом отношении тоже не было различий в одежде ни между матерью и дочерью, ни между госпожой и служанкой. Точно так же у всех у них эта одежда была ничем не украшена – разве что вдоль верхнего края могло быть вышито несколько узоров[102].

[100] У госпожи: L. D., ii. 15.

[101] Белый: L. D., ii. 83, 90. Красный: там же, 19, 20, 21. Желтый: там же, 57, 58.

[102] L. D., ii. 5, 8 c, 11, 15.

Знатная женщина эпохи Древнего царства в плаще (статуя Нофрет, Гиза, согласно Перро – Шипье)

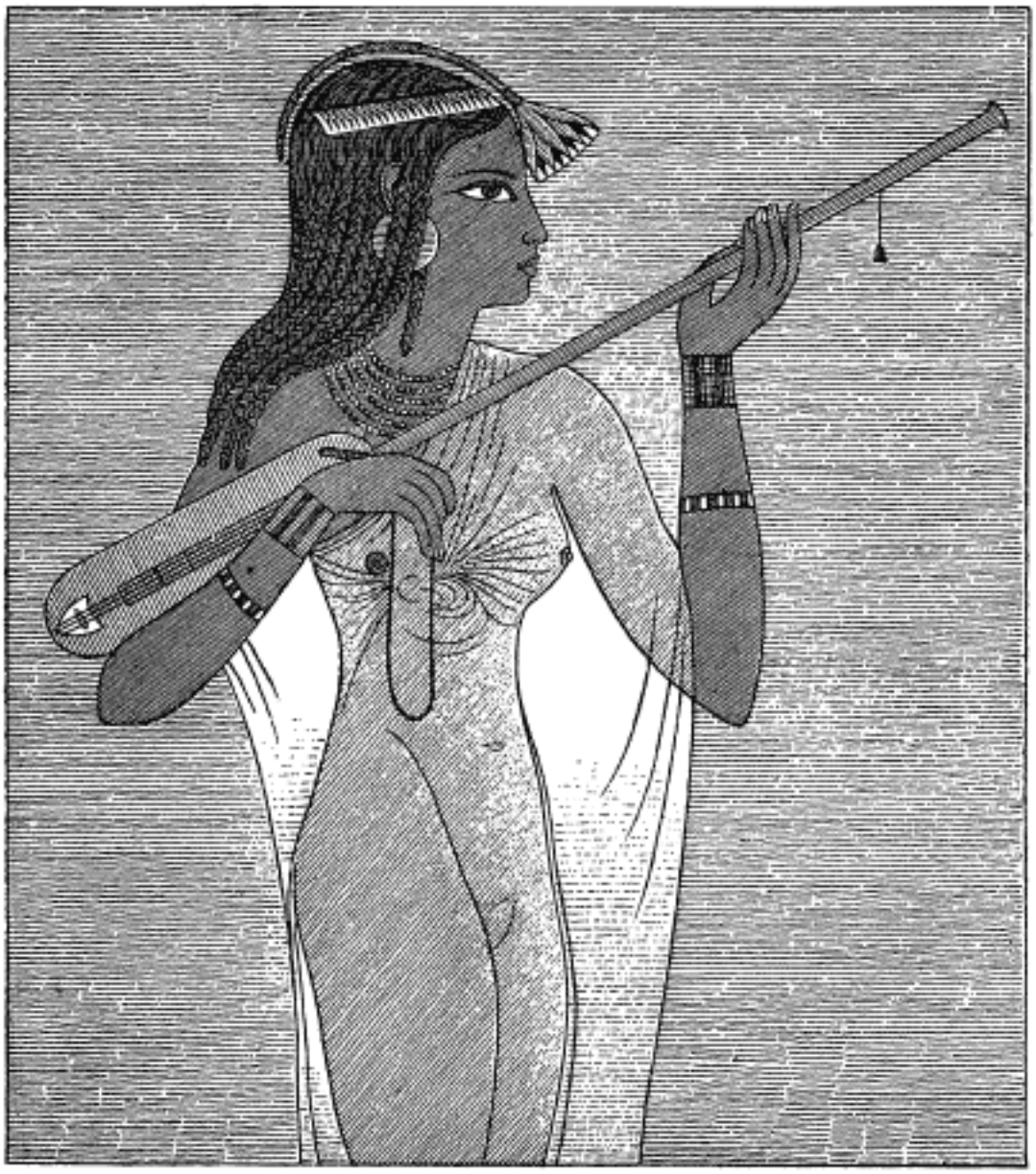
Как мы уже говорили, очень редко мы встречаемся с одеждами другого покроя. Эте, жена Сехемка, «начальника земледелия», изображена одетой в белое платье, богато украшенное цветными бусинами; оно закрывает груди, а между ними вырез в виде буквы V. Это платье носили с поясом, а потому у него не было тесемок. Другое платье, которое мы видим немного чаще, закрывает плечи, хотя не имеет рукавов, вырез для шеи обычно имеет форму буквы V[103]. Здесь на иллюстрации, где изображена прекрасная статуя Нофрет, жены верховного жреца Рахотепа, показан плащ, который носили поверх обычного платья.

В эпоху Среднего царства женская одежда, похоже, изменилась мало, и в начале правления XVIII династии изменения в ней тоже были лишь мелкие[104]; но затем, одновременно

[103] Perrot, 637, 659. L. D., ii. 57 (под платьем с тесемками?); там же, 58 (вырез для шеи круглый).

[104] Для этих более поздних периодов характерно, что одна или обе тесемки были съемными. Ср.: с двумя или с одной. L. D., ii. 128; ни одной, там же, 130; Нов.: с парой вышитых, L. D., iii. 9 f; с одной, там же, 9 d, 42; ни одной, там же, 9 e.

с изменениями в мужской одежде, женская одежда тоже стала иной; возможно, отчасти это было вызвано великими переменами в политическом положении Египта.



Платье и плащ эпохи Нового царства (согласно Перро – Шипье)

Женщины, согласно новой моде того времени, стали носить две одежды – узкое платье, которое оставляло свободным правое плечо, а левое плечо закрывало, и широкий плащ, закрепленный перед грудью; как правило, и то и другое было сделано из такого тонкого льняного полотна, что под ним были отлично видны формы тела[105]. Край плаща был вышит и, когда одетая таким образом женщина стояла неподвижно, свисал вертикально вниз. С течением времени, уже в эпоху Нового царства, этот наряд, разумеется, претерпел много изменений, за всеми подробностями которых очень трудно проследить из-за того, что египетские художники изображали одежду лишь приблизительно. Мы неизбежно вынуждены ошибаться.

[105] Например, L. D., iii. 62 c. Настенный рисунок из Британского музея (см. гравюры в следующей главе): Berlin, 2297, 7278, 8041. Кстати, мы можем здесь отметить, что Исида на ее греческих изображениях одета в такой плащ, края которого скреплены между ее грудями.

Например, если бы мы стали рассматривать показанное здесь изображение царевны Бектенатон само по себе, мы бы пришли к выводу, что она была одета в одну белую одежду.

Только сравнив его с более подробным изображением одной царицы, выполненным в те же времена, мы получаем возможность истолковать его правильно. В обоих случаях женщины одеты одинаково – в платье и плащ; но в первом случае художник показал контуры обеих частей наряда, а в другом только набросал его внешние очертания, и поэтому платье стало выглядеть изображенным сбоку, как нужно для фигуры, показанной в профиль. Но и в этом художник не последователен: он показывает, где у платья вырез для шеи и где плащ падает на левое плечо, но совершенно не обращает внимания на то, что плащ должен закрывать и часть правого плеча[106].

В таких обстоятельствах я ограничусь лишь перечислением главных видов женской одежды, которые можно с достаточной уверенностью выделить среди того, что надевали на себя женщины во времена XIX и XX династий. Следующим шагом в развитии моды был плащ, свободно наброшенный на руки, как показано на иллюстрирующих это рисунках. Вскоре к этому был добавлен короткий рукав для левой руки, а правая по-прежнему оставалась открытой. И в завершение всего, уже ближе к концу правления XX династии, к полупрозрачному платью и открытому плащу было добавлено нижнее платье из толстой ткани[107].

Женский наряд в конце периода XVIII династии (согласно L. D., iii. 100)

[106] Едва ли мне нужно говорить о том, что эти трудности возникают – в большей или меньшей степени – при работе со всеми египетскими изображениями одежды.

[107] L. D., iii. 229, 230, 231 a. На этих рисунках также особенно ясно виден рукав плаща.

Нам известен один наряд, который сильно отличается от обычного типа одежды и несомненно относится ко второй половине эпохи Нового царства. Он изображен на одной из самых красивых статуй среди тех, что находятся в Берлинском музее, и состоит из длинного платья, имевшего, похоже, два рукава, короткой накидки, украшенной на плечах бахромой, и впереди – что-то вроде просторного передника, который спускается от шеи до ступней. Раньше мы уже упоминали о мужском наряде, в котором передник примерно так же свисал вниз с пояса; изображение мужа этой госпожи позволяет нам увидеть, что оба этих фасона одежды были в моде одновременно. Одновременно со сложными видами женских нарядов мы иногда встречаем один очень скромный – простую рубаху с короткими рукавами, которая начиналась от шеи; но похоже, что ее носили только служанки.

Одежда женщин низкого звания никогда сильно не отличалась от одежды знатных дам: в большинстве случаев крестьянки и служанки ходили в одежде почти такого же вида, как та, которую носили их госпожи. Эти наряды давали очень мало возможности для движения, и потому женщины не могли носить их во время трудной работы. В таких случаях женщины так же, как и мужчины, одевались только в короткую юбку, которая оставляла свободными верхнюю часть тела и ноги.

Девушки-танцовщицы древних времен (несомненно, из-за кокетства) обычно предпочитали как раз такую одежду, но украшенную всевозможными узорами, а не более женственный наряд[108]. По подобным же причинам в эпоху Нового царства у молодых рабынь, которые прислуживали знатным господам и госпожам на пирах, единственной одеждой была полоса кожи, которая продевалась между ногами и удерживалась наверху вышитым поясом; гостям нравилось смотреть на красивые формы тел этих девушек[109].

В общем и целом развитие женской одежды шло во многом по тому же пути, что и мужской. В обоих случаях во времена Древнего царства одежда была очень простой, она мало менялась до начала эпохи Нового царства, а уже тогда, во время великого роста политического могущества Египта, в одежде произошла полная революция.

В обоих случаях изменение имело вид добавления к наряду второго предмета одежды, причем рукав имелся только для левой руки, а правая оставалась свободной для работы. Еще одно совпадение – то, что в одежде обоих полов одновременно стало уделяться очень много внимания внешнему виду. Вполне возможно, что эти изменения в какой-то степени были вызваны общением с жителями других стран, но велика ли была эта степень, мы сейчас не можем определить. Однако иноземное влияние могло коснуться только деталей, поскольку основные характеристики египетской одежды были совершенно противоположны тому, что мы обнаруживаем в одежде жителей Северной Сирии в это же время.

[108] L. D., ii. 36, 61 a, 101 b, 126.

[109] Фиванские настенные росписи, которые теперь находятся в Британском музее. W. ii. 353.

Плащ, оставляющий руки открытыми (согласно L. D., iii. 217 e)

Плащ с рукавами (XX династия. Согласно L. D., iii. 2)

Плащ с рукавами и два платья (согласно L. D., iii. 231 a)

Сирийцы носили узкие, плотно облегающие тело, простые по форме одежды, в которых темно-синие нити чередовались с темно-красными, и этот наряд обычно был богато украшен вышивкой. В Египте были в ходу широкие одежды с большим числом складок, из белых прозрачных льняных тканей, ничем не украшенные, а достоинствами египетского наряда были идеальная чистота и тончайшая структура ткани. В начале истории Древнего Египта было не так. Видно, что в эпоху Древнего царства одежду иногда делали из толстой материи[110]; в самые ранние времена одежда женщин чаще была цветной, чем белой[111], а в эпоху Нового царства она бывала иногда зеленой, а иногда разноцветной[112]. Из мужской одежды цвет исчез гораздо раньше[113], и, хотя в надписях боги и умершие люди по-прежнему требовали для себя красных, зеленых или синих тканей, у живых на смену таким материям давно пришел тонкий белый лен.

Это изгнание цвета было, несомненно, вызвано стремлением к идеальной чистоте тела – тем самым, которое заставляло египтян сбривать и волосы, и бороду. Естественно, что при таких взглядах на жизнь те работники, чьим делом было стирать одежду, играли в обществе особую роль, и «прачечник – тот, кто стирает на плотине, сосед крокодила, когда он плывет вверх по течению» был любимым персонажем египетской поэзии. Мы уже отмечали, что «главный прачечник царя» и «главный отбеливатель одежд царя» были в числе придворных чиновников высокого уровня.

[110] Например, статуя, Perrot, 637.

[111] Белый: L. D., ii. 96. Красный: там же, 19, 21. Желтый: там же, 57, 58. Много цветов: Лувр A, 102.

[112] Зеленый: Mar. Cat. d'Ab., 620. Много цветов: Берлин, 13. В эпоху Среднего царства она, как правило, была белой: Берлин, 1183, 1188.

[113] Снова желтая: L. D., ii. 55, 57 и Берлин, 1109 (6-я династия). В других случаях, насколько я могу судить, она всегда белая или белая с золотом. При VI династии в нескольких случаях (Берлин, 7764, 7765) – из полосатых тканей, но какие были их цвета, определить нельзя.

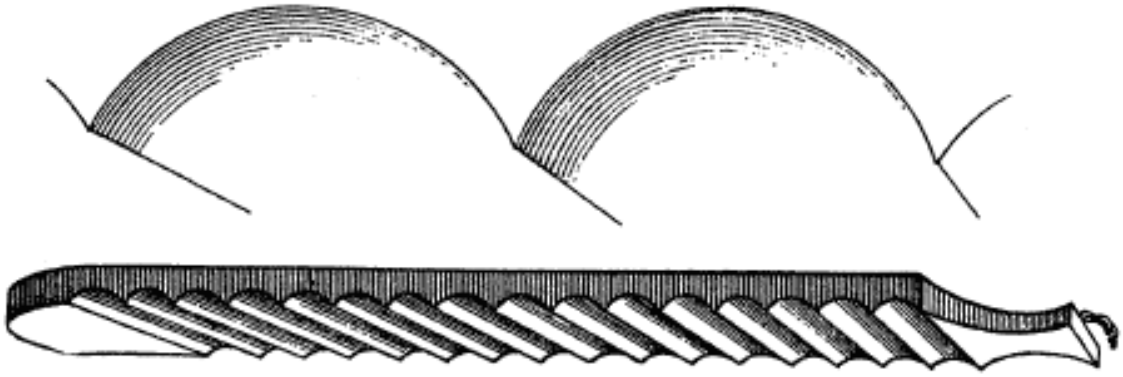
Сирийский посол во времена Тутанхамона. На рисунке-оригинале в одежде чередуются синие и красные нити. L. D., iii. 116

В хозяйстве частного лица день большой стирки был важным событием в жизни дома – настолько значительным, что его изображали в ряду рисунков, украшавших гробницы[114]. Три рисунка эпохи Среднего царства изображают рабочих, которые под наблюдением *главного прачечника* заняты *стиркой* и *выкручиванием одежды* около маленьких тазов. Мы видим, как они бьют одежду деревянными палками, обрызгивают ее, высоко поднимая руки, собрав в складки предмет белья, вешают один его конец на столбик, через другой конец продевают палку и поворачивают ее с большой силой. Затем они расправляют и складывают белье, и, наконец, *главный прачечник* упаковывает его в большой узел. Однако для хорошей стирки одежды были необходимы не только мытье и отбеливание; существовали сложные способы делать на одежде складки, которых требовала мода, но которые тонкая льняная ткань вряд ли могла принять сама по себе. Какими именно способами египтяне принуждали ее так сгибаться, мы едва ли сможем выяснить, хотя Уилкинсон сделал интересное предположение, что эти равномерно расположенные складки на одежде выдавливались на ткани с помощью такой доски, как та, которая показана здесь на иллюстрации.

[114] Изображения стирки в Бени-Хасане: L. D., ii. 126 (с надписями вверху). W., ii. 173 (только 4—13); Ros. M. C., 42, 1–2.

Согласно L. D., ii. 102 (Бени-Хасан)

Но манеру одеваться, присущую какому-либо народу, определяет не одна лишь одежда; украшения, обувь и прическа – все это важные элементы наряда. В Египте прическа имела важнейшее значение, и мы должны поговорить о ней подробнее. Раньше часто утверждали, что древние египтяне, как и их современные потомки, самым тщательным образом брили голову и носили только искусственные волосы. К тому же есть факты, которые невозможно оспорить: на памятниках древности мы видим много изображений гладко выбритых голов, в некоторых музеях хранятся парики[115], одного и того же человека изображали на портретах иногда с короткими волосами, иногда с длинными. Геродот также явным образом утверждает, что египтяне в его время с молодых лет брились, а отращивали волосы только в знак траура. Тем не менее наблюдатель, свободный от предвзятых мнений и взявшийся за изучение этого вопроса, должен будет признаться, что дело обстоит не так просто, как кажется на первый взгляд.



Деревянное приспособление, которое находится в музее во Флоренции. Выше показаны борозды на нем в их настоящем размере (согласно W., I. 185)

Тот же Геродот, например, отмечает, что ни в одной стране он не видел так мало безволосых голов, а среди древнеегипетских медицинских рецептов есть ряд лекарственных средств для мужских и женских волос. Еще важнее то, что на некоторых статуях, созданных в разные эпохи, можно заметить маленькие пряди собственных волос, которые высовываются из-под краев тяжелых париков[116]. Таким образом, мы должны сделать вывод, что, когда о человеке говорили «бритый», мы должны, как правило, понимать под этим, что его волосы были только очень коротко острижены, а действительно бритыми были только те, кто изображен в этом виде на памятниках – жрецы в эпоху Нового царства.

---

[115] London (W., ii. 329), Berlin (там же, 330), несколько изображений из Гизы (Maspero Guide, p. 332), одно в Париже.

[116] В прическах дам Др.: Perrot, 141, 142, 658, гравюра viii. У дамы времен Нов.: Берлин, 7278; у мужчины: Берлин, 2296.

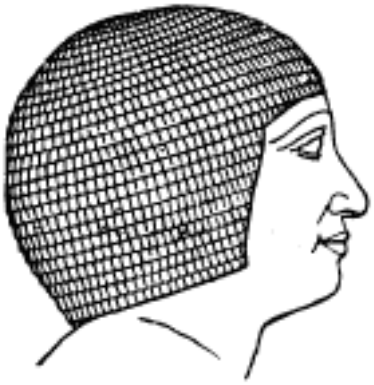
На деле памятники Древнего царства показывают нам, что первоначально короткие волосы были в моде (как показано на приведенных здесь иллюстрациях) у всех слоев общества[117] – у пастуха или лодочника и у князя, и даже у тех, кто носил одежду придворного. В то же время знатные люди имели, кроме обычной прически, более праздничное украшение для своих голов – огромные парики с искусственными прическами. Мы должны разделить эти парики на два типа – те, которые воспроизводили короткие и густые курчавые волосы, и другие, подобные длинным волосам.

Голова карлика из Гизы

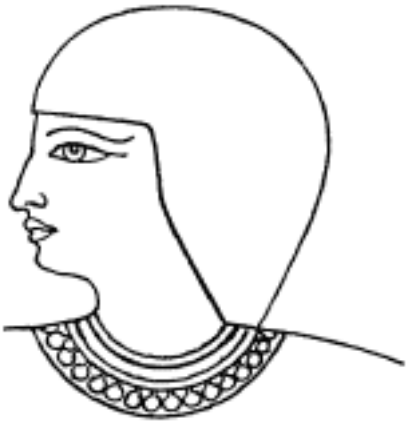
Условное изображение парика

Голова писца (статуя хранится в Лувре)

[117] Иногда (Лувр А, 102; там же, Гражданский зал 6) коротко остриженные волосы указаны только серым цветом, а прядь волос (у 1-й статуи) окрашена в черный цвет. Другие краски этих причесок такие, что режут глаз – белая: L. D., ii. 19, 57, 58; желтая: там же, 90; красная: там же, 19.



Мелкие завитки на макушке (согласно L. D., iii. 290)



Условное изображение такого парика

Мелкие завитки только на лбу (согласно L. D., ii. 21)

Короткий парик представлял собой конструкцию из мелких завитков, уложенных горизонтальными рядами, которые частично накрывали один другой – как черепицы на крыше[118]. Как правило, была видна лишь очень малая часть лба, а уши и задняя часть шеи были пол-

[118] Хорошие примеры париков обычной формы – на темени: L. D., iii. 289, 10; 290, 13, 14, 16; L. D., ii. 23, 36, c. До лба: L. D., iii. 288, 2, 4; L. D., ii. 5, 10 b, 19; Perrot, 644. С закругленным вырезом надо лбом: Perrot, 637, 141. С квадратным вырезом надо лбом: Perrot, 659, 142. Условный рисунок этого же парика: L. D., ii. 9, 10 a (парик угадывается лишь по тому, что ухо закрыто). Черный: L. D., ii. 19, 57 c. Темно-серый: L. D., ii. 19. Светло-желтый: L. D., ii. 57 a. Его несут люди: L. D., ii. 45 c, d, 66, 67–70. Dtim. Res., 8, 9. Очень необычная форма, L. D., ii. 50 b.

ностью закрыты. Многие отдельные случаи отличаются один от другого в частностях, но в целом это описание верно. Мелкие завитки были иногда треугольными, иногда квадратными; линия волос на лбу иногда прямая, иногда округленная; во многих случаях завитки начинаются на макушке, в других – у верхней границы лба; существуют и другие различия, которые можно объяснить только причудами моды. Нам кажется забавным то, что простолюдины, как обезьяны, копировали наряды своих господ. В самые ранние времена только господин, а также один или два чиновника его хозяйства носили эти парики, но от времени V династии до нас дошло много изображений ремесленников, пастухов и слуг, украшенных этим когда-то благородным головным убором. А вот парик второго типа – с длинными волосами[119] – похоже, никогда не терял свое положение наряда для избранных; правда, он был, конечно, более роскошным головным убором, чем жесткая конструкция из завитков. У длинного парика густые волосы свисали с макушки до плеч, а их концы были немного волнистыми. Иногда некоторые пряди были завиты в виде спирали.

Длинный завитой парик (согласно Перро, 655)

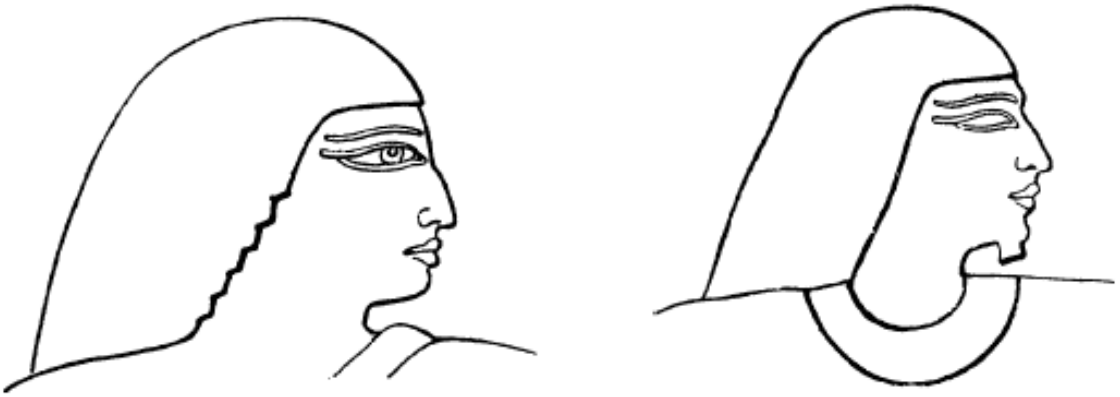
Тем не менее это чудо искусства египетских изготовителей париков со всеми вариантами, которые были допустимы, не удовлетворяло модника времен Древнего царства, и он прилагал много стараний, чтобы сделать свой головной убор еще более впечатляющим.

Длинный завитой парик (на портрете Уерхуу из L. D., ii. 44 a)

Некто Шепсесра, который был «начальником юга» при царе Исеси, должно быть, особенно старался быть в этом отношении лучшим. Он приказал изготовить для своей гробницы четыре статуи, все с разными прическами. Две изображают его в обычных париках, третья – с длинными и волнистыми, как у женщины, волосами, а четвертая – в парике из мелких завитков, который доходит до середины спины. Эта последняя прическа была, должно быть, изобретена изготовителями париков, потому что уложить собственные волосы человека таким чудесным способом было бы совершенно невозможно. То же можно сказать и о фасоне парика, который стал господствующим при VI династии. Это было бессмыслен-

[119] Хорошие примеры длинных париков. Вид спереди: L. D., ii. 11, 44; Perrot, c. 10, 655. Вид сбоку: L. D., iii. 288, 3, 5, 289, 7–9. L. D., ii. 3, 9, 25, 27. Волнистый: L. D., ii. 89, iii. 288, 3. Скрученные пряди: Dtim. Res., 8, 9, 12 (V династия). Видно ухо: L. D., ii. 43 b.

ное сочетание двух более ранних видов: прическа с длинными волосами, весь стиль которой позволяет выполнить ее только из длинных прядей, но разделенная, по образцу париков другого вида, на ряды мелких завитков, и при этом сохранившая свои волнистые очертания.



Условные изображения этого головного убора (на портрете Хафраанха из L. D., ii. 9; и портрете Мехи из L. D., ii. 74 c)

В эпоху Среднего царства мода на прически изменилась мало. Похоже, что мужчины из верхов общества оставались верны двум древним видам парика[120], а люди низкого звания отращивали собственные волосы[121]; сразу после изгнания гиксосов мода тоже не изменилась: это произошло лишь вместе с внешнеполитическим усилением Египта[122]. С этого времени, то есть со второй половины периода правления XVIII династии, моды явно быстро сменяли одна другую, и мы не всегда можем понять (по тем материалам, которые есть в нашем распоряжении), как долго держалась та или иная мода.

Короткие парики (согласно L. D., iii. 77 e, 115. Ср. также: голова писца на с. 113)

[120] Более короткий: L. D., ii. 121, 128, 130. Более длинный: там же, 126, 129, 131. В обоих случаях уши часто оставляли открытыми.

[121] L. D., ii. 126, 132.

[122] Короткие парики: L. D., iii. 1. Длинные: там же, 9 e. С маленькими завитками: там же, 39 c. Очень длинные, свисающие вдоль спины: там же, 9 f, 10a.

Головные уборы, спускающиеся на плечи (согласно L. D., iii. 121 b, 100, 173 c)

Мы можем выделить два основных вида причесок – более короткая, часто закрывающая шею, и более длинная, в которой масса густых волос спадает спереди на плечи. Простая разновидность короткой прически показана на приведенном здесь изображении головы «начальника житниц» Хаемхета: прямые волосы вокруг всей головы, остриженные даже над спиной[123]. Но как правило, египетских мужчин не удовлетворяла такая простота; мода требовала иметь завитые волосы или по меньшей мере бахрому из маленьких завитков вокруг лица и одну прядь, свободно ниспадающую на спину[124]. В своем простейшем виде эта вторая прическа с волосами накрывающими плечи, не очень отличалась от более короткой, но, как правило, в этом случае сооружали что-нибудь гораздо более величественное. Концы волос и волосы вокруг лица иногда тоже были завиты очаровательным, хотя и довольно неестественным образом, как мы видим на изображениях нескольких знатных особ периода XVIII и XIX династий. Волосы, спадавшие на плечи, разделяли на отдельные пряди, каждую из которых завивали; эти завитки красиво контрастировали с остальными волосами, которые обычно были прямыми[125].

[123] L. D., iii. 76 b, 77 e. Похожие: там же, 98 a, 153; Берлин, 2289, 2296 (над ушами видны собственные волосы).

[124] Ср. также воспроизведение настенных росписей из Британского музея, представленное в следующей главе.

[125] Много разнообразия в мелких деталях: L. D., iii. 77 a; Berlin, 2277, 2287, 2293, 2298, 2303, 7278, 7316 и др. Позже, при Тутмосе III, концы стали еще короче: Лувр A, 53.

Рисунок согласно L. D., iii. 77a. Ср. также: голова Нефергора на с. 88

Оба вида прически, которые были описаны здесь, были в ходу у всех людей высокого звания при XVIII и XIX династиях; что это действительно были парики, а не их собственные волосы, мы видим по тому, как менял свои прически один и тот же человек. Их продолжали носить и при XX династии, при ней мы встречаемся также и с длинными, свободно свисающими волосами.

Парик с длинными волосами (согласно L. D., ii. 21)

Парик с короткими волосами (согласно Перро, гравюра ix)

Парик с длинными волосами (Перро, 659)

В эпоху Древнего царства женщины всех слоев общества носили большую прическу из прямых волос, разделенных надвое и спускавшихся до груди. Многие рисунки доказывают нам, что эти роскошные шевелюры тоже не всегда были природными: иногда мы видим без них не только служанок, но и взрослых хозяиских дочерей, и самих хозяек[126], а на голове при этом заметны короткие волосы[127]. В нескольких случаях мы встречаемся с более коротким видом парика, который иногда носили женщины высокого происхождения.

У такого парика волосы спускались самое большее до плеч, а спереди под париком (как правило) были видны собственные волосы, закрывавшие лоб почти до глаз.

[126] Дамы: L. D., ii. 25, 27, 74 c, 90. Дочери: L. D., ii. 8 b, 19, 22 a, 25, 27. Служанки: L. D., ii. 9, 17 c, 35, 36 c и Perrot, 663.

[127] Они были белого или желтого цвета и точно такие же, как соответствующие прически мужчин.

Из W., ii. 339

С рисунка из Британского музея

Из Перро, 795

В течение всей долгой эпохи Среднего царства мода на женские прически оставалась на удивление постоянной: единственное изменение, которое мы можем отметить, было то, что из концов двух половин прически делали красивую бахрому. При больших переменах в одежде, которые произошли у египтян в середине периода XVIII династии, появилось несколько новых видов как женских, так и мужских причесок, которые возникли одновременно с этими переменами и явно отражали ту же тенденцию. Похоже, что они были порождены желанием, чтобы конструкция, созданная из волос, давала им больше свободы и была менее жесткой.

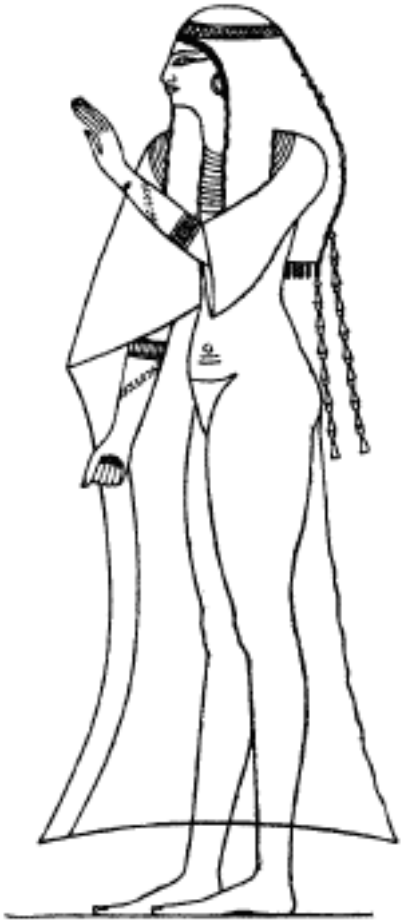
Тяжелые пряди, свисавшие впереди, теперь были позабыты, и волосы либо укладывали так, чтобы они покрывали всю верхнюю часть тела, либо зачесывали назад, чтобы они свисали на спину. В деталях прически очень сильно отличались одна от другой. Иногда это были прямые волосы, спадавшие вниз, иногда волосы были заплетены в косички, а иногда были завиты[128]. Одни женщины носили длинные волосы, другие короткие и пышные, некоторые обрамляли свое лицо восхитительными длинными косами, другие – короткими косичками. Однако почти все, и мужчины и женщины, скручивали вместе концы нескольких кос или завитых прядей, создавая нечто вроде бахромы по краю тяжелой массы волос (см. рис. на с. 88, 118).

Более изящным образом причесана играющая на каком-то музыкальном инструменте девушка с так часто упоминаемого лондонского рисунка (см. следующую главу): легкие завитки волос окружают голову, не скрывая ее формы, а несколько завитых прядей свисают сзади, как «конский хвост». Очень похожим на это образом уложила свои косы одна молодая служанка: три из них, толстые, связаны в «конский хвост», и еще по восемь, меньшего размера, свисают вдоль каждой из щек.

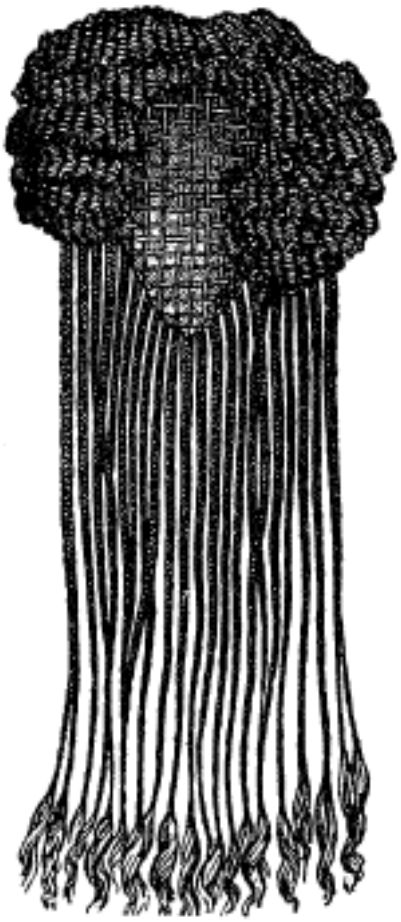
Все эти прически носили дамы во времена XVIII династии; позже, особенно при XX династии, дамы вернулись к старому типу прически – снова позволяли падать на каждое плечо по одному тяжелому локону. Правда, женщины очень далеко ушли от старой простоты: они делали свои волосы волнистыми, а те, кто мог, позволяли своим парикам спускаться ниже пояса. Я говорю *парикам* потому, что большинство этих причесок, должно быть, были

[128] Фиванские настенные росписи из Британского музея. Берлин, 2297, 7278 (внизу видны собственные волосы).

искусственными: это видно по тому, что в различных случаях те же самые дамы носили короткие прически. Одной из этих дам принадлежал парик из Берлинского музея (см. иллюстрацию), длинные завитые пряди которого сегодня кажутся слишком похожими на нити.



Прическа периода XX династии (согласно L. D., iii. 2)



Парик из Берлинского музея

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.